ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Максим Горький

НА ДНЕ
ДАЧНИКИ

На дне. Дачники
Максим Горький

Аннотация
Максим Горький. На дне; Дачники. Пьесы
А. М. Горький – драматург. (о пьесах «На дне» и «ДаЧники»)
На дне. Картины. четыре акта
  Акт первый
  Акт второй
  Акт третий
  Акт четвертый
На дне. Картины. Четыре акта
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Действие четвертое
Комментарии
  На дне. Картины. Четыре акта
  Дачники. Сцены

Аннотация

В книгу вошли пьесы великого русского драматурга и писателя Максима Горького «На дне» и «Дачники».

Для старшего школьного возраста.

Максим Горький
На дне; Дачники. Пьесы

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Максим Горький
1868—1936

Художник А. Акишин

© Троицкий В. Ю., вступительная статья, 2001
© Акишин А. Е., иллюстрации, 2023
© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2023

А. М. Горький – драматург (о пьесах «На дне» и «ДаЧники»)

В начале XX века, когда еще жив был великий Лев Толстой и память современников хранила живые воспоминания о недавно ушедшем А. П. Чехове, в русской литературе уже прочно утвердился авторитет молодого писателя Максима Горького. Под таким псевдонимом начал свой писательский путь Алексей Максимович Пешков (1868—1936), человек удивительной судьбы, необыкновенного дарования, прошедший тяжелые университеты жизни и достигший мирового признания.

Его творчество в это время не просто привлекало внимание современников, но, без сомнения, имело большое влияние на литературу и общество. В нем слышались совершенно новые мотивы человеческого достоинства, звучали резкие ноты протеста против унижения человека и социальной несправедливости, наконец, утверждалась вера в светлое будущее, которое обязательно придет, если человечество станет твердо и последовательно стремиться к изме-

нению установленных порядков. Порядков, позволяющих одним легко и беззаботно жить в роскоши, не трудясь и не ведая угрызений совести, а других — массу трудящихся — обрекающих на бедность, непосильный труд и бесправие.

Вслед за первыми, романтическими по духу произведениями, написанными в 1890—1900-х годах («Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), последовали его рассказы, где глубокое аналитическое изображение жизни преобладало («Месть», «Супруги Орловы», «Горемыка Павел», «Озорник», «Двадцать шесть и одна», «Фома Гордеев» и мн. др.).

В начале XX века Максим Горький впервые заявил о себе как драматург и сразу обратил на себя внимание зрителей, литературных критиков, и воистину стал восходящей звездой на небосклоне русской сцены.

Первой (и едва ли не самой замечательной) пьесой А. М. Горького стала его социально-психологическая и философская драма «На дне», которой писатель дал скромный подзаголовок: «Сцены».

Эта драма требует умного и любознательного чтения, но всякий, кто преодолеет стремление пробежать написанное, не вникая в его глубину,

будет вознагражден; он увидит и поймет многое ценное и прекрасное, неведомое другим…

Зачастую драматические произведения воспринимаются как бы «по традиции»: их понимание определяется нередко смыслом основного столкновения, в котором и раскрываются наиболее значительные черты главных героев пьесы. При этом многочисленные детали, отражающие существенные стороны мировосприятия персонажей, если и не упускаются из виду, то, по крайней мере, не привлекают должного внимания читателя или зрителя. Между тем, если мы имеем дело с классикой, в этих деталях, в многочисленных словечках, брошенных как бы вскользь и, как считает иной не очень образованный читатель, «для колориту», содержится, как правило, нечто очень важное, а иногда и существеннейшее для осознания предметного содержания текста, а значит, и для создания и воссоздания тех художественных образов — характеров, через которые и передается реальный глубинный художественный смысл произведения.

Современники по преимуществу оценивали «На дне» (1902) как «настоящую литературную революцию», «апофеоз нового слова и новой

литературной мысли…»[1]. В этой драме писатель воссоздал жизнь обездоленных «низов», судьбы людей, поставленных на грань выживания. Таких были десятки тысяч во многих городах капитализирующейся России.

Страдающие от нищеты, отвергнутые «цивилизованным» обществом, они по своей нравственности зачастую не ниже его. Опустившиеся «на дно», они сохраняют прежние свойства своей натуры, многие привычки и представления. Однако нелепость некоторых из них в новых условиях становится очевидной и им самим. В прошлом они оставили иную, неудавшуюся жизнь, с ее рухнувшими надеждами и неосуществленными планами.

Люди эти мучительно ищут ответы на вопросы, поставленные социальной действительностью. Они рассуждают о своих судьбах, о человеке и мире, то заблуждаясь, то обретая трезвый взгляд, а иногда и мудрую доброту, которая помогает им выжить в условиях крайней бедности и бесправия. При этом за бытовыми, личными разговорами просматривается для проницательного читателя «второй план», философский смысл,

---

[1] Примечания: 1
Новости дня. 1902. № 351. 24 дек.

упускаемый поверхностным взглядом.

Художественная организация текста, заложенный автором смысловой потенциал выводят драматические события и речи, рожденные житейской мудростью и отчаянием, далеко за пределы «наглядных частностей», рождая ситуации и образы необыкновенной содержательности. В обыденных спорах герои пьесы решают вопросы — о справедливости, о человеческом достоинстве, о свободе, о смысле жизни, правде и вере. Как известно, первая постановка пьесы состоялась 18 декабря 1902 года на сцене Московского Художественного театра.

Неожиданная картина возникла перед зрителями: «Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. <…> Везде по стенам — нары…»

Здесь живут «бывшие» люди, «выпавшие» из разных сословий и потерявшие прежнее положение в обществе.

В пьесе сталкиваются меж собой ночлежники и их хозяева. При этом босяки, говоря словами Горького, как правило, «находятся в вечной кабале у содержателей ночлежек», которые «так ставят дело, что человеку необходимо совершить

преступление…».

В сумрачном царстве нищеты и безысходности властвует жена хозяина ночлежки Михаила Ивановича Костылева Василиса (имя ее значит «царствующая»).

На самых низких ступенях социальной лестницы — остальные: Васька Пепел (тоже «царствующий»), любовник Василисы; слесарь Клещ и его жена Анна; девица легкого поведения Настя, торговка пельменями Квашня; картузник Бубнов, Барон, Актер, Сатин, сапожник Алешка, крючники[2] Кривой Зоб и Татарин, наконец, сестра хозяйки — Наташа и появившийся в ночлежке старец Лука, странник.

С первых сцен постепенно обнаруживается скрытый от поверхностного взгляда смысл слов и событий пьесы. Так, в небольшом диалоге первого акта улавливаем мы за словами, непонятными Актеру, философский взгляд на жизнь «образованного человека» — Сатина.

Актер (*громко, как бы вдруг проснувшись*). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем…

Сатин (*улыбаясь*). Органон.

---

[2] Примечания: 2

Крючник — таскающий тяжести с помощью крюка, носильщик.

Актер (*настойчиво*). Не органон, а ор-га-ни-зм…

Сатин. Сикамбр…

Актер (*машет на него рукой*). Э, вздор! Я говорю — серьезно… да. Если организм — отравлен… значит — мне вредно мести пол… дышать пылью…

Сатин. Макробиотика… ха!

Актеру неведомо, что «органон» в переводе означает «орган знания, разумность». Сатин ведет речь о том, что отравлен, поврежден сам *Разум, разумность* устроения жизни.

Актера, не понимающего его слов, Сатин называет дикарем: ведь *сикамбры* — это древнегерманское доисторическое племя, располагавшееся по берегам Рейна.

Не понимает Актер и последнего слова, которым Сатин поддразнивает собеседника. «*Макробиотика*» — так называлась в переводе книга немецкого врача К. В. Гуфеланда «Искусство продлить человеческую жизнь» (СПб.,1852). А следовательно, содержательность диалога недоступна не только Актеру, но и не знающему смысла слов — зрителю.

В речах героев сходятся приземленный, бытовой, и философский, глубокий, взгляды на жизнь. Художественная логика происходящего постепенно подводит нас к пониманию философского

смысла горьковского произведения. В нем поставлено столько самых разных жизненно важных вопросов, что для их освещения потребовалось бы многотомное исследование. Коснемся лишь главных.

Читателю и зрителю ясно, что судьба большинства жителей ночлежки, да и ее хозяев развивается как социальная драма и завершается как трагедия.

Есть тому общая причина: равнодушие к человеку в обществе, основанном на лицемерной буржуазной морали. Там, где узаконены самодовлеющий прагматический расчет и накопительство, любой может стать жертвой социальных обстоятельств. События пьесы подтверждают это. Убит в драке Костылев; попадают в тюрьму Василиса и Васька Пепел. Пропадает без вести изуродованная Василисой ее сестра Наташа, не раз умиротворявшая обитателей «дна» (имя ее в переводе значит «утешение»). Умирает бедствовавшая до своей кончины жена Клеща — Анна. Сам же он после смерти жены теряет надежду на достойную жизнь труженика («инструмента — нет, все— похороны съели») и смиряется со своим положением. Озлобляется против всех до тех пор возрождавшаяся духом в выдуманных

ею романтических историях Настя (имя ее переводится как «воскресшая»). Кончает с собой Актер. Становится инвалидом Татарин («руку-то раздавил на работе… отпилить напрочь руку-то придется»).

Настоящее ночлежников — мрачно, будущее — тревожно и темно. Прошлое печально, но ничем уже не грозит им. Поэтому с таким упоением все они рассуждают об ушедшей жизни, и слова «был», «было» не сходят с их уст. Даже наиболее независимый старожил ночлежки Сатин упоминает, что «был мальчишкой… служил на телеграфе», «был образованным человеком». «А я вот скорняк был», — говорит в ответ Бубнов, рассказывая драматическую историю ухода от своей жены. Лука спрашивает: «А ты, милый, бароном был?» Барон рассказывает, как в давние времена пил утром в постели кофе со сливками и как при Николае Первом его дед «Густав Дебиль… занимал высокий пост… Богатство… сотни крепостных… лошади… повара. Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты… кареты с гербами!» И, однако же, бросает о себе: «Все уже… *было*…» Актер также нередко вспоминает о своем артистическом прошлом, когда его, выступавшего под именем Сверчкова-Заволжского, сопровождал

гром аплодисментов.

Однако же все, бывшее ранее, оказывается лишенным смысла или лживым, и прежде всего потому, что законы, по которым живет буржуазное общество, как правило, унижают человека-труженика, обессмысливают человеческий труд, самую жизнь, способствуют возникновению в ней грубого практицизма, бесчестия, лжи и безверия. Достаточно вспомнить цинические слова полицейского Медведева: «Никого нельзя зря бить… бьют — для порядку…»

Яркое обвинение этому обществу звучит в речах Сатина. «Работа? — полемически возражает он Клещу. — Сделай так, чтоб работа была мне приятна… когда труд— удовольствие, жизнь — хороша. Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!» Сатин имеет в виду осмысленный, созидательный труд «для лучшего», труд, в котором человек чувствует себя нужным, полезным и по достоинству оцененным.

В буржуазном обществе такое чаще всего невозможно. Не случайно резонер Бубнов на слова Насти «лишняя я здесь» заявляет со спокойной безысходностью: «Ты везде лишняя… да и все люди на земле — лишние». Поэтому-то и труженики, подобные Клещу, не находят себе места. Хотя

Клещ и отстаивает упорно мысль о достоинстве рабочего человека, Сатин возражает ему: «Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется…»

Судьба и жизнь людей «дна» служили неопровержимым доказательством насилия над человеческой личностью, которое неизбежно возникает в условиях буржуазного государства, основанного на принципах лжи и равнодушия к человеку. Именно поэтому пафос сатинской речи («Человек — свободен!..») вызывал гром аплодисментов.

Утверждение свободы и достоинства человека, на какой бы ступени социальной лестницы он ни находился, звучало особенно мощно в обстоятельствах, где человек унижен, ограблен и, как правило, лишен возможности вернуться к образу жизни, обеспечивающему достойное существование. Все это было обвинительным приговором лицемерной буржуазной морали и достойным ответом на вопрос, как надо утверждать «человеческое в человеке». Для этого, как следовало из пьесы, нужно уничтожить ложь, лежащую в основе общественных отношений. Не случайно Сатин не без язвительности замечает: «Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди… говорят, как шулера?»

Итак, истинная свобода находится за пределами той необходимости, в которую ставит людей современное общество.

Не у одного Клеща — у всех ночлежников и у тысяч, подобных им, нет ни работы, ни пристанища, ибо общество, порождающее нищету и бесправие, — на ложном пути. «Ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего… и обвиняет умирающего с голода», — заявляет Сатин. Именно это в первую очередь имеет он в виду в своей страстной речи о человеке: «Ложь — религия рабов и хозяев». На ней нельзя строить жизнь «для лучшего». Этот ведущий мотив пьесы остро ощутили зрители предреволюционной обстановки 1900-х годов, воспринимая «На дне» как «пьесу-Буревестник, которая предвещала грядущую бурю и к буре звала» — так передавал свои впечатления великий русский актер В. И. Качалов[3]. На этой революционизирующей стороне горьковской драмы обыкновенно сосредоточивали внимание в советский период развития русской литературы. При этом не менее важные проблемы человеческого бытия, вопросы духовной жизни героев оказывались как бы

[3] Примечания: 3

Качалов В. И. Из воспоминаний // М. Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 206.

приложением к социальным проблемам.

Но социальная проблематика, определяемая недопустимым различием имущественного уровня и правового положения общества, — лишь одна сторона многогранного идейно-художественного содержания горьковской пьесы. Ее герои постоянно рассуждают о человеке и человеческом достоинстве, о смысле жизни. А их воспоминания служат способом самоутверждения людей, живших в обществе и некогда признаваемых им.

Достоинство и независимость неразрывно соединены в их сознании. Если хозяин Костылев утверждает, что «человек должен определять себя к месту», то ночлежники стремятся к независимости или освобождению от связанного обстоятельствами жизненного положения.

Квашня заявляет, что она «свободная женщина, сама себе хозяйка», не желает «вписываться в паспорт», то есть отдавать себя в крепость мужчине, «будь он хоть принц американский». Клещ всеми силами стремится выйти из-под неволи Костылевых. Пьяный сапожник Алешка диким образом утверждает разнузданно понимаемую им «свободу». Василиса хочет, чтобы Пепел «освободил» ее от мужа. Свободно бродит по свету, наблюдая

«дела человеческие», старец Лука, собирающийся поглядеть на «новую веру», которую будто бы открыли в Малороссии. Наконец, Сатин вдохновенно провозглашает: «Человек — свободен… он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за все платит сам, и потому он — свободен!» Так утверждает герой пьесы свободу воли и неизбежность ответственности за эту свободу. «Человек за все платит сам» — означает на деле, что всякий поступок человека неизбежно предопределяет в чем-то его судьбу в мире вещественном и духовном.

В этой речи Сатин поднимается до утверждения личности в человеке, до духовного понимания свободы. Его слова: «Человек — выше! Человек — выше сытости» — вполне доказывают это.

С такого этапа внутренней независимости только и может начаться освобождение от общественного и любого другого насилия и преодоление бесправного положения людей «дна». Поэтому-то многие ночлежники во всем пытаются преодолеть принятую обыденность и «стандартность», утверждают разными, иногда наивными способами свою неповторимость и самобытность. Тем самым они как бы упрочивают свое право на свободу во мнении окружающих.

Однако сознание человеческого достоинства ночлежников повреждено. Это сквозит в их обыденном отношении к окружающим и в их речи: они унижают друг друга бранными кличками и словами («козел ты рыжий», «старая собака», «нечистый дух», «дуреха», «щенок», «свинья», «звери», «бродячие собаки», «волки» и т. п.), не осознавая, что, произнося эти ругательства, они оскверняют прежде всего человека в себе, свое личное достоинство.

В иных же представлениях некоторые из них обнаруживают признаки злокачественного повреждения важнейших чувств, которые делают человека человеком, — чувства стыда и совести. Ведь в цинических словах Пепла («А куда они — честь, совесть?», «...в совесть — я не верю»), в подобных репликах Бубнова и даже Сатина открываются язвы цинизма, растлевающего человека.

И это также неслучайный признак героев, но более всего признак времени, признак декаданса (упадка) буржуазной культуры, отраженным образом воспринятый босяками, ведь характернейшим признаком этой культуры является индивидуализм, нравственное своеволие, стремление унизить, развенчать человека, изобразить

его игрушкой слепых сил, главное же — «свободно» отказавшимся от вечных нравственных ценностей.

Не всех одолел этот цинизм: осталось у многих прочное человеческое начало. Это подтверждают, например, горячие слова Татарина: «Надо играть честна!», «Надо честно жить!». И тот же Сатин провозглашает: «А кто — сам себе хозяин… кто независим — не жрет чужого — зачем тому ложь?» И все же многие ночлежники развращены циническим нигилизмом.

Есть «на дне» тот, кто не унижает себя подобным образом. Это старец Лука (что в переводе значит «светлый»). Его обращение к ночлежникам и слова о них вполне достойны человеческой речи («народ честной», «девушка», «батюшка», «браток», «голубка», «люди», «человек», «мать», «матушка», «милая», «детынька», «дядя»[4]. Достоинство выражений не исключает резкости его осуждающего взгляда. Лука открыто говорит хозяину ночлежки: «Вот ты, примерно… Ежели

[4] Примечания: 4

В речах притворяющегося святошей Михаила Костылева (его имя переводится как «подобный Богу», но в сочетании с «говорящей» фамилией оно выглядит сниженно, почти пародийно) и Константина Сатина (имя его в переводе означает «постоянный», но дается оно зачастую по контрасту человеку, обладающему устойчивым непостоянством) смешиваются в отношении к людям достойные и недостойные слова.

тебе сам Господь Бог скажет: „Михайло! Будь человеком!“ Все равно никакого толку не будет… как ты есть — так и останешься».

Из уст Луки впервые слышат зрители слова о сущности человека, которая определяется не социальным положением, не богатством, не чинами и званиями, а чем-то иным: «Как ни притворяйся, а человеком родился, человеком и помрешь».

В устах Луки, помогающего Анне, естественно звучат речи о внимании к человеку: «…а разве можно человека эдак бросать? Он — каков ни есть — а всегда своей цены стоит…» Несколько позже, убеждая Актера бросить пьяную жизнь, он говорит с уверенностью: «Человек — все может… лишь бы захотел…» И вовсе не лицемерием вызваны его слова в разговоре с Наташей: «Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть… Жалеть людей надо!.. вовремя человека пожалеть… хорошо бывает», именно Лука подводит итог одному из разговоров: «…порядка нет в жизни… чистоты нет». И сам без уговору берется подметать пол. Рассказанная же им история из прошлого, когда он служил в Сибири сторожем на даче, подтверждает ту его мысль, что всякий человек нуждается в добром отношении.

Лука то вступается за Настю, устыжая Барона («Ты, барин, зачем девку тревожишь?»), то упрекает Квашню за равнодушие к Анне. Он всегда сочувствует людям, в том числе тем, кто унижен, беспомощен и даже грешен («я и жуликов уважаю»), потому что изначально ценит человека, а не его грех. Это также подтверждает упомянутый рассказ Луки: воры — просто отчаявшиеся от голода «хорошие мужики» Яков и Степан.

Лука первый поддерживает любую мысль о человеческом достоинстве: «Верно: человек должен уважать себя». Он понимает, что уважать себя может только тот, кто живет во имя чего-то значительного и высокого: «Всяк думает, что для себя проживает, ан выходит, что для лучшего!» Это «лучшее» старец определяет как «лучшего человека», совершенного в своем сознательном творчестве. В вечном самосовершенствовании видит он смысл земного бытия. Поэтому-то и советует он уважать ребятишек: «Ребятишкам простор надобен! Деткам-то жить не мешайте… Деток уважьте!»

Эта мысль Луки означает его ответ на вопрос о смысле жизни для *лучшего*. Сатин в своем заключительном монологе о человеке только по-своему повторяет эту мысль, затемняя ее. Человек как

возможность, как *лучшее*, превращается в некоторую «усредненность» («ты, я, они, Наполеон, Магомет… в одном»). И здесь, несмотря на страстный пафос речи героя во имя человека и смысла его бытия, как бы теряется ясная иерархия ценностей, выстроенная в речах Луки. Вправе ли мы не заметить этого?

Вчитываясь в текст горьковской пьесы, мы не можем не заметить, что немалую нагрузку несут споры о правде и их смысловое содержание.

Разговоры и споры эти возникают с первых реплик пьесы и не прекращаются до ее конца. Этому слову каждый из говорящих придает какой-то новый, особый смысл или оттенок, объясняющийся предметными обстоятельствами, о которых идет речь, и уровнем представлений собеседников. Так что иногда понять друг друга они не могут, потому что говорят о разном.

Чтобы осознать смысл этих споров, нужно помнить мудрое замечание Луки: «…не в слове — дело, — почему слово говорится — вот в чем дело».

Сам Лука, кажущийся окружающим странным и даже лукавым, на самом деле говорит прямо и никому не лжет.

Не лжет он Актеру: «…Ты… лечись! От пьянства

нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат… такая уж лечебница устроена для пьяниц, чтобы, значит, даром их лечить…» И действительно, первая русская лечебница для алкоголиков с платными и бесплатными местами была открыта в Казани уже в 1896 году, в 1898-м подобная лечебница была открыта в Москве, а в 1900-м — в Киеве. Так что Лука не попусту обнадеживает Актера, прибегая к ободряющему внушению. Более того, ему удается на время свернуть Актера с гибельного пути. И только воздействие закоренелого пьяницы и циника Сатина вновь подрывает в нем стремление освободиться от своего застарелого недуга.

Некоторые разговоры Луки кажутся парадоксальными[5].

Первый парадокс о правде содержится в рассказе Луки умирающей Анне: «А Господь — взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите ее, Анну, в рай! Пусть успокоится… Знаю я, жила она — очень трудно … очень устала… Дайте покой Анне».

Можно ли сказать, что Лука говорит ложь? Конечно же нет. Ведь старец в наивном изло-

---

[5] Примечания: 5

Парадокс — здесь: необычное мнение, внешне противоречащее здравому смыслу.

жении передает догматические представления христианской веры, представления, подобные которым были и есть *очевидны и истинны* для всех православных людей России. А приписывать Луке атеизм (безбожие) нет оснований.

Второй парадокс о правде возникает в разговоре Пепла и Луки. Хвалебные слова Луки о Сибири Пепел резко прерывает: «Старик! Зачем ты все врешь?» На что Лука отвечает: «А ты мне — поверь, да поди сам погляди… Спасибо скажешь…» И продолжает: «И… чего тебе правда больно нужна… подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя!»

Лука искренен. Он-то знает, что в далекой Сибири ловкий, дерзкий и сильный переселенец Васька Пепел, наверное, смог бы найти себе и место и труд по душе. Слово «правда» в ответе Луки означает не больше чем принятое мнение, выдаваемое за действительность. Но Луке Сибирь известна, и он вправе дать такой, далеко не лишенный смысла, совет.

Не его вина, что этой правде Васька Пепел не последовал, хотя и стал было о том подумывать. О его намерениях свидетельствует разговор с Наташей («Я сказал — брошу воровство! Ей-богу — брошу… я грамотный… буду работать… Вот он

говорит — в Сибирь-то по своей воле надо идти… Едем туда. Ну?..»).

Третий парадокс о правде — в оценке выдуманного рассказа Насти о драматическом свидании с возлюбленным. Лука не менее других понимает, что история сочинена, но не спорит, не отрицает ею сказанного: «Я верю! Твоя правда, а не ихняя… Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь… значит — была она!» И Лука опять не врет. Ведь он говорит не о реальных фактах, не о событиях, а о чувствах, на которые способна Настя и которых так ждет она, поруганная и оскорбляемая всеми. По всему видно, что страшная жизнь не исковеркала ее натуру и в ее фантазиях, в ее душе живет истинная любовь. Любовь как чувство, пронесенное через унижение, конечно же была у Насти. И в этом глубоком смысле Лука опять говорит правду.

В разговоре с Бубновым Клещ в припадке отчаяния проклинает правду. Он понимает под правдою прежде всего жизнь, как она есть, безысходность своего положения. Здесь Лука, вмешиваясь, подводит к мысли, что «правда не всегда по недугу человеку… не всегда правдой душу вылечишь». Это значит, что безусловное признание такой жизни, как она есть, без воз-

можности и надежды ее изменить, — зачастую невыносимо.

История о праведной земле также не выдумана старцем. Веру в очевидную реальность такой земли — Беловодья исповедовали странники (или бегуны). К этой раскольничьей секте по всем признакам и принадлежал Лука. Не случайно он не имеет паспорта: бегуны сжигали его при вступлении в секту в знак того, что порывают с миром антихриста. Не случайны и его знаменательные слова в разговоре с Бароном: «Они, бумажки-то, все такие… все никуда не годятся». Дело в том, что все государственные бумаги бегуны считали проштемпелеванными антихристовой печатью и отрицали их. Не случайно Лука жил «под Томском-городом». Именно здесь находились перевалочные пункты бегунов, направлявшихся в поисках праведной земли в восточные области, надеясь найти ее то близ Китая, то на Японских, Сандвичевых и Аландских островах[6].

Итак, Лука не лжет, даже не уклоняется от правды. Он очень точно отвечает на вопрос Пепла («Слушай, старик: Бог есть?»): «Коли веришь, —

[6] Примечания: 6

В 1903 году появилось одно из ярких описаний подобного путешествия — книга Г. Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» с предисловием В. Г. Короленко.

есть; не веришь, — нет...»

Нужно помнить, что, согласно православным представлениям, Бог находится («почивает») лишь в душе человека верующего. А в душе неверующего Бог отсутствует; человека же, осквернившего свою душу, Бог покидает и уже не служит ему спасителем...

Сказанное о Луке вовсе не значит, что он идеальный герой. Его характер сложен. В нем есть и доля снисходительного равнодушия, и расчетливой осмотрительности, и даже эгоизма.

Между тем в споры о правде Актер вносит еще один значительный мотив, читая строки из стихотворения П. Беранже «Безумцы». В нем нет, однако, однозначного противопоставления святой правды и успокаивающей лжи. Его мысль сложнее. В нем говорится о дерзкой до безумия человеческой мысли, способной, как солнце, осветить путь человечеству. И в этой дерзости есть своя правда.

Есть еще одна существеннейшая сторона пьесы М.Горького, далеко не достаточно проясненная исследователями, — область веры. Веры как личного убеждения и веры как истинного знания, имеющего «недосказываемые начала, будучи удостоверением в вещах, превышающих ум и

слово» (св. Максим Исповедник).

Ночлежники иногда вспоминают и беседуют о вере, но чаще всего понимают ее в обыденном смысле. Поглощенные нелегкой добычей хлеба насущного, обитатели «дна» в большинстве своем глубоко равнодушны ко всему надобыденному: к Вечному, Святому, к Богу. Мысли обо всем этом возникают у них только как короткая вспышка светлого чувства, порыв к лучшему или духовная греза. Им свойственно упрощенное и прагматическое отношение к религиозной традиции.

Квашня, например, недовольна, что Бог не уладил ее отношений с покойным мужем: «Я Богу жаловалась восемь лет — не помогал».

Зачастую слово «вера» они употребляют в значении «убежденность в какой-то мысли» или «согласие с чьим-то мнением».

Так, Актер утверждает, что главное — «вера в себя»: «Я говорю — талант, вот что нужно герою. А талант — это вера в себя, в свою силу…» Без этого, считает он, «никогда, ничего…». И позже отвечает на свой вопрос: «А почему— погиб? Веры у меня не было…»

Сатин верит лишь в человека и его разум: «Существует только человек, все же остальное

— дело его рук и мозга! Человек. Это — великолепно! Это звучит… гордо!»

Но *какого* человека имеет в виду Сатин? Он включает в ряд великих его образцов Наполеона и Магомета. Их объединяет огромный умственно-волевой напор. Первый залил кровью пол-Европы, подчинив себе многие народы, второй выступил могучим проповедником религии земного господства. Получается, что Сатин говорит о каком-то сверхчеловеке, воплощении ума и воли… Это взгляд на человека без любви, поставленного как бы в центр Вселенной.

Немногие среди ночлежников сохранили признаки веры в традиционном, жизненаправляющем смысле. Такая вера — прежде всего особого рода целостный взгляд на действительность и вытекающее из него отношение к людям и миру. Такая вера означает твердое согласие разума с представлением о Высшем начале, о Боге. Она предполагает у человека бессмертную душу и исходит из того, что «в душе» верующий человек может беседовать с Богом, молиться Ему и получать от Него помощь в земной или загробной жизни или — наказание.

Никто из ночлежников, кроме Татарина, не молится, не вспоминает о Священном Писании так,

как Татарин ссылается на Коран и на Магомета. Значит, ни у кого из них нет веры. Правда, Лука вспоминает Господа и, судя по всему, исповедует Христа. Однако же и он нетверд в этом. Проблеск веры возникает у Актера перед самоубийством, когда он просит Татарина помолиться за него. На это Татарин отвечает ему, помолчав: «Сам молись...» Этот ответ не означает равнодушного отказа, ведь, чтобы получить помощь свыше, надо самому обратиться к Богу.

Итак, все ночлежники живут «без солнца»[7], без истинной веры, без Бога. И это катастрофическое безверие усугубляет безысходность их положения.

На прочтение и новые постановки пьесы нередко влияют мнения о ней, выходящие за пределы текста и реальных обстоятельств, в нем отраженных. Эти мнения необходимо знать, чтобы понять, насколько они должны быть учтены при чтении (восприятии) текста. При этом конечно же важен авторский взгляд. Но и он не всегда оказывается определяющим, особенно же тогда, когда противоречит художественному тексту.

Многие рецензии и суждения о пьесе «На дне»

---

[7] Примечания: 7
Так первоначально называлась драма А. М. Горького.

испытали сильное влияние автора. Великий художник был проницателен и художественно точен в творчестве и пристрастен в оценках. Он хотел истолковать свое произведение современно, заострить его смысл, подчеркнуть то, что волновало его в жизни. И он не раз объяснял свой замысел. «Основной вопрос, который я хотел поставить, — заявлял он, например, в интервью 1903 года, — это — что лучше: истина или сострадание? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука?.. Лука — представитель сострадания и даже лжи, как средства спасения, а между тем противопоставления проповеди Луки представителей истины в пьесе нет. А кто еще не изжился, тот протестует против *лжи*»[8]. В таком духе, клеймя Луку и восхваляя Сатина, стали писать статьи о «На дне». Однако, объективно рассмотрев пьесу, с таким толкованием нельзя согласиться: сводить поведение Луки «к проповеди терпения и смирения, пассивности и покорности совершенно неверно»[9]. Неоднократно по-своему толкуя

[8] Примечания: 8

Петербургская газета. 1903. № 161. 15 июня.

[9] Примечания: 9

Муравьев А. «Старик — не шарлатан...» О трактовке образа Луки // Литература в школе. 1980. № 6. С. 52.

пьесу, автор ни разу не попытался переделать ее в соответствии со своим толкованием: талант не позволял ему отойти от истины художественного изображения.

Необыкновенный успех горьковской пьесы был закономерен. На сцене «цивилизованного общества» впервые во всей полноте предстали плоды его устроения, истинные результаты провозглашенных им свобод и прав человека.

Со сцены звучали голоса самих «униженных и оскорбленных». И, как бы обобщая их судьбу, дважды лилась на сцене унылая песня «Солнце всходит и заходит...», каждая строфа которой вносила новые краски в образы драматической судьбы ночлежников. И в этом также проявилось новаторство писателя.

Люди «дна» предстали перед зрителем в многообразии индивидуальностей, мнений, взглядов и настроений. Многоголосая Русь заговорила со сцены искренне, страстно и непримиримо правдиво. При этом атмосфера живой исторической действительности отражалась в каждом, казалось бы, незначительном факте и сценическом повороте действия, в речах каждого героя.

Слушая слова Клеща, мы замечаем в них свойственное работающему человеку чувство

уважения к труду и трудовому достоинству, в речах Сатина сталкиваются самые разные взгляды, но, однако же, направляемые его положением и жизненным опытом. В рассуждениях Луки вырисовывается свое, «странническое» понятие о государстве и сложная простонародная философия.

Не только характер речей, но и многочисленные факты, содержащиеся в них, подтверждали живую связь пьесы с исторической действительностью. О том свидетельствовали не только все разговоры Луки, но, например, упоминание Настей своего вымышленного возлюбленного, студента. Наташа, слушая ее, бросает: «Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные». Упоминание студента-возлюбленного имеет особый смысл: студенчество в глазах современников было «живым олицетворением всего прекрасного»[10], потому что именно на рубеже веков ширилось студенческое движение за социальную справедливость. Представление о благородстве, великодушии, смелости и других добродетелях, присущих студентам, в это время было распространенным мнением.

---

[10] Примечания: 10

Засодимский П. Из воспоминаний. М., 1908. С. 153.

Итак, пьеса Горького была сильна своим историзмом, глубинной связью с событиями и обстоятельствами современной жизни, откликом на нее.

Не менее важное идейно-художественное и историческое значение пьесы заключалось в том, что реальная жизнь, как она есть, предстала на сцене во всем многообразии вечных тем и вопросов. Горький-художник достиг той полноты, которая давала возможность каждому обнаружить в ней свое. Именно этой художественной полнотою и объясняются разноречивые мнения о пьесе «На дне». Именно эта художественная полнота изображения питала умы современников.

В то же время философский смысл споров, возникающих в горьковской драме, выходил далеко за пределы современности: вопросы свободы личности и обеспечения человеческих прав в обществе, споры о сущности и целях человека и человечества, о вере и неверии, о духовном человеке и «голом человеке», лишенном традиций и веры,– все эти и многие другие насущные вопросы сливались здесь в общую симфонию неравнодушных размышлений о человеке, в упорные поиски правды-истины и правды-справедливости. Эти поиски по-своему продолжает

каждое поколение. И глубокий художественный опыт, запечатленный в пьесе М. Горького «На дне», только еще начинает осмысляться и осваиваться нами. Новое (но без нигилистического отрицания) и углубленное прочтение пьесы, новые постановки, созданные с учетом живых жизненных деталей художественного текста, дающие возможность по-новому верно и глубоко осознать ее, еще впереди.

* * *

Спустя несколько лет после триумфального шествия по русской сцене драмы «На дне» А. М. Горький задумывает другую пьесу — «Дачники».

Самое ее название намекало на то, что речь пойдет о людях, временно занявших некие жизненные ниши и приспособившихся к ним, как приспосабливаются к новой обстановке выезжающие летом на дачу.

Горький не случайно обратился к этому общественному слою: писатель был глубоко чужд обывательской философии известной части интеллигенции того времени, оправдывающей свое бесполезное бытие «службой». Казенная служба и жесткая казенная зависимость от начальства и «порядков» порождает в ее характерах черты

лакейства, приспособленчества и самообмана, возбуждает желание «сделать карьеру», занять более высокое место, вообще обрести те психологические свойства, которые приводят к «независимости», но одновременно делают людей прагматично-эгоистичными, равнодушными и даже жестокими. Все эти интеллигенты в целом удобно устроились, благоденствуют и скучают, пытаясь, каждый по-своему, развлекаться или занимать время разговорами и сплетнями. И это окончательно опустошает их.

Наблюдения над жизнью буржуазной интеллигенции вызывали у Горького-труженика, которому изначально было присуще чувство справедливости, — внутренний протест и неприятие самого типа буржуазного интеллигента, как правило выступающего в роли жалкого лакея работодателя. Этот протест побуждался и тем, что уже в начале века остро чувствовалось, что «в воздухе носится новое миропонимание, миропонимание демократическое…»[11]. То миропонимание, которое присуще труженику, оценивающему человеческое достоинство по результатам труда и вносимого в мир добра…

---

[11] Примечания: 11
Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 359.

Пьеса «Дачники» воссоздавала не «дно жизни», а ее «верхние этажи»: людей, в основном не задумывающихся о насущном хлебе, неплохо обеспеченных, живущих в мире обыденных интересов, житейских забот и личных отношений. Образ жизни этих людей представлял разительный контраст с тем, что видел зритель в драме «На дне». Удобная обстановка просторного дачного дома с множеством комнат, гостиной с роялем; прислуга, готовая в любой момент подать еду, вино, исполнить поручение, позвать кого-либо или зажечь светильник. Короче — все, что позволяет распоряжаться собой, как того требует служба и личные склонности и влечения.

Однако в этой благополучной обстановке все оказывается неблагополучно и даже драматично. Ибо основные герои драмы, обеспеченные насущным хлебом, лишены хлеба духовного. И это вызывает у них постоянную и глубокую неудовлетворенность своею, казалось бы, такой обеспеченной жизнью…

Действие пьесы происходит на даче преуспевающего адвоката Сергея Васильевича Басова, среди его родственников, сослуживцев, друзей и знакомых. В житейских разговорах очень скоро начинает чувствоваться внутренний разлад жиз-

ни героев, беспокойная неудовлетворенность их своим бытием.

Эта неудовлетворенность совсем иного рода, чем в пьесе «На дне». Там перед нами обездоленные люди, босяки, живущие в страшной нищете, но размышляющие, вспоминающие о прошлом, наконец, достаточно трезво оценивающие свое положение, а иногда даже мечтающие как-то изменить его. «Дачники» не в силах выйти из обыденных размышлений, отношений и хоть как-то изменить пошлость своего обеспеченного существования. Они способны лишь рассуждать о том, что их жизнь нескладна и бессмысленна…

Зрителю зачастую становится не по себе от фальши, которая так привычна и обыденна среди этих собеседников. И Басов, и писатель Яков Петрович Шалимов, и сестра Басова Калерия, и его помощник Николай Петрович Замыслов, инженер Суслов, и чета Дудаковых — все они любят поболтать, чтобы спрятать за словами свою пустоту. Так создается странное ощущение неустойчивости их обеспеченной жизни и привычного времяпрепровождения.

Иногда герои словно проговариваются: среди пустого многословия возникают искренние слова и проницательные обмолвки. В их нервных

срывах обнаруживаются проблески искреннего чувства и подлинных отношений. Однако они быстро гаснут. И общее впечатление о большинстве этих людей выражает дачный сторож Пустобайка: «Ишь, как нахламили везде… Только хлам да сорье и останется после вас… Только землю портите!..» И не случайно жена Басова Варвара Михайловна, ощущая никчемность жизни («Разве это жизнь?»), в ответ на слова Рюмина бросает: «Мы не умеем быть нужными для жизни людьми. И мне кажется, что скоро, завтра, придут какие-то другие, сильные, смелые люди и сметут нас с земли, как сор…» Таков общий настрой пьесы.

Итак, А. М. Горький вновь ставит вопрос о достоинстве человека и смысле человеческой жизни. Большинство героев «Дачников» равнодушны ко всему этому. Для Суслова, например, «трудно допустить существование человека, который смеет быть самим собой», для Калерии — «в сердцах людей всегда сумерки». Рюмин считает, что «бытие человека случайно, бессмысленно, бесцельно». Дудаков в порыве откровенности заявляет об окружающих: «…ужасно пустые люди все мы…» Брат жены Басова — Влас, воплощающий мнения людей, противостоящих «дачникам», говорит о

них: «…Все эти люди… Они жалкие, маленькие, вроде комаров…» Калерия же по справедливости заявляет: «Люди… ненадежные они все… никому не веришь…»

Эти суждения закономерны в обществе, где господствует мораль, откровенно проповедуемая купцом Двоеточие: «…Созреете, и преудобно воссядете на чьей-нибудь шее… На шее ближнего всего скорее доедешь к благополучию своему».

Речь идет, конечно, о материальном благополучии, которое ставится среди «дачников» выше иных благ. Именно о своем бедном прошлом вспоминают ныне преуспевающие «дачники». И Басов («Одиннадцать лет тому назад явился я в эти места… и было у меня всего имущества портфель да ковер. Портфель был пуст, а ковер — худ. И я тоже был худ…»), и Рюмин, мечтавший некогда о борьбе за все, что казалось ему хорошим и честным, а кончивший тем, что «привык жить покойно, стал ценить этот покой, бояться за него», и Суслов, относящийся к людям, которые «наволновались и наголодались в юности» и теперь хотят «много и вкусно есть, пить… вообще наградить себя с избытком за беспокойную, голодную жизнь юных дней», и многие другие герои готовы жертвовать всем ради комфорта

и благополучия. И прежде всего они жертвуют своей совестью.

Басова мало трогает, что его жена тяготится жизнью с ним, о чем она и говорит однажды достаточно откровенно («Честь быть твоей женой… не так высока, как ты думаешь… и она очень тяжела, эта честь»). Нетрудно догадаться, что преуспевающий адвокат достиг своего благополучия, поступаясь совестью. Да и затем, он сохраняет лишь на словах внешнюю порядочность. Он замечает о Шалимове: «А этот Яшка — шельмец…» — и с показным осуждением говорит, как собирается тот отсудить имение своей умершей жены, которую он бросил, прожив с ней всего полгода. Сам же Басов, судя по всему, будет помогать «шельмецу» в этом нечистом деле, считая, что тут нет «ничего особенного».

Басов меланхолично-циничен. Его слова: «надо быть мягче, надо быть добрее… все мы люди…» — означают не требовательное уважение к человеку, но равнодушие и снисходительность к порокам.

Эта снисходительность всего лишь предпосылка для торговли совестью: он рассчитывает на такое же снисхождение к себе, когда очередной раз ему придется действовать «применительно

к подлости».

Поэтому-то возражения Марьи Львовны понятны и вызывают сочувствие зрителей: «Мы должны всегда повышать наши требования к жизни и людям». Это, по существу, значит: высоко ставить *достоинство* человека и искренне желать ему *человеческой* жизни.

Цинизм Басова неоднократно прорывается по отношению к жене. Он то обзывает ее Валаамовой <ослицей>, то, усугубляя слова Шалимова, заявляет, что женщина ближе к зверю и необходимо постоянно применять к ней сильный и красивый деспотизм. Между тем большинство мужчин из его окружения пошло флиртует, заводя «дачные романы», или от скуки, или от присущей им беспринципности…

Немногие из героев пьесы имеют *совест*ь и испытывают пред лицом ее чувство стыда и неловкости. Влас признается, что ему неловко, совестно жить. Варвара Михайловна постоянно тяготится проклятой суетой безделья, и ей «противно, стыдно жить так!». Еще более категорична Марья Львовна, заявляя даже: «…Мне стыдно жить личной жизнью… может быть, это смешно, уродливо, но в наши дни стыдно жить личной жизнью…» Это чувство стыда понятно,

оно питается впечатлениями иной, достойной, трудовой жизни.

Действительно, и Влас, всю свою молодость проживший с отцом-деспотом, и Варвара Михайловна, вспоминающая о своей матери-труженице и о ее подругах-прачках, которые обращались с ней как с равной, и Марья Львовна с ее неудавшейся семейной жизнью и верой в необходимость перестройки общества — все они не потеряли совести, не убаюкивают ее самооправданием, способны критически оценить свою жизнь.

В пьесе А. М. Горького «Дачники», как и в драме «На дне», разговор о целях и смысле жизни остается ключевым. Для некоторых из героев, например Рюмина, жизнь — «огромное, бесформенное чудовище, которое вечно требует жертв», «изо дня в день пожирает мозг человека, жадно пьет его кровь», и герой хочет «отвернуться от явлений, оскорбляющих его». Басов исповедует равнодушие, скрывая его за словами о необходимости спокойного и внимательного отношения к окружающему. Для большинства действующих лиц пьесы — жизнь скучна и бесплодна.

И все это потому, что самое их понятие *жизни* примитивно и сводится к потребительству. Философию потребительства вполне выража-

ет некогда вдохновлявший умы ренегат Яков Шалимов: «Я устал быть серьезным… Я не хочу философии — сыт. Дайте мне пожить растительной жизнью, укрепить нервы… Я хочу гулять, ухаживать за дамами…»

Еще более откровенно и цинично высказывается Суслов: «…Я обыватель — и больше ничего-с! Вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем… я буду жить, как я хочу! И, наконец, наплевать мне на ваши россказни… призывы… идеи!»

Эту философию так или иначе молчаливо разделяют и Басов, и Дудаковы, и Замыслов. Ее так или иначе принимают даже порывистая и откровенная во взглядах на общество Калерия и безвольный романтик Рюмин. Ей, этой философии, по существу, противостоят Марья Львовна, Влас, Варвара Михайловна, Соня.

Но в противостоянии ложной потребительской философии много странного и настораживающего. Никто из протестующих против бессмысленности «дачного» жизнеустройства не нашел своего пути: все они живут *рядом с потребителями* и, осуждая их, сами блуждают на путях к неопределенным целям. И даже явно враждебная «дачникам» Марья Львовна, по словам Суслова,

«так называемый идейный человек», хотя и делает «что-то таинственное… может быть, великое, историческое», продолжает жить среди обличаемых ею людей, пользуется их гостеприимством, ведет с ними долгие беседы, то есть справедливо и нещадно браня их,– с ними *сосуществует*.

А. М. Горький, однако, связывал с этой героиней главную мысль пьесы. «Ключом к ней является, на мой взгляд, монолог Марьи Львовны в IV акте», — писал он в одном из писем[12].

В своем монологе Марья Львовна с пафосом призывает «работать для расширения жизни», «для себя», «для того, чтобы не чувствовать проклятого одиночества», полного «тревожной суеты и внутреннего раздвоения». Она призывает «перестроить, осветить жизнь родных нам людей, которые все дни только работают, задыхаясь во тьме и грязи», найти «для них дорогу к лучшей жизни…». Иными словами, она желает помочь *трудовому народу*, тем, кто необеспечен, беден, в поте лица зарабатывает средства к существованию. Это достойное, замечательное желание!

В понятии «лучшая жизнь» для героев горьковской пьесы все связано с добыванием насущного

[12] Примечания: 12

Из письма А. М. Горького Максу Рейгардту, немецкому режиссеру, от декабря 1904 г. // Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 28. С. 345.

хлеба, нет ни намека на духовную сторону народного бытия. Ведь жизнь, полная «тревожной суеты и внутреннего раздвоения», естественно, возникает там, где иссяк ее духовный источник.

И здесь Марья Львовна беспомощна: она может только давать самые общие советы. «Уезжайте… уезжайте скорее, голубчик!.. — советует она Власу. — Работайте, ищите места в жизни… Будьте смелым, не уступайте никогда силе житейских мелочей…»

Между тем ее замужество «было трехлетней пыткой»; ее жизнь проходит среди чуждых ей людей, ее идеалы недостаточно ясны ей самой, и, отрекаясь от предрассудков и традиций, она постоянно прислушивается ко многим из них и им подчиняется. Она исповедует нигилизм: жаждет переустройства общества на разумных началах, подчиняет «логике» все самые сокровенные свои чувства. Она воспитала дочь по своему образу и подобию, как «товарища». И та фривольно называет ее при всех «мамашкой», считает себя вправе давать ей «на равных» советы и вообще вести себя с ней как с подругой. Все это противоестественно культурным традициям и чревато многими утратами в будущем. За внешней и чувственной солидарностью поколений проступает

общая нищета духа.

И не лишены оснований слова, брошенные Калерией на вопрос Шалимова «…кто знает, что это за зверь — демократ?»: «…Вы тысячу раз правы… Это еще зверь, варвар! Его сознательное желание одно — быть сытым». Наверное, еще более справедливы слова Калерии: «Жизнь обновляется людьми верующими, аристократией духа…»

Во что же веруют эти люди?

«Дачники» не знают Бога и, вероятнее всего, исповедуют религию атеизма. «Я не верю, что где-то вне человека существует сила, которая может перерождать его. Или она в нем, или ее нет!» — говорит Варвара Михайловна. На вопрос, во что он верит, Замыслов отвечает: «Только в себя… Верю только в мое право жить так, как я хочу!» Юлия Филипповна решительно заявляет своему любовнику: «А вот я ни во что не верю…» Лишенные веры, многие из героев пьесы относятся враждебно к тем, кто говорит суровую правду и видит в этом свой неизбежный долг. «Марья Львовна, — бросает Рюмин, — в высокой степени обладает жестокостью верующих… слепой и холодной жестокостью… Как это может нравиться?»

Но все эти слова не отражают вполне внутрен-

него состояния героев. Оно — сложнее. Варвара Михайловна мечтает «уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди, где говорят другим языком и делают какое-то серьезное, большое, всем нужное дело». И вместе с тем не замечает искреннего отчаяния влюбленного в нее восторженно-слабовольного Рюмина. Пошлые речи Басова вдруг сменяются добрыми (и, наверное, искренними) словами о любимой им России, а мечтательная Калерия, которой свойственны духовные порывы, вдруг как бы невольно отрицает абсолютную истину. («Человек, который думает, что истина открыта, для меня умер»), то есть косвенно утверждает идею безбожия…

Герои пьесы «На дне» поют песню, символизирующую их положение:

Солнце всходит и заходит,

А в тюрьме моей темно…

Тюрьма материальной нищеты окружает ночлежников. У «дачников» иная беда. Калерия произносит созвучную упомянутой песне фразу: «Восходит солнце и заходит, — а в сердцах людей всегда сумерки». «Сумерки души» — вот основная болезнь «дачников». Их жизнь лишена духовного содержания, духовного смысла. Они утратили

духовную связь с теми, о ком они пекутся, они не вспоминают о Боге. Они далеки от народа. Некоторым из них он представляется темной массой, которую они должны вести к свету. Но что освещает их путь? К чему призывают они? На что надеются? Кто рассеет сумерки их души?.. Несмотря на симпатию автора и зрителя к Марье Львовне, вряд ли можно сказать, что она способна сделать это. Но своим присутствием она возбуждает недовольство жизнью, недостойной человека. В этом и заключалось основное значение пьесы.

Поэтому так бурно восприняли зрители первую постановку «Дачников». Она состоялась 10 ноября 1904 года в Петербурге в театре В. Ф. Комиссаржевской.

Чем далее развертывалось действие пьесы, тем более разделялся зал на два лагеря: одни восторженно рукоплескали, другие шиканьем и выкриками выражали свое резкое неприятие. Одни из критиков видели в пьесе «резкий вызов, брошенный автором представителям культурных классов»[13], другие — «драму общественного

[13] Примечания: 13

Новости драматической литературы//Вестник и библиотека самообразования. 1905. № 5. С. 150.

расслоения интеллигенции»[14]. Однако основное противоречие, уходящее глубокими корнями в вопрос о духовности героев, было обойдено большинством критиков в угоду политической полемике. И сегодня мы можем сказать: глубокий и всесторонний анализ этой содержательной пьесы А. М. Горького — еще впереди: нынешнее поколение, несомненно, посмотрит на героев по-иному и откроет новые стороны духовной драмы интеллигенции, стоявшей на перепутье перед тремя русскими революциями XX века.

В. Троицкий

---

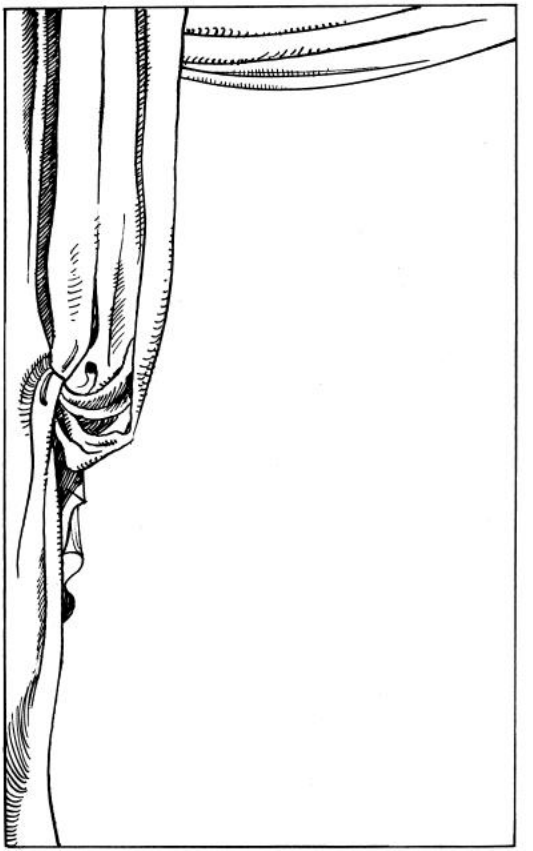
[14] Примечания: 14
Луначарский А. В. «Дачники» // Правда. 1905. Январь — февраль.

На дне
Картины. четыре акта

ПОСВЯЩАЮ
КОНСТАНТИНУ ПЕТРОВИЧУ
ПЯТНИЦКОМУ

М. Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА



Михаил Иванов Костылев, 54 года,

содержатель ночлежки.

Василиса Карповна, его жена, 26 лет.

Наташа, ее сестра, 20 лет.

Медведев, их дядя, полицейский, 50 лет.

Васька Пепел, 28 лет.

Клещ, Андрей Митрич, слесарь, 40 лет.

Анна, его жена, 30 лет.

Настя, девица, 24 года.

Квашня, торговка пельменями, под 40 лет.

Бубнов, картузник, 45 лет.

Барон, 33 года.

Сатин} приблизительно одного возраста: лет под 40.

Актер} приблизительно одного возраста: лет под 40.

Лука, странник, 60 лет.

Алешка, сапожник, 20 лет.

Кривой Зоб} крючники.

Татарин} крючники.

Несколько босяков без имен и речей.

Акт первый

Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. В левом углу — большая русская печь; в левой, каменной, стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем — перед наковальней — сидит Клещ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки — большой стол, две скамьи, табурет, всё — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня — хозяйничает, Барон жует черный хлеб и Настя, на табурете, чи-

тает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет Анна. Бубнов, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка из-под шляпы — для козырьков, куски клеенки, тряпье. Сатин только что проснулся, лежит на нарах и — рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет Актер.

Начало весны. Утро.

Барон. Дальше!

Квашня. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня — поди прочь. Я, говорю, это испытала… и теперь уж — ни за сто печеных раков — под венец не пойду!

Бубнов (*Сатину*). Ты чего хрюкаешь?

Сатин рычит.

Квашня. Чтобы я, говорю, свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь он хоть принц американский — не подумаю замуж за него идти.

Клещ. Врешь!

Квашня. Чего-о?

Клещ. Врешь. Обвенчаешься с Абрамкой…

Барон (*выхватив у Насти книжку, читает название*). «Роковая любовь»*[15]... (*Хохочет.*)

Настя (*протягивая руку*). Дай... отдай! Ну... не балуй!

Барон смотрит на нее, помахивая книжкой в воздухе.

Квашня (*Клещу*). Козел ты рыжий! Туда же — врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Барон (*ударяя книгой по голове Настю*). Дура ты, Настька...

Настя (*отнимает книгу*). Дай...

Клещ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься... только того и ждешь...

Квашня. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

Клещ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

Квашня. А-а! Не терпишь правды!

Барон. Началось! Настька — ты где?

Настя (*не поднимая головы*). А?.. Уйди!

Анна (*высовывая голову из-за полога*). Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

Клещ. Заныла!

---

[15] Примечания: 15

Объяснение слов и выражений, отмеченных в тексте знаком *, см. в комментариях на с. 250—254.

Анна. Каждый Божий день… Дайте хоть умереть спокойно!

Бубнов. Шум — смерти не помеха…

Квашня (*подходя к Анне*). И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

Анна. Оставь… отстань…

Квашня. Ну-ну! Эх ты… терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Барон. Квашня! На базар пора…

Квашня. Идем, сейчас! (*Анне.*) Хочешь — пельмешков горяченьких дам?

Анна. Не надо… спасибо. Зачем мне есть?

Квашня. А ты — поешь. Горячее — мягчит. Я тебе в чашку отложу и оставлю… захочешь когда, и покушай! Идем, барин… (*Клещу.*) У, нечистый дух… (*Уходит в кухню.*)

Анна (*кашляя*). Господи…

Барон (*тихонько толкает Настю в затылок*). Брось… дуреха!

Настя (*бормочет*). Убирайся… я тебе не мешаю.

Барон, насвистывая, уходит за Квашней.

Сатин (*приподнимаясь на нарах*). Кто это бил меня вчера?

Бубнов. А тебе не все равно?..

Сатин. Положим — так… А за что били?

Бубнов. В карты играл?

Сатин. Играл…

Бубнов. За это и били…

Сатин. М-мерзавцы…

Актер (*высовывая голову с печи*). Однажды тебя совсем убьют… до смерти…

Сатин. А ты — болван.

Актер. Почему?

Сатин. Потому что — дважды убить нельзя.

Актер (*помолчав*). Не понимаю… почему — нельзя?

Актер
Кашна
Бубнов

Клещ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру… чего нежишься?

Актер. Это дело не твое…

Клещ. А вот Василиса придет — она тебе покажет, чье дело…

Актер. К черту Василису! Сегодня Баронова очередь убираться… Барон!

Барон (*выходя из кухни*). Мне некогда убираться… я на базар иду с Квашней.

Актер. Это меня не касается… иди хоть на каторгу… а пол мести твоя очередь… я за других не стану работать…

Барон. Ну, черт с тобой! Настёнка подметет… Эй, ты, роковая любовь! Очнись! (*Отнимает книгу у Насти.*)

Настя (*вставая*). Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А еще — барин…

Барон (*отдавая книгу*). Настя! Подмети пол за меня — ладно?

Настя (*уходя в кухню*). Очень нужно… как же!

Квашня (*в двери из кухни — Барону*). А ты — иди! Уберутся без тебя… Актер! тебя просят — ты и сделай… не переломишься, чай!

Актер. Ну… всегда я… не понимаю…

Барон (*выносит из кухни на коромысле корзины. В них — корчаги, покрытые тряпками*). Сегодня

что-то тяжело…

Сатин. Стоило тебе родиться бароном…

Квашня (*Актеру*). Ты смотри же, — подмети! (*Выходит в сени, пропустив вперед себя Барона.*)

Актер (*слезая с печи*). Мне вредно дышать пылью. (*С гордостью.*) Мой организм отравлен алкоголем… (*Задумывается, сидя на нарах.*)

Сатин. Организм… органон…

Анна. Андрей Митрич…

Клещ. Что еще?

Анна. Там пельмени мне оставила Квашня… возьми, поешь.

Клещ (*подходя к ней*). А ты — не будешь?

Анна. Не хочу… На что мне есть? Ты — работник… тебе — надо…

Клещ. Боишься? Не бойся… может, еще…

Анна. Иди, кушай! Тяжело мне… видно, скоро уж…

Клещ (*отходя*). Ничего… может — встанешь… бывает! (*Уходит в кухню.*)

Актер (*громко, как бы вдруг проснувшись*). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем…

Сатин (*улыбаясь*). Органон…

Актер (*настойчиво*). Не органон, а ор-га-ни-зм…

Сатин. Сикамбр*…

Актер (*машет на него рукой*). Э, вздор! Я говорю — серьезно… да. Если организм — отравлен… значит — мне вредно мести пол… дышать пылью…

Сатин. Макробиотика*… ха!

Бубнов. Ты чего бормочешь?

Сатин. Слова… А то еще есть — транс-сцедентальный*…

Бубнов. Это что?

Сатин. Не знаю… забыл…

Бубнов. А к чему говоришь?

Сатин. Так… Надоели мне, брат, все человеческие слова… все наши слова — надоели! Каждое из них слышал я… наверное, тысячу раз…

Актер. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь… Я играл в ней могильщика…

Клещ (*выходя из кухни*). Ты с метлой играть скоро будешь?

Актер. Не твое дело… (*Ударяет себя в грудь рукой.*) «Офелия! О… помяни меня в твоих молитвах!..»

За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики, свисток полицейского. Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

Сатин. Люблю непонятные, редкие слова… Когда я был мальчишкой… служил на телеграфе… я много читал книг…

Бубнов. А ты был и телеграфистом?

Сатин. Был… (*Усмехаясь.*) Есть очень хорошие книги… и множество любопытных слов… Я был образованным человеком… знаешь?

Бубнов. Слыхал… сто раз! Ну и был… эка важность!.. Я вот — скорняк был… свое заведение имел… Руки у меня были такие желтые — от краски: меха подкрашивал я, — такие, брат, руки были желтые — по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою… так с желтыми руками и помру… А теперь вот они, руки… просто грязные… да!

Сатин. Ну, и что же?

Бубнов. И больше ничего…

Сатин. Ты это к чему?

Бубнов. Так… для соображения… Выходит: снаружи как себя ни раскрашивай — все сотрется… все сотрется, да!

Сатин. А… кости у меня болят!

Актер (*сидит, обняв руками колени*). Образование — чепуха, главное — талант. Я знал артиста… он читал роли по складам, но мог играть героев так, что… театр трещал и шатался от восторга публики…

Сатин. Бубнов, дай пятачок!

Бубнов. У меня всего две копейки…

Актер. Я говорю — талант, вот что нужно герою. А талант — это вера в себя, в свою силу…

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав… Клещ, дай пятак!

Клещ. Пошел к черту! Много вас тут…

Сатин. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю…

Анна. Андрей Митрич… Душно мне… трудно…

Клещ. Что же я сделаю?

Бубнов. Дверь в сени отвори…

Клещ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я — на полу… пусти меня на свое место да и отворяй… а я и без того простужен…

Бубнов (*спокойно*). Мне отворять не надо… твоя жена просит…

Клещ (*угрюмо*). Мало ли кто чего попросил бы…

Сатин. Гудит у меня голова… эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Бубнов. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. (*Встает.*) Пойти ниток купить… А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня… словно издохли. (*Уходит.*)

Анна кашляет. Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.

Актер (*тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне*). Что? Плохо?

Анна. Душно.

Актер. Хочешь — в сени выведу? Ну, вставай. (*Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени.*) Ну-ну… твердо! Я — сам больной… отравлен алкоголем…

Костылев (*в дверях*). На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка…

Актер. А ты — посторонись… видишь — больные идут?..

Костылев. Проходи, изволь… (*Напевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла. Клещ ожесточенно звякает ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином.*) Скрипишь?

Клещ. Чего?

Костылев. Скрипишь, говорю? (*Пауза.*) А-а… того… что, бишь, я хотел спросить? (*Быстро и негромко.*) Жена не была здесь?

Клещ. Не видал…

Костылев (*осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла*). Сколько ты у меня за два-то рубля в

месяц места занимаешь! Кровать… сам сидишь… н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек…

Клещ. Ты петлю на меня накинь да задави… Издохнешь скоро, а все о полтинниках думаешь…

Костылев. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи знай в свое удовольствие… А я на тебя полтинку накину, — маслица в лампаду куплю… и будет перед святой иконой жертва моя гореть… И за меня жертва пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь… ну вот… Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства… никто тебя не любит, не уважает… работа твоя скрипучая, беспокойная для всех…

Клещ (*кричит*). Ты что меня… травить пришел?

Сатин громко рычит.

Костылев (*вздрогнув*). Эк ты, батюшка…

Актер (*входит*). Усадил бабу в сенях, закутал…

Костылев. Экой ты добрый, брат! Хорошо это… это зачтется все тебе…

Актер. Когда?

Костылев. На том свете, братик… там всё, всякое деяние наше усчитывают…

Актер. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту...

Костылев. Это как же я могу?

Актер. Скости половину долга...

Костылев. Хе-хе! Ты все шутишь, милачок, все играешь... Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта — она превыше всех благ. А долг твой мне — это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить... Доброта твоя мне, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

Актер. Шельма ты, старец... (*Уходит в кухню.*)

Клещ встает и уходит в сени.

Костылев (*Сатину*). Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня...

Сатин. Кто тебя — кроме черта — любит?..

Костылев (*посмеиваясь*). Экой ты ругатель! А я вас всех люблю... я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышная, пропащая... (*Вдруг, быстро.*) А... Васька — дома?

Сатин. Погляди...

Костылев (*подходит к двери и стучит*). Вася!

Актер появляется в двери из кухни. Он что-то жует.

Пепел. Кто это?

Костылев. Это я… я, Вася.

Пепел. Что надо?

Костылев (*отодвигаясь*). Отвори…

Сатин (*не глядя на Костылева*). Он отворит, а она — там…

Актер фыркает.

Костылев (*беспокойно, негромко*). А? Кто — там? Ты… что?

Сатин. Чего? Ты — мне говоришь?

Костылев. Ты что сказал?

Сатин. Это я так… про себя…

Костылев. Смотри, брат! Шути в меру… да! (*Сильно стучит в дверь.*) Василий!..

Пепел (*отворяя дверь*). Ну? Чего беспокоишь?

Костылев (*заглядывая в комнату*). Я… видишь — ты…

Пепел. Деньги принес?

Костылев. Дело у меня к тебе…

Пепел. Деньги — принес?

Костылев. Какие? Погоди…

Пепел. Деньги, семь рублей, за часы — ну?

Костылев. Какие часы, Вася?.. Ах, ты…

Пепел. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей… три — получил, семь — подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется

тут, беспокоит людей… а дела своего не знает…

Костылев. Ш-ш! Не сердись, Вася… Часы — они…

Сатин. Краденые…

Костылев (*строго*). Я краденого не принимаю… как ты можешь…

Пепел (*берет его за плечо*). Ты — зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

Костылев. Да… мне — ничего… я уйду… если ты такой…

Пепел. Ступай, принеси деньги!

Костылев (*уходит*). Экие грубые люди! Ай-яй…

Актер. Комедия!

Сатин. Хорошо! Это я люблю…

Пепел. Чего он тут?

Сатин (*смеясь*). Не понимаешь? Жену ищет… И чего ты не пришибешь его, Василий?!

Пепел. Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить…

Сатин. А ты — умненько. Потом — женись на Василисе… хозяином нашим будешь…

Пепел. Велика радость! Вы не токмо всё мое хозяйство, а и меня, по доброте моей, в кабаке пропьете… (*Садится на нары.*) Старый черт… разбудил… А я — сон хороший видел: будто ловлю я рыбу, и попал мне — огромаднейший лещ! Такой лещ, — только во сне эдакие и бывают… И вот я

его вожу на удочке и боюсь, — леса оборвется! И приготовил сачок… вот, думаю, сейчас…

Сатин. Это не лещ, а Василиса была…

Актер. Василису он давно поймал…

Пепел (*сердито*). Подите вы к чертям… да и с ней вместе!

Клещ (*входит из сеней*). Холодище… собачий…

Актер. Ты что же Анну не привел? Замерзнет…

Клещ. Ее Наташка в кухню увела к себе…

Актер. Старик — выгонит…

Клещ (*садясь работать*). Ну… Наташка приведет…

Сатин. Василий! Дай пятак…

Актер (*Сатину*). Эх ты… пятак! Вася! Дай нам двугривенный…

Пепел. Надо скорее дать… пока рубля не просите… на!

Сатин. Гиблартарр! Нет на свете людей лучше воров!

Клещ (*угрюмо*). Им легко деньги достаются… Они — не работают…

Сатин. Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются… Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна — я, может быть, буду работать… да! Может быть! Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд

— обязанность, жизнь — рабство! (*Актеру*.) Ты, Сарданапал*! Идем…

Актер. Идем, Навухудоносор*! Напьюсь — как… сорок тысяч пьяниц*…

Уходят.

Пепел (*зевая*). Что, как жена твоя?

Клещ. Видно, скоро уж…

Пауза.

Пепел. Смотрю я на тебя,– зря ты скрипишь.

Клещ. А что делать?

Пепел. Ничего…

Клещ. А как есть буду?

Пепел. Живут же люди…

Клещ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота*… люди! Я — рабочий человек… мне глядеть на них стыдно… я с малых лет работаю… Ты думаешь — я не вырвусь отсюда? Вылезу… кожу сдеру, а вылезу… Вот, погоди… умрет жена… Я здесь полгода прожил… а все равно как шесть лет…

Пепел. Никто здесь тебя не хуже… напрасно ты говоришь…

Клещ. Не хуже! Живут без чести, без совести…

Пепел (*равнодушно*). А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести,

ни совести… Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть…

Бубнов (*входит*). У-у… озяб!

Пепел. Бубнов! У тебя совесть есть?

Бубнов. Чего-о? Совесть?

Пепел. Ну да!

Бубнов. На что совесть? Я — не богатый…

Пепел. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести…

Бубнов. А он что — занять хотел?

Пепел. У него — своей много…

Бубнов. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил… да и то в долг…

Пепел (*поучительно*). Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал… а то — Барона…

Клещ. Не о чем мне с ними говорить…

Пепел. Они — поумнее тебя будут… хоть и пьяницы…

Бубнов. А кто пьян да умен — два угодья в нем…

Пепел. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее… И это — верно…

Наташа входит. За нею — Лука с палкой в руке,

с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса.

Лука. Доброго здоровья, народ честной!

Пепел (*приглаживая усы*). А-а, Наташа!

Бубнов (*Луке*). Был честной, да позапрошлой весной…

Наташа. Вот — новый постоялец…

Лука. Мне — все равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха — не плоха: все — черненькие, все — прыгают… так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

Наташа (*указывая на дверь в кухню*). Туда иди, дедушка…

Лука. Спасибо, девушка! Туда так туда… Старику — где тепло, там и родина…

Пепел. Какого занятного старичишку-то привели вы, Наташа…

Наташа. Поинтереснее вас… Андрей! Жена твоя в кухне у нас… ты погодя приди за ней.

Клещ. Ладно… приду…

Наташа. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался… ведь уж недолго…

Клещ. Знаю…

Наташа. Знаешь… Мало знать, ты — понимай. Ведь умирать-то страшно…

Пепел. А я вот — не боюсь…

Наташа. Как же!.. Храбрость...

Бубнов (*свистнув*). А нитки-то гнилые...

Пепел. Право — не боюсь! Хоть сейчас — смерть приму! Возьмите вы нож, ударьте против сердца... умру — не охну! Даже — с радостью, потому что — от чистой руки...

Наташа (*уходит*). Ну, вы другим уж зубы-то заговаривайте.

Бубнов (*протяжно*). А ниточки-то гнилые...

Наташа (*у двери в сени*). Не забудь, Андрей, про жену...

Клещ. Ладно...

Пепел. Славная девка!

Бубнов. Девица — ничего...

Пепел. Чего она со мной... так? Отвергает... Все равно ведь — пропадет здесь...

Бубнов. Через тебя пропадет...

Пепел. Зачем — через меня? Я ее — жалею...

Бубнов. Как волк овцу...

Пепел. Врешь ты! Я очень... жалею ее... Плохо ей тут жить... я вижу...

Клещ. Погоди, вот Василиса увидит тебя в разговоре с ней...

Бубнов. Василиса? Н-да, она своего даром не отдаст... баба — лютая...

Пепел (*ложится на нары*). Подите вы к чертям

оба… пророки!

Клещ. Увидишь… погоди!..

Лука (*в кухне, напевает*). Середь но-очи… пу-уть-дорогу не-е видать…

Клещ (*уходя в сени*). Ишь, воет… тоже…

Пепел. А скушно… чего это скушно мне бывает? Живешь-живешь — все хорошо! И вдруг — точно озябнешь: сделается скушно…

Бубнов. Скушно? М-м…

Пепел. Ей-ей!

Лука (*поет*). Эх, и не вида-ать пути-и…

Пепел. Старик! Эй!

Лука (*выглядывая из двери*). Это я?

Пепел. Ты. Не пой.

Лука (*выходит*). Не любишь?

Пепел. Когда хорошо поют — люблю…

Лука. А я, значит, не хорошо?

Пепел. Стало быть…

Лука. Ишь ты! А я думал — хорошо пою. Вот всегда так выходит: человек-то думает про себя — хорошо я делаю! Хвать — а люди недовольны…

Пепел (*смеясь*). Вот! Верно…

Бубнов. Говоришь — скушно, а сам хохочешь.

Пепел. А тебе что? Ворон…

Лука. Это кому — скушно?

Пепел. Мне вот…

Барон входит.

Лука. Ишь ты! А там, в кухне, девица сидит, книгу читает и — плачет! Право! Слезы текут… Я ей говорю: милая, ты чего это, а? А она — жалко! Кого, говорю, жалко? А вот, говорит, в книжке… Вот чем человек занимается, а? Тоже, видно, со скуки…

Барон. Это — дура…

Пепел. Барон! Чай пил?

Барон. Пил… дальше!

Пепел. Хочешь — полбутылки поставлю?

Барон. Разумеется… дальше!

Пепел. Становись на четвереньки, лай собакой!

Барон. Дурак! Ты что — купец? Или — пьян?

Пепел. Ну, полай! Мне забавно будет… Ты барин… было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал… и всё такое…

Барон. Ну, дальше!

Пепел. Чего же? А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой — ты и будешь… ведь будешь?

Барон. Ну, буду! Болван! Какое тебе от этого может быть удовольствие, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлял на четвереньках ходить, когда я был неровня тебе…

Бубнов. Верно!

Лука. И я скажу — хорошо!..

Бубнов. Что было — было, а остались — одни пустяки… Здесь господ нету… все слиняло, один голый человек остался…

Лука. Все, значит, равны… А ты, милый, бароном был?

Барон. Это что еще? Ты кто, кикимора?

Лука (*смеется*). Графа видал я и князя видал… а барона — первый раз встречаю, да и то испорченного…

Пепел (*хохочет*). Барон! А ты меня сконфузил…

Барон. Пора быть умнее, Василий…

Лука. Эхе-хе! Погляжу я на вас, братцы,– житье ваше — о-ой!..

Бубнов. Такое житье, что как поутру встал, так и за вытье…

Барон. Жили и лучше… да! Я… бывало… проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью… кофе! — со сливками… да!

Лука. А всё — люди! Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь… И всё, гляжу я, умнее люди становятся, всё занятнее… и хоть живут — всё хуже, а хотят — всё лучше… упрямые!

Барон. Ты, старик, кто такой?.. Откуда ты явился?

Лука. Я-то?

Барон. Странник?

Лука. Все мы на земле странники… Говорят,– слыхал я,– что и земля-то наша в небе странница.

Барон (*строго*). Это так, ну а — паспорт имеешь?

Лука (*не сразу*). А ты кто,– сыщик?

Пепел (*радостно*). Ловко, старик! Что, Бароша, и тебе попало?

Бубнов. Н-да, получил барин…

Барон (*сконфуженный*). Ну, чего там? Я ведь… шучу, старик! У меня, брат, у самого бумаг нет…

Бубнов. Врешь!

Барон. То есть… я имею бумаги… но — они никуда не годятся…

Лука. Они, бумажки-то, все такие… все никуда не годятся.*

Пепел. Барон! Идем в трактир…

Барон. Готов! Ну, прощай, старик… Шельма ты!

Лука. Всяко бывает, милый…

Пепел (*у двери в сени*). Ну, идем, что ли! (*Уходит. Барон быстро идет за ним.*)

Лука. В самом деле, человек-то бароном был?

Бубнов. Кто его знает? Барин, это верно… Он и теперь — нет-нет да вдруг и покажет барина из себя. Не отвык, видно, еще.

Лука. Оно, пожалуй, барство-то — как оспа… и выздоровеет человек, а знаки-то остаются…

Бубнов. Он ничего все-таки… Только так иногда

брыкнется… вроде как насчет твоего паспорта…

Алешка (*входит выпивши, с гармонией в руках. Свистит*). Эй, жители!

Бубнов. Чего орешь?

Алешка. Извините… простите! Я человек вежливый…

Бубнов. Опять загулял?

Алешка. Сколько угодно! Сейчас из участка помощник пристава Медякин выгнал и говорит: чтобы, говорит, на улице тобой и не пахло… нини! Я — человек с характером… А хозяин на меня фыркает… А что такое — хозяин? Ф-фе! Недоразумение одно… Пьяница он, хозяин-то… А я такой человек, что… ничего не желаю! Ничего не хочу и — шабаш! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я — ничего не хочу.

Настя выходит из кухни.

Давай мне миллион — н-не хочу! И чтобы мной, хорошим человеком, командовал товарищ мой… пьяница, — не желаю! Не хочу!

Настя, стоя у двери, качает головой, глядя на Алешку.

Лука (*добродушно*). Эх, парень, запутался ты…

Бубнов. Дурость человеческая…

Алешка (*ложится на пол*). На, ешь меня! А я — ничего не хочу! Я — отчаянный человек! Объясните мне — кого я хуже? Почему я хуже прочих? Вот! Медякин говорит: на улицу не ходи — морду побью! А я — пойду… пойду лягу середь улицы — дави меня! Я — ничего не желаю!..

Настя. Несчастный!.. молоденький еще, а уж… так ломается…

Алешка (*увидав ее, встает на колени*). Барышня! Мамзель! Парле франсе*… прейскурант! Загулял я…

Настя (*громко шепчет*). Василиса!

Василиса (*быстро отворяя дверь, Алешке*). Ты опять здесь?

Алешка. Здравствуйте… пожалуйте…

Василиса. Я тебе, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здесь… а ты опять пришел?

Алешка. Василиса Карповна… хошь, я тебе… похоронный марш сыграю?

Василиса (*толкает его в плечо*). Вон!

Алешка (*подвигаясь к двери*). Постой… так нельзя! Похоронный марш… недавно выучил! Свежая музыка… Погоди! так нельзя!

Василиса. Я тебе покажу — нельзя… я всю улицу натравлю на тебя… язычник ты проклятый… молод ты лаять про меня…

Алешка (*выбегая*). Ну, я уйду...

Василиса (*Бубнову*). Чтобы ноги его здесь не было! Слышишь?

Бубнов. Я тут не сторож тебе...

Василиса. А мне дела нет, кто ты таков! Из милости живешь — не забудь! Сколько должен мне?

Бубнов (*спокойно*). Не считал...

Василиса. Смотри — я посчитаю!

Алешка (*отворив дверь, кричит*). Василиса Карповна! А я тебя не боюсь... н-не боюсь! (*Прячется.*)

Лука смеется.

Василиса. Ты кто такой?..

Лука. Проходящий... странствующий...

Василиса. Ночуешь или жить?

Лука. Погляжу там...

Василиса. Пачпорт!

Лука. Можно...

Василиса. Давай!

Лука. Я тебе принесу... на квартиру тебе приволоку его...

Василиса. Прохожий... тоже! Говорил бы — проходимец... всё ближе к правде-то...

Лука (*вздохнув*). Ах, и неласкова ты, мать...

Василиса идет к двери в комнату Пепла.

Алешка (*выглядывая из кухни, шепчет*). Ушла? а?

Василиса (*оборачивается к нему*). Ты еще здесь?

Алешка, скрываясь, свистит. Настя и Лука смеются.

Бубнов (*Василисе*). Нет его…

Василиса. Кого?

Бубнов. Васьки…

Василиса. Я тебя спрашивала про него?

Бубнов. Вижу я… заглядываешь ты везде…

Василиса. Я за порядком гляжу — понял? Это почему у вас до сей поры не метено? Я сколько раз приказывала, чтобы чисто было?

Бубнов. Актеру мести…

Василиса. Мне дела нет — кому! А вот если санитары придут да штраф наложат, я тогда… всех вас — вон!

Бубнов (*спокойно*). А чем жить будешь?

Василиса. Чтобы соринки не было! (*Идет в кухню. Насте.*) Ты чего тут торчишь? Что рожа-то вспухла? Чего стоишь пнем? Мети пол! Наталью… видела? Была она тут?

Настя. Не знаю… не видела…

Василиса. Бубнов! Сестра была здесь?

Бубнов. А… вот его привела она…

Василиса. Этот… дома был?

Бубнов. Василий? Был… С Клещом она тут говори-

ла, Наталья-то…

Василиса. Я тебя не спрашиваю — с кем! Грязь везде… грязища! Эх, вы… свиньи! Чтобы было чисто… слышите! (*Быстро уходит.*)

Бубнов. Сколько в ней зверства, в бабе этой!

Лука. Сурьезная бабочка…

Настя. Озвереешь в такой жизни… Привяжи всякого живого человека к такому мужу, как ее…

Бубнов. Ну, она не очень крепко привязана…

Лука. Всегда она так… разрывается?

Бубнов. Всегда… К любовнику, видишь, пришла, а его нет…

Лука. Обидно, значит, стало. Охо-хо! Сколько это разного народа на земле распоряжается… и всякими страхами друг дружку стращает, а все порядка нет в жизни… и чистоты нет…

Бубнов. Все хотят порядка, да разума нехватка. Однако же надо подмести… Настя!.. Ты бы занялась…

Настя. Ну да, как же! Горничная я вам тут… (*Помолчав.*) Напьюсь вот я сегодня… так напьюсь!

Бубнов. И то — дело…

Лука. С чего же это ты, девица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вот говоришь — напьюсь!

Настя (*вызывающе*). А напьюсь — опять плакать

буду… вот и все!

Бубнов. Не много…

Лука. Да от какой причины, скажи? Ведь так, без причины, и прыщ не вскочит…

Настя молчит, качая головой.

Лука. Так… Эхе-хе… господа люди! И что с вами будет?.. Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла?

Бубнов. За дверью, в сенях…

Лука идет в сени.

Бубнов. Настёнка!

Настя. А?

Бубнов. Чего Василиса на Алешку бросилась?

Настя. Он про нее говорил, что надоела она Ваське и что Васька бросить ее хочет… а Наташу взять себе… Уйду я отсюда… на другую квартиру.

Бубнов. Чего? Куда?

Настя. Надоело мне… Лишняя я здесь…

Бубнов (*спокойно*). Ты везде лишняя… да и все люди на земле — лишние…

Настя качает головой. Встает, тихо уходит в сени.

Медведев входит. За ним — Лука с метлой.

Медведев. Как будто я тебя не знаю…

Лука. А остальных людей — всех знаешь?

Медведев. В своем участке я должен всех знать… а тебя вот — не знаю…

Лука. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоем участке поместилась… осталось маленько и опричь его… (*Уходит в кухню.*)

Медведев (*подходя к Бубнову*). Правильно, участок у меня невелик… хоть хуже всякого большого… Сейчас, перед тем как с дежурства смениться, сапожника Алешку в часть отвез… Лег, понимаешь, среди улицы, играет на гармонии и орет: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тут ездят и вообще — движение… могут раздавить колесами и прочее… Буйный парнишка… Ну, сейчас я его и… представил. Очень любит беспорядок…

Бубнов. Вечером в шашки играть придешь?

Медведев. Приду. М-да… А что… Васька?

Бубнов. Ничего… все так же…

Медведев. Значит… живет?

Бубнов. Что ему не жить? Ему можно жить…

Медведев (*сомневаясь*). Можно?

Лука выходит в сени с ведром в руке.

М-да… тут — разговор идет… насчет Васьки… ты не слыхал?

Бубнов. Я разные разговоры слышу…

Медведев. Насчет Василисы, будто… не замечал?

Бубнов. Чего?

Медведев. Так… вообще… Ты, может, знаешь, да врешь? Ведь все знают… (*Строго.*) Врать нельзя, брат…

Бубнов. Зачем мне врать!

Медведев. То-то!.. Ах, псы! Разговаривают: Васька с Василисой… дескать… а мне что? Я ей не отец, я — дядя… Зачем надо мной смеяться?..

Входит Квашня.

Какой народ стал… надо всем смеется… А-а! Ты… пришла…

Квашня. Разлюбезный мой гарнизон! Бубнов! Он опять на базаре приставал ко мне, чтобы венчаться…

Бубнов. Валяй… чего же? У него деньги есть, и кавалер он еще крепкий…

Медведев. Я-то? Хо-хо!

Квашня. Ах ты, серый! Нет, ты меня за это мое, за больное место не тронь! Это, миленький, со мной было… Замуж бабе выйти — все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала — на всю жизнь памятно…

Медведев. Ты — погоди… мужья — они разные бывают.

Квашня. Да я-то все одинакова! Как издох мой милый муженек, — ни дна бы ему ни покрышки, — так я целый день от радости одна просидела: сижу и все не верю счастью своему…

Медведев. Ежели тебя муж бил… зря — надо было в полицию жаловаться…

Квашня. Я Богу жаловалась восемь лет, — не помогал!

Медведев. Теперь запрещено жен бить… теперь во всем — строгость и закон-порядок! Никого нельзя зря бить… бьют — для порядку…

Лука (*вводит Анну*). Ну, вот и доползли… эх ты! И разве можно в таком слабом составе одной ходить? Где твое место?

Анна (*указывая*). Спасибо, дедушка…

Квашня. Вот она — замужняя… глядите!

Лука. Бабочка совсем слабого состава… Идет по сеням, цепляется за стенки и — стонает… Пошто вы ее одну пущаете?

Квашня. Недоглядели, простите, батюшка! А горничная ейная, видно, гулять ушла…

Лука. Ты вот — смеешься… а разве можно человека эдак бросать? Он — каков ни есть — а всегда своей цены стоит…

Медведев. Надзор нужен! Вдруг — умрет? Канитель будет из этого… Следить надо!

Лука. Верно, господин ундер…

Медведев. М-да… хоть я… еще не совсем ундер…

Лука. Н-ну? А видимость — самая геройская!

В сенях шум и топот. Доносятся глухие крики.

Медведев. Никак — скандал?

Бубнов. Похоже…

Квашня. Пойти поглядеть…

Медведев. И мне надо идти… Эх, служба! И зачем разнимают людей, когда они дерутся? Они и сами перестали бы… ведь устаешь драться… Давать бы им бить друг друга свободно, сколько каждому влезет… стали бы меньше драться, потому побои-то помнили бы дольше…

Бубнов (*слезая с нар*). Ты начальству поговори насчет этого…

Костылев (*распахивая дверь, кричит*). Абрам! Иди… Василиса Наташку… убивает… иди!

Квашня, Медведев, Бубнов бросаются в сени. Лука, качая головой, смотрит вслед им.

Анна. О Господи… Наташенька бедная!

Лука. Кто дерется там?

Анна. Хозяйки… сестры…

Лука (*подходя к Анне*). Чего делят?

Анна. Так они… сытые обе… здоровые…

Лука. Тебя как звать-то?

Анна. Анной... Гляжу я на тебя... на отца ты похож моего... на батюшку... такой же ласковый... мягкий...

Лука. Мяли много, оттого и мягок... (*Смеется дребезжащим смехом.*)

Занавес

Акт второй

Та же обстановка.

Вечер. На нарах около печи Сатин, Барон, Кривой Зоб и Татарин играют в карты. Клещ и Актер наблюдают за игрой. Бубнов на своих нарах играет в шашки с Медведевым. Лука сидит на табурете у постели Анны. Ночлежка освещена двумя лампами: одна висит на стене около играющих в карты, другая — на нарах Бубнова.

Татарин. Еще раз играю, — больше не играю.

Бубнов. Зоб! Пой! (*Запевает.*)

Солнце всходит и заходит…

Кривой Зоб (*подхватывает голос*).

А в тюрьме моей темно…

Татарин (*Сатину*). Мешай карта! Хорошо мешай! Знаем мы, какой такой ты…

Бубнов и Кривой Зоб (*вместе*).

Дни и ночи часовые – э-эх!

Стерегут мое окно…

Анна. Побои… обиды… ничего кроме — не видела я… ничего не видела!

Лука. Эх, бабочка! Не тоскуй!

Медведев. Куда ходишь? Гляди!..

Бубнов. А-а! Так, так, так...

Татарин (*грозя Сатину кулаком*). Зачем карта прятать хочешь? Я вижу... э, ты!

Кривой Зоб. Брось, Асан! Все равно — они нас объегорят... Бубнов, заводи!

Анна. Не помню — когда я сыта была... Над каждым куском хлеба тряслась... Всю жизнь мою дрожала. Мучилась... как бы больше другого не съесть... Всю жизнь в отрепьях ходила... всю мою несчастную жизнь. За что?

Лука. Эх ты, детынька! Устала? Ничего!

Актер (*Кривому Зобу*). Валетом ходи... валетом, черт!

Барон. А у нас — король.

Клещ. Они всегда побьют.

Сатин. Такая у нас привычка...

Медведев. Дамка!

Бубнов. И у меня... н-ну...

Анна. Помираю, вот...

Клещ. Ишь, ишь как! Князь, бросай игру! Бросай, говорю!

Актер. Он без тебя не понимает?

Барон. Гляди, Андрюшка, как бы я тебя не швырнул ко всем чертям!

Татарин. Сдавай еще раз! Кувшин ходил за вода, разбивал себя… и я тоже!

Клещ, качая головой, отходит к Бубнову.

Анна. Все думаю я: Господи! Неужто и на том свете мука мне назначена? Неужто и там?

Лука. Ничего не будет! Лежи знай! Ничего! Отдохнешь там!.. Потерпи еще! Все, милая, терпят… всяк по-своему жизнь терпит. (*Встает и уходит в кухню быстрыми шагами.*)

Бубнов (*запевает*).

Как хотите, стерегите…

Кривой Зоб.

Я и так не убегу…

(*В два голоса.*)

Мне и хочется на волю… эх!

Цепь порвать я не могу…

Татарин (*кричит*). А! Карта рукав совал!

Барон (*конфузясь*). Ну… что же мне — в нос твой сунуть?

Актер (*убедительно*). Князь! Ты ошибся… никто, никогда…

Татарин. Я видел! Жулик! Не буду играть!

Сатин (*собирая карты*). Ты, Асан, отвяжись… Что

мы — жулики, тебе известно. Стало быть, зачем играл?

Барон. Проиграл два двугривенных, а шум делаешь на трешницу… еще князь!

Татарин (*горячо*). Надо играть честна!

Сатин. Это зачем же?

Татарин. Как зачем?

Сатин. А так… Зачем?

Татарин. Ты не знаешь?

Сатин. Не знаю. А ты — знаешь?

Татарин плюет, озлобленный. Все хохочут над ним.

Кривой Зоб (*благодушно*). Чудак ты, Асан! Ты — пойми! Коли им честно жить начать, они в три дня с голоду издохнут…

Татарин. А мне какое дело! Надо честна жить!

Кривой Зоб. Заладил! Идем чай пить лучше… Бубен!

И-эх вы, цепи, мои цепи…

Бубнов.

Да вы железны сторожа…

Кривой Зоб. Идем, Асанка! (*Уходит, напевая.*)

Не порвать мне, не разбить вас…

Торговка
Кривой Зоб
Татарин

Татарин грозит Барону кулаком и выходит вслед за товарищем.

Сатин (*Барону, смеясь*). Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу! Образованный человек, а карту передернуть не можете…

Барон (*разводя руками*). Черт знает, как она…

Актер. Таланта нет… нет веры в себя… а без этого… никогда, ничего…

Медведев. У меня одна дамка… а у тебя две… н-да!

Бубнов. И одна — не бедна, коли умна… Ходи!

Клещ. Проиграли вы, Абрам Иваныч!

Медведев. Это не твое дело… понял? И молчи…

Сатин. Выигрыш — пятьдесят три копейки…

Актер. Три копейки мне… А впрочем, зачем мне нужно три копейки?

Лука (*выходя из кухни*). Ну, обыграли татарина? Водочку пить пойдете?

Барон. Идем с нами!

Сатин. Посмотреть бы, каков ты есть пьяный!

Лука. Не лучше трезвого-то…

Актер. Идем, старик… я тебе продекламирую куплеты…

Лука. Чего это?

Актер. Стихи,– понимаешь?

Лука. Стихи-и! А на что они мне, стихи-то?..

Актер. Это — смешно… А иногда — грустно…

Сатин. Ну, куплетист, идешь? (*Уходит с Бароном.*)

Актер. Иду... я догоню! Вот, например, старик, из одного стихотворения... начало я забыл... забыл! (*Потирает лоб.*)

Бубнов. Готово! Пропала твоя дамка... ходи!

Медведев. Не туда я пошел... пострели ее!

Актер. Раньше, когда мой организм не был отравлен алкоголем, у меня, старик, была хорошая память... А теперь вот... кончено, брат! Все кончено для меня! Я всегда читал это стихотворение с большим успехом... гром аплодисментов! Ты... не знаешь, что такое аплодисменты... это, брат, как... водка!.. Бывало, выйду, встану вот так... (*Становится в позу.*) Встану... и... (*Молчит.*) Ничего не помню... ни слова... не помню! Любимое стихотворение... плохо это, старик?

Лука. Да уж чего хорошего, коли любимое забыл? В любимом — вся душа...

Актер. Пропил я душу, старик... я, брат, погиб... А почему — погиб? Веры у меня не было... Кончен я...

Лука. Ну, чего? Ты... лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат... такая уж лечебница устроена для пьяниц... чтобы, значит, даром их лечить... Признали, видишь, что

пьяница — тоже человек… и даже — рады, когда он лечиться желает! Ну-ка, вот, валяй! Иди…

Актер (*задумчиво*). Куда? Где это?

Лука. А это… в одном городе… как его? Название у него эдакое… Да я тебе город назову!.. Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись!.. возьми себя в руки и — терпи… А потом — вылечишься… и начнешь жить снова… хорошо, брат, снова-то! Ну, решай… в два приема…

Актер (*улыбаясь*). Снова… сначала… Это — хорошо… Н-да… Снова? (*Смеется.*) Ну… да! Я могу?! Ведь могу, а?

Лука. А чего? Человек — все может… лишь бы захотел…

Актер (*вдруг, как бы проснувшись*). Ты — чудак? Прощай пока! (*Свистит.*) Старичок… прощай… (*Уходит.*)

Анна. Дедушка!

Лука. Что, матушка?

Анна. Поговори со мной…

Лука (*подходя к ней*). Давай, побеседуем…

Клещ оглядывается, молча подходит к жене, смотрит на нее и делает какие-то жесты руками, как бы желая что-то сказать.

Лука. Что, браток?

Клещ (*негромко*). Ничего… (*Медленно идет к двери в сени, несколько секунд стоит пред ней и — уходит.*)

Лука (*проводив его взглядом*). Тяжело мужику-то твоему…

Анна. Мне уж не до него…

Лука. Бил он тебя?

Анна. Еще бы… От него, чай, и зачахла…

Бубнов. У жены моей… любовник был; ловко, бывало, в шашки играл, шельма…

Медведев. Мм-м…

Анна. Дедушка! Говори со мной, милый… Тошно мне…

Лука. Это ничего! Это — перед смертью… голубка. Ничего, милая! Ты — надейся… Вот, значит, помрешь, и будет тебе спокойно… ничего больше не надо будет, и бояться — нечего! Тишина, покой… лежи себе! Смерть — она все успокаивает… она для нас ласковая… Помрешь — отдохнешь, говорится… верно это, милая! Потому — где здесь отдохнуть человеку?

Пепел входит. Он немного выпивши, растрепанный, мрачный. Садится у двери на нарах и сидит молча, неподвижно.

Анна. А как там — тоже мука?

Лука. Ничего не будет! Ничего! Ты — верь! Спокой и — больше ничего! Призовут тебя к Господу и скажут: Господи, погляди-ка, вот пришла раба твоя, Анна…

Медведев (*строго*). А ты почему знаешь, что́ там скажут? Эй, ты…

Пепел при звуке голоса Медведева поднимает голову и прислушивается.

Лука. Стало быть, знаю, господин ундер…

Медведев (*примирительно*). М… да! Ну… твое дело… Хоша… я еще не совсем… ундер…

Бубнов. Двух беру…

Медведев. Ах ты… чтоб тебе!..

Лука. А Господь — взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите ее, Анну, в рай! Пусть успокоится… Знаю я, жила она — очень трудно… очень устала… Дайте покой Анне…

Анна (*задыхаясь*). Дедушка… милый ты… кабы так! Кабы… покой бы… не чувствовать бы ничего…

Лука. Не будешь! Ничего не будет! Ты — верь! Ты — с радостью помирай, без тревоги… Смерть, я те говорю, она нам — как мать малым детям…

Анна. А… может… может, выздоровлю я?

Лука (*усмехаясь*). На что? На муку опять?

Анна. Ну… еще немножко… пожить бы… немножко! Коли там муки не будет… здесь можно потерпеть… можно!

Лука. Ничего там не будет!.. Просто…

Пепел (*вставая*). Верно… а может, и — неверно!

Анна (*пугливо*). Господи…

Лука. А, красавец…

Медведев. Кто орет?

Пепел (*подходя к нему*). Я! А что?

Медведев. Зря орешь, вот что! Человек должен вести себя смирно…

Пепел. Э… дубина!.. А еще — дядя… х-хо!

Лука (*Пеплу, негромко*). Слышь, — не кричи! Тут — женщина помирает… уж губы у нее землей обметало… не мешай!

Пепел. Тебе, дед, изволь, — уважу! Ты, брат, молодец! Врешь ты хорошо… сказки говоришь приятно! Ври, ничего… мало, брат, приятного на свете!

Бубнов. Вправду — помирает баба-то?

Васька Пепел
Клещ
Анна

Лука. Кажись, не шутит…

Бубнов. Кашлять, значит, перестанет… Кашляла она очень беспокойно… Двух беру!

Медведев. Ах, пострели тебя в сердце!

Пепел. Абрам!

Медведев. Я тебе — не Абрам…

Пепел. Абрашка! Наташа — хворает?

Медведев. А тебе какое дело?

Пепел. Нет, ты скажи: сильно ее Василиса избила?

Медведев. И это дело не твое! Это — семейное дело… А ты — кто таков?

Пепел. Кто бы я ни был, а… захочу — и не видать вам больше Наташки!

Медведев (*бросая игру*). Ты — что говоришь? Ты — про кого это? Племянница моя чтобы… ах, вор!

Пепел. Вор, а тобой не пойман…

Медведев. Погоди! Я — поймаю… я — скоро…

Пепел. А поймаешь, — на горе всему вашему гнезду. Ты думаешь — я молчать буду перед следователем? Жди от волка толка! Спросят: кто меня на воровство подбил и место указал? Мишка Костылев с женой! Кто краденое принял? Мишка Костылев с женой!

Медведев. Врешь! Не поверят тебе!

Пепел. Поверят, потому — правда! И тебя еще за-

путаю… ха! Погублю всех вас, черти, — увидишь!

Медведев (*теряясь*). Врешь! И… врешь! И… что я тебе худого сделал? Пес ты бешеный…

Пепел. А что ты мне хорошего сделал?

Лука. Та-ак!

Медведев (*Луке*). Ты… чего каркаешь? Твое тут — какое дело? Тут — семейное дело!

Бубнов (*Луке*). Отстань! Не для нас с тобой петли вяжут.

Лука (*смиренно*). Я ведь — ничего! Я только говорю, что, если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил…

Медведев (*не поняв*). То-то! Мы тут… все друг друга знаем… а ты — кто такой? (*Сердито фыркая, быстро уходит.*)

Лука. Рассердился кавалер… Охо-хо, дела у вас, братцы, смотрю я… путаные дела!

Пепел. Василисе жаловаться побежал…

Бубнов. Дуришь ты, Василий. Чего-то храбрости у тебя много завелось… гляди, храбрость у места, когда в лес по грибы идешь… а здесь она — ни к чему… Они тебе живо голову свернут…

Пепел. Н-ну, нет! Нас, ярославских, голыми руками не сразу возьмешь… Ежели война — будем воевать…

Лука. А в самом деле, отойти бы тебе, парень,

прочь с этого места…

Пепел. Куда? Ну-ка, выговори…

Лука. Иди… в Сибирь!

Пепел. Эге! Нет, уж я погожу, когда пошлют меня в Сибирь эту на казенный счет…

Лука. А ты слушай, иди-ка! Там ты себе можешь путь найти… Там таких — надобно!

Пепел. Мой путь — обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал… Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын…

Лука. А хорошая сторона — Сибирь! Золотая сторона! Кто в силе да в разуме, тому там — как огурцу в парнике!

Пепел. Старик! Зачем ты все врешь?

Лука. Ась?

Пепел. Оглох! Зачем врешь, говорю?

Лука. Это в чем же вру-то я?

Пепел. Во всем… Там у тебя хорошо, здесь хорошо… ведь — врешь! На что?

Лука. А ты мне — поверь, да поди сам погляди… Спасибо скажешь… Чего ты тут трешься? И… чего тебе правда больно нужна… подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя…

Пепел. А мне все едино! Обух так обух…

Лука. Да чудак! На что самому себя убивать?

Бубнов. И чего вы оба мелете? Не пойму… Какой тебе, Васька, правды надо? И зачем? Знаешь ты правду про себя… да и все ее знают…

Пепел. Погоди, не каркай! Пусть он мне скажет… Слушай, старик: Бог есть?

Лука молчит, улыбаясь.

Бубнов. Люди все живут… как щепки по реке плывут… строят дом… а щепки — прочь…

Пепел. Ну? Есть? Говори…

Лука (*негромко*). Коли веришь, — есть; не веришь, — нет… Во что веришь, то и есть…

Пепел молча, удивленно и упорно смотрит на старика.

Бубнов. Пойду чаю попью… идемте в трактир? Эй!..

Лука (*Пеплу*). Чего глядишь?

Пепел. Так… погоди!.. Значит…

Бубнов. Ну, я один… (*Идет к двери и встречается с Василисой.*)

Пепел. Стало быть… ты…

Василиса (*Бубнову*). Настасья — дома?

Бубнов. Нет… (*Уходит.*)

Пепел. А… пришла…

Василиса (*подходя к Анне*). Жива еще?

Лука. Не тревожь…

Василиса. А ты… чего тут торчишь?

Лука. Я могу уйти… коли надо…

Василиса (*направляясь к двери в комнату Пепла*). Василий! У меня к тебе дело есть…

Лука подходит к двери в сени, отворяет ее и громко хлопает ею. Затем осторожно влезает на нары и — на печь.

Василиса (*из комнаты Пепла*). Вася… поди сюда!

Пепел. Не пойду… не хочу…

Василиса. А… что же? На что гневаешься?

Пепел. Скушно мне… надоела мне вся эта канитель…

Василиса. И я… надоела?

Пепел. И ты…

Василиса крепко стягивает платок на плечах, прижимая руки ко груди. Идет к постели Анны, осторожно смотрит за полог и возвращается к Пеплу.

Пепел. Ну… говори…

Василиса. Что же говорить? Насильно мил не будешь… и не в моем это характере милости просить… Спасибо тебе за правду…

Пепел. Какую правду?

Василиса. А что надоела я тебе… али это не правда?

Пепел молча смотрит на нее.

Василиса (*подвигаясь к нему*). Что глядишь? Не узнаёшь?

Пепел (*вздыхая*). Красивая ты, Васка (*женщина кладет ему руку на шею, но он стряхивает руку ее движением плеча*), — а никогда не лежало у меня сердце к тебе… И жил я с тобой и все… а никогда ты не нравилась мне…

Василиса (*тихо*). Та-ак… Н-ну…

Пепел. Ну, не о чем нам говорить! Не о чем… иди от меня…

Василиса. Другая приглянулась?

Пепел. Не твое дело… И приглянулась — в свахи тебя не позову…

Василиса (*значительно*). А напрасно… Может, я бы и сосватала…

Пепел (*подозрительно*). Кого это?

Василиса. Ты знаешь… что притворяться? Василий… я — человек прямой… (*Тише.*) Скрывать не буду… ты меня обидел… Ни за что ни про что — как плетью хлестнул… Говорил — любишь… и вдруг…

Пепел. Вовсе не вдруг… я давно… души в тебе нет,

баба… В женщине — душа должна быть… Мы — звери… нам надо… надо нас — приучать… а ты — к чему меня приучила?..

Василиса. Что было — того нет… Я знаю — человек сам в себе не волен… Не любишь больше… ладно! Так тому и быть…

Пепел. Ну, значит, и — шабаш! Разошлись смирно, без скандала… и хорошо!

Василиса. Нет, погоди! Все-таки… когда я с тобой жила… я все дожидалась, что ты мне поможешь из омута этого выбраться… освободишь меня от мужа, от дяди… от всей этой жизни… И, может, я не тебя, Вася, любила, а… надежду мою, думу эту любила в тебе… Понимаешь? Ждала я, что вытащишь ты меня…

Пепел. Ты — не гвоздь, я — не клещи… Я сам думал, что ты, как умная… ведь ты умная… ты — ловкая!

Василиса (*близко наклоняясь к нему*). Вася! давай… поможем друг другу…

Пепел. Как это?

Василиса (*тихо, сильно*). Сестра… тебе нравится, я знаю…

Пепел. За то ты и бьешь ее зверски! Смотри, Васка! Ее — не тронь…

Василиса. Погоди! Не горячись! Можно все сделать

тихо, по-хорошему… Хочешь — женись на ней? И я тебе еще денег дам… целковых… триста! Больше соберу — больше дам…

Пепел (*отодвигаясь*). Постой… как это? За что?

Василиса. Освободи меня… от мужа! Сними с меня петлю эту…

Пепел (*тихо свистит*). Вон что-о! Ого-го! Это — ты ловко придумала… мужа, значит, в гроб, любовника — на каторгу, а сама…

Василиса. Вася! Зачем — каторга? Ты — не сам… через товарищей! Да если и сам — кто узнает? Наталья — подумай! Деньги будут… уедешь куда-нибудь… меня навек освободишь… И что сестры около меня не будет — это хорошо для нее. Видеть мне ее — трудно… злоблюсь я на нее за тебя… и сдержаться не могу… мучаю девку, бью ее… так — бью… что — сама плачу от жалости к ней… А — бью. И — буду бить!

Пепел. Зверь! Хвастаешься зверством своим?

Василиса. Не хвастаюсь — правду говорю. Подумай, Вася… Ты два раза из-за мужа моего в тюрьме сидел… из-за его жадности… Он в меня, как клоп, впился… четыре года сосет! А какой он мне муж? Наташку теснит, измывается над ней, нищая, говорит! И для всех он — яд…

Пепел. Хитро ты плетешь…

Василиса. В речах моих — все ясно… Только глупый не поймет, чего я хочу…

Костылев осторожно входит и крадется вперед.

Пепел (*Василисе*). Ну… иди!

Василиса. Подумай? (*Видит мужа.*) Ты — что? За мной?

Пепел вскакивает и дико смотрит на Костылева.

Костылев. Это я… я! А вы тут… одни? А-а… Вы — разговаривали? (*Вдруг топает ногами и громко визжит.*) Васка… поганая! Нищая… шкура! (*Пугается своего крика, встреченного молчанием и неподвижностью.*) Прости, Господи… опять ты меня, Василиса, во грех ввела… Я тебя ищу везде… (*Взвизгивая.*) Спать пора! Масла в лампады забыла налить… у, ты! Нищая… свинья… (*Дрожащими руками машет на нее.*)

Василиса медленно идет к двери в сени, оглядываясь на Пепла.

Пепел (*Костылеву*). Ты! Уйди… пошел!..

Костылев (*кричит*). Я — хозяин! Сам пошел, да! Вор…

Пепел (*глухо*). Уйди, Мишка…

Костылев. Не смей! Я тут… я тебя…

Пепел хватает его за шиворот и встряхивает. На печи раздается громкая возня и воющее позевыванье. Пепел выпускает Костылева, старик с криком бежит в сени.

Пепел (*вспрыгнув на нары*). Кто это… кто на печи?

Лука (*высовывая голову*). Ась?

Пепел. Ты?!

Лука (*спокойно*). Я… я самый… О Господи Исусе Христе!

Пепел (*затворяет дверь в сени, ищет запора и не находит*). А, черти… Старик, слезай!

Лука. Сейча-ас… лезу…

Пепел (*грубо*). Ты зачем на печь залез?

Лука. А куда надо было?

Пепел. Ведь… ты в сени ушел?

Лука. В сенях, браточек, мне, старику, холодно…

Пепел. Ты… слышал?

Лука. А — слышал! Как не слышать? Али я — глухой? Ах, парень, счастье тебе идет… Вот идет счастье!

Пепел (*подозрительно*). Какое счастье? В чем?

Лука. А вот в том, что я на печь залез.

Пепел. А… зачем ты там возиться начал?

Лука. Затем, значит, что — жарко мне стало… на

твое сиротское счастье… И — опять же — смекнул я, как бы, мол, парень-то не ошибся… не придушил бы старичка-то…

Пепел. Да-а… я это мог… ненавижу…

Лука. Что мудреного? Ничего нет трудного… Часто эдак-то ошибаются…

Пепел (*улыбаясь*). Ты — что? Сам, что ли, ошибся однажды?

Лука. Парень! Слушай-ка, что я тебе скажу: бабу эту — прочь надо! Ты ее — ни-ни! — до себя не допускай… Мужа — она и сама со света сживет, да еще половчее тебя, да! Ты ее, дьяволицу, не слушай… Гляди — какой я? Лысый… А отчего? От этих вот самых разных баб… Я их, баб-то, может, больше знал, чем волос на голове было… А эта Василиса — она… хуже черемиса!*

Пепел. Не понимаю я… спасибо тебе сказать, или ты… тоже…

Лука. Ты — не говори! Лучше моего не скажешь! Ты слушай: которая тут тебе нравится, бери ее под руку да отсюда — шагом марш! — уходи! Прочь уходи…

Пепел (*угрюмо*). Не поймешь людей! Которые — добрые, которые — злые?.. Ничего не понятно.

Лука. Чего там понимать? Всяко живет человек… как сердце налажено, так и живет… сегодня —

добрый, завтра — злой… А коли девка эта за душу тебя задела всурьез… уйди с ней отсюда, и кончено… А то — один иди… Ты — молодой, успеешь бабой обзавестись…

Пепел (*берет его за плечо*). Нет, ты скажи — зачем ты все это…

Лука. Погоди-ка, пусти… Погляжу я на Анну… чего-то она хрипела больно… (*Идет к постели Анны, открывает полог, смотрит, трогает рукой. Пепел задумчиво и растерянно следит за ним.*) Исусе Христе, многомилостивый! Дух новопреставленной рабы твоей Анны с миром прими…

Пепел (*тихо*). Умерла?.. (*Не подходя, вытягивается и смотрит на кровать.*)

Лука (*тихо*). Отмаялась!.. А где мужик-то ее?

Пепел. В трактире, наверно…

Лука. Надо сказать…

Пепел (*вздрагивая*). Не люблю покойников…

Лука (*идет к двери*). За что их любить?.. Любить — живых надо… живых…

Пепел. И я с тобой…

Лука. Боишься?

Пепел. Не люблю…

Торопливо выходят. Пустота и тишина. За дверью в сени слышен глухой шум, неровный, непонятный. Потом — входит Актер.

Актер (*останавливается, не затворяя двери, на пороге и, придерживаясь руками за косяки, кричит*). Старик, эй! Ты где? Я — вспомнил… слушай. (*Шатаясь, делает два шага вперед и, принимая позу, читает.*)

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет,—
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Наташа является сзади Актера в двери.

Актер. Старик!..

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
*Мысль безумца какого-нибудь…**

Наташа (*смеется*). Чучело! Нализался…

Актер (*оборачиваясь к ней*). А-а, это ты? А — где старичок… милый старикашка? Здесь, по-видимому, — никого нет… Наташа, прощай! Прощай… да!

Наташа (*входя*). Не здоровался, а прощаешься…

Актер (*загораживая ей дорогу*). Я — уезжаю, ухо-

жу… Настанет весна — и меня больше нет…

Наташа. Пусти-ка… куда это ты?

Актер. Искать город… лечиться… Ты — тоже уходи… Офелия… иди в монастырь… Понимаешь — есть лечебница для организмов… для пьяниц… Превосходная лечебница… Мрамор… мраморный пол! Свет… чистота, пища… все — даром! И мраморный пол, да! Я ее найду, вылечусь и… снова буду… Я на пути к возрожденью… как сказал… король… Лир! Наташа… по сцене мое имя Сверчков-Заволжский… никто этого не знает, никто! Нет у меня здесь имени… Понимаешь ли ты, как это обидно — потерять имя? Даже собаки имеют клички…

Наташа осторожно обходит Актера, останавливается у кровати Анны, смотрит.

Актер. Без имени — нет человека…

Наташа. Гляди… голубчик… померла ведь…

Актер (*качая головой*). Не может быть…

Наташа (*отступая*). Ей-богу… смотри…

Бубнов (*в двери*). Чего смотреть?

Наташа. Анна-то… померла!

Бубнов. Кашлять перестала, значит. (*Идет к постели Анны, смотрит, идет на свое место*.) Надо Клещу сказать… это — его дело…

Актер. Я иду… скажу… потеряла имя!.. (*Уходит.*)

Наташа (*посреди комнаты*). Вот и я… когда-нибудь так же… в подвале… забитая…

Бубнов (*расстилая на своих нарах какое-то тряпье*). Чего? Ты чего бормочешь?

Наташа. Так… про себя…

Бубнов. Ваську ждешь? Гляди — сломит тебе голову Васька…

Наташа. А не все равно — кто сломит? Уж пускай лучше он…

Бубнов (*ложится*). Ну, твое дело…

Наташа. Ведь вот… хорошо, что она умерла… а жалко… Господи!.. Зачем жил человек?

Бубнов. Все так: родятся, поживут, умирают. И я помру… и ты… Чего жалеть?

Входят: Лука, Татарин, Кривой Зоб и Клещ. Клещ идет сзади всех, медленно, съежившись.

Наташа. Ш-ш! Анна…

Кривой Зоб. Слышали… Царство Небесное, коли померла…

Татарин (*Клещу*). Надо вон тащить! Сени надо тащить! Здесь — мертвый — нельзя, здесь — живой спать будет…

Клещ (*негромко*). Вытащим…

Все подходят к постели. Клещ смотрит на жену

через плечи других.

Кривой Зоб (*Татарину*). Ты думаешь — дух пойдет? От нее духа не будет... она вся еще живая высохла...

Наташа. Господи! Хоть бы пожалели... хоть бы кто слово сказал какое-нибудь! Эх вы...

Лука. Ты, девушка, не обижайся... ничего! Где им... куда нам — мертвых жалеть? Э, милая! Живых — не жалеем... сами себя пожалеть-то не можем... где тут!

Бубнов (*зевая*). И опять же — смерть слова не боится!.. Болезнь — боится слова, а смерть — нет!

Татарин (*отходя*). Полицию надо...

Кривой Зоб. Полицию — это обязательно! Клещ! Полиции заявил?

Клещ. Нет... Хоронить надо... а у меня сорок копеек всего...

Кривой Зоб. Ну, на такой случай — займи... а то мы соберем... кто пятак, кто — сколько может... А полиции заяви... скорее! А то она подумает — убил ты бабу... или что... (*Идет к нарам и собирается лечь рядом с Татарином.*)

Наташа (*отходя к нарам Бубнова*). Вот... будет она мне сниться теперь... мне всегда покойники снятся... Боюсь идти одна... в сенях — темно...

Лука (*следуя за ней*). Ты — живых опасайся... вот

что я скажу…

Наташа. Проводи меня, дедушка…

Лука. Идем… идем, провожу!

Уходят. Пауза.

Кривой Зоб. Охо-хо-о! Асан! Скоро весна, друг… тепло нам жить будет! Теперь уж в деревнях мужики сохи, бороны чинят… пахать налаживаются… н-да! А мы… Асан!.. Дрыхнет уж, Магомет окаянный…

Бубнов. Татары спать любят…

Клещ (*стоит посредине ночлежки и тупо смотрит пред собой*). Чего же мне теперь делать?

Кривой Зоб. Ложись да спи… только и всего…

Клещ (*тихо*). А… она… как же?

Никто не отвечает ему. Сатин и Актер входят.

Актер (*кричит*). Старик? Сюда, мой верный Кент*…

Сатин. Миклуха-Маклай идет… х-хо!

Актер. Кончено и решено! Старик, где город… где ты?

Сатин. Фата-моргана! Наврал тебе старик… Ничего нет! Нет городов, нет людей… ничего нет!

Актер. Врешь!

Татарин (*вскакивая*). Где хозяин? Хозяину иду!

Нельзя спать — нельзя деньги брать… Мертвые… пьяные… (*Быстро уходит. Сатин свистит вслед ему.*)

Бубнов (*сонным голосом*). Ложись, ребята, не шуми… ночью — спать надо!

Актер. Да… здесь — ага! Мертвец… «Наши сети притащили мертвеца»… стихотворение… Б-бе-ранжера!*

Сатин (*кричит*). Мертвецы — не слышат! Мертвецы не чувствуют… Кричи… реви… мертвецы не слышат!..

В двери является Лука.

Занавес

Акт третий

«Пустырь» — засоренное разным хламом и заросшее бурьяном дворовое место. В глубине его — высокий кирпичный брандмауэр*. Он закрывает небо. Около него — кусты бузины. Направо — темная, бревенчатая стена какой-то надворной постройки — сарая или конюшни. А налево — серая, покрытая остатками штукатурки стена того дома, в котором помещается ночлежка Костылевых. Она стоит наискось, так что ее задний угол выходит почти на средину пустыря. Между ею и красной стеной — узкий проход. В серой стене два окна: одно — в уровень с землей, другое — аршина на два выше и ближе к брандмауэру. У этой стены лежат розвальни кверху полозьями и обрубок бревна, длиною аршина в четыре. Направо у стены — куча старых досок, брусьев. Вечер, заходит солнце, освещая брандмауэр красноватым светом. Ранняя весна, недавно стаял снег. Черные сучья бузины еще без почек. На бревне сидят рядом Наташа и Настя. На дровнях — Лука и Барон. Клещ лежит на куче дерева у правой стены. В окне у земли — рожа Бубнова.

Настя (*закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче рассказывает*). Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились… а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и — белый, как мел, а в руках у него леворверт…

Наташа (*грызет семечки*). Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные…

Настя. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь…»

Бубнов. Хо-хо! Драгоценная?

Барон. Погоди! Не любо — не слушай, а врать не мешай… Дальше!

Настя. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой… и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишить себя жизни…» А леворверт у него — агромадный и заряжен десятью пулями… «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! — решился я бесповоротно… жить без тебя — никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой… Рауль…»

Бубнов (*удивленный*). Чего-о? Как? Краул?

Барон (*хохочет*). Настька! Да ведь… ведь прошлый раз — Гастон был!

Настя (*вскакивая*). Молчите… несчастные! Ах… бродячие собаки! Разве… разве вы можете понимать… любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она… настоящая! (*Барону.*) Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек… говоришь — лежа кофей пил…

Лука. А вы — погоди-ите! Вы — не мешайте! Уважьте человеку… не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чем дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Бубнов. Раскрашивай, ворона, перья… валяй!

Барон. Ну — дальше!

Наташа. Не слушай их… что они? Они — из зависти это… про себя им сказать нечего…

Настя (*снова садится*). Не хочу больше! Не буду говорить… Коли они не верят… коли смеются… (*Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и точно вслушиваясь в отдаленную музыку.*) И вот — отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете… потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни… как нужна она дорогим твоим родителям,

для которых ты — вся их радость… Брось меня! Пусть лучше я пропаду… от тоски по тебе, жизнь моя… я — одна… я — таковская! Пускай уж я… погибаю, — все равно! Я — никуда не гожусь… и нет мне ничего… нет ничего…» (*Закрывает лицо руками и беззвучно плачет.*)

Наташа (*отвертываясь в сторону, негромко*). Не плачь… не надо!

Лука, улыбаясь, гладит голову Насти.

Бубнов (*хохочет*). Ах… чертова кукла! а?

Барон (*тоже смеется*). Дедка! Ты думаешь — это правда? Это все из книжки «Роковая любовь»*… Все это — ерунда! Брось ее!..

Наташа. А тебе что? Ты! Молчи уж… коли Бог убил…

Настя (*яростно*). Пропащая душа! Пустой человек! Где у тебя — душа?

Лука (*берет Настю за руку*). Уйдем, милая! ничего… не сердись! Я — знаю… Я — верю! Твоя правда, а не ихняя… Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь… значит — была она! Была! А на него — не сердись, на сожителя-то… Он… может, и впрямь из зависти смеется… у него, может, вовсе не было настоящего-то… ничего не было! Пойдем-ка!..

Настя (*крепко прижимая руки ко груди*). Дедушка! Ей-богу… было это! Все было!.. Студент он… француз был… Гастошей звали… с черной бородкой… в лаковых сапогах ходил… разрази меня гром на этом месте! И так он меня любил… так любил!

Лука. Я — знаю! Ничего! Я верю! В лаковых сапогах, говоришь? А-яй-ай! Ну — и ты его тоже — любила?

Уходят за угол.

Барон. Ну и глупа же эта девица… добрая, но… глупа — нестерпимо!

Бубнов. И чего это… человек врать так любит? Всегда — как перед следователем стоит… право!

Наташа. Видно, вранье-то… приятнее правды… Я — тоже…

Барон. Что — тоже? Дальше?!

Наташа. Выдумываю… Выдумываю и — жду…

Барон. Чего?

Наташа (*смущенно улыбаясь*). Так… Вот, думаю, завтра… приедет кто-то… кто-нибудь… особенный… Или — случится что-нибудь… тоже — небывалое… Подолгу жду, всегда — жду… А так… на самом деле — чего можно ждать?

Пауза.

Барон (*с усмешкой*). Нечего ждать… Я — ничего не жду! Все уже… было! Прошло… кончено!.. Дальше!

Наташа. А я… воображу себе, что завтра я… скоропостижно помру… И станет от этого — жутко… Летом хорошо воображать про смерть… грозы бывают летом… всегда может грозой убить…

Барон. Нехорошо тебе жить… эта сестра твоя… дьявольский характер!

Наташа. А кому — хорошо жить? Всем плохо… я вижу…

Клещ (*до этой поры неподвижный и безучастный — вдруг вскакивает*). Всем? Врешь! Не всем! Кабы — всем… пускай! Тогда — не обидно… да!

Бубнов. Что тебя — черт боднул? Ишь ты… взвыл как!

Клещ снова ложится на свое место и ворчит.

Барон. А… надо мне к Настёнке мириться идти… не помиришься — на выпивку не даст…

Бубнов. М-м… Любят врать люди… Ну, Настька… дело понятное! Она привыкла рожу себе подкрашивать… вот и душу хочет подкрасить… румянец на душу наводит… А… другие — зачем? Вот — Лука, примерно… много он врет… и без всякой пользы для себя… Старик уж… Зачем бы ему?

Барон (*усмехаясь, отходит*). У всех людей — души серенькие… все подрумяниться желают…

Лука (*выходит из-за угла*). Ты, барин, зачем девку тревожишь? Ты бы не мешал ей… пускай плачет-забавляется… Она ведь для своего удовольствия слезы льет… чем тебе это вредно?

Барон. Глупо, старик! Надоела она… Сегодня — Рауль, завтра — Гастон… а всегда одно и то же! Впрочем — я иду мириться с ней… (*Уходит.*)

Лука. Поди-ка, вот… приласкай! Человека приласкать — никогда не вредно…

Наташа. Добрый ты, дедушка… Отчего ты — такой добрый?

Лука. Добрый, говоришь? Ну… и ладно, коли так… да!

За красной стеной тихо звучит гармоника и песня.

Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть… жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел… Я те скажу — вовремя человека пожалеть… хорошо бывает! Вот, примерно, служил я сторожем на даче… у инженера одного под Томском-городом*… Ну, ладно! В лесу дача стояла, место — глухое… а зима была, и — один я, на даче-то… Славно-хорошо! Только раз — слышу

— лезут!

Наташа. Воры?

Лука. Они. Лезут, значит, да!.. Взял я ружьишко, вышел… Гляжу — двое… открывают окно — и так занялись делом, что меня и не видят. Я им кричу: ах вы!.. пошли прочь!.. А они, значит, на меня с топором… Я их упреждаю — отстаньте, мол! А то сейчас — стрелю!.. Да ружьишко-то то на одного, то на другого и навожу. Они — на коленки пали: дескать,– пусти! Ну, а я уж того… осердился… за топор-то, знаешь! Говорю — я вас, лешие, прогонял, не шли… а теперь, говорю, ломай ветки один который-нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, один — ложись, а другой — пори его! Так они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А как выпоролись они… и говорят мне — дедушка, говорят, дай хлебца Христа ради! Идем, говорят, не жрамши. Вот те и воры, милая (смеется)… вот те и с топором! Да… Хорошие мужики оба… Я говорю им: вы бы, лешие, прямо бы хлеба просили. А они — надоело, говорят… просишь-просишь, а никто не дает… обидно!.. Так они у меня всю зиму и жили. Один, — Степаном звать, — возьмет, бывало, ружьишко и закатится в лес… А другой — Яков был, все хворал, кашлял все… Втроем, значит, мы дачу-то и стерегли. При-

шла весна — прощай, говорят, дедушка! И ушли… в Россию побрели…

Наташа. Они — беглые? Каторжане?

Лука. Действительно — так,– беглые… с поселенья ушли… Хорошие мужики!.. Не пожалей я их — они бы, может, убили меня… али еще что… А потом — суд, да тюрьма, да Сибирь… что толку? Тюрьма — добру не научит, и Сибирь не научит… а человек — научит… да! Человек — может добру научить… очень просто!

Пауза.

Бубнов. Мм-да!.. А я вот… не умею врать! Зачем? По-моему — вали всю правду, как она есть! Чего стесняться?

Клещ (*вдруг снова вскакивает, как обожженный, и кричит*). Какая — правда? Где — правда? (*Треплет руками лохмотья на себе.*) Вот — правда! Работы нет… силы нет! Вот — правда! Пристанища… пристанища нету! Издыхать надо… вот она, правда! Дьявол! На… на что мне она — правда? Дай вздохнуть… вздохнуть дай! Чем я виноват?.. За что мне — правду? Жить — дьявол — жить нельзя… вот она — правда!..

Бубнов. Вот так… забрало!..

Лука. Господи Исусе… слышька, милый! Ты…

Клещ (*дрожит от возбуждения*). Говорите тут — пра-авда! Ты, старик, утешаешь всех… Я тебе скажу… ненавижу я всех! И эту правду… будь она, окаянная, проклята! Понял? Пойми! Будь она — проклята! (*Бежит за угол, оглядываясь.*)

Лука. Ай-яй-ай! Как встревожился человек… И куда побежал?

Наташа. Все равно как рехнулся…

Бубнов. Здóрово пущено! Как в театре разыграл… Бывает это, частенько… Не привык еще к жизни-то…

Пепел (*медленно выходит из-за угла*). Мир честнóй компании! Что, Лука, старец лукавый, всё истории рассказываешь?

Лука. Видел бы ты… как тут человек кричал!

Пепел. Это Клещ, что ли? Чего он? Бежит, как ошпаренный…

Лука. Побежишь, если этак… к сердцу подступит…

Пепел (*садится*). Не люблю его… больно он зол да горд. (*Передразнивая Клеща.*) «Я — рабочий человек». И — все его ниже будто… Работай, коли нравится… чем же гордиться тут? Ежели людей по работе ценить… тогда лошадь лучше всякого человека… возит и — молчит! Наташа! Твои — дома?

Наташа. На кладбище ушли… потом — ко всенощной хотели…

Пепел. То-то, я гляжу, свободна ты… редкость!

Лука (*задумчиво, Бубнову*). Вот… ты говоришь — правда… Она, правда-то, — не всегда по недугу человеку… не всегда правдой душу вылечишь… Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил*…

Бубнов. Во что-о?

Лука. В праведную землю. Должна, говорил, быть на свете праведная земля… в той, дескать, земле — особые люди населяют… хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке — завсяко-просто — помогают… и все у них славно-хорошо! И вот человек все собирался идти… праведную эту землю искать. Был он — бедный, жил — плохо… и когда приходилось ему так уж трудно, что хоть ложись да помирай, — духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: «Ничего! потерплю! Еще несколько — пожду… а потом — брошу всю эту жизнь и — уйду в праведную землю…» Одна у него радость была — земля эта…

Пепел. Ну? Пошел?

Бубнов. Куда? Хо-хо!

Лука. И вот в это место — в Сибири дело-то было — прислали ссыльного, ученого… с книгами, с

планами он, ученый-то, и со всякими штуками… Человек и говорит ученому: «Покажи ты мне, сделай милость — где лежит праведная земля и как туда дорога?» Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил… глядел-глядел — нет нигде праведной земли! Все верно, все земли показаны, а праведной — нет!..

Пепел (*негромко*). Ну? Нету?

Бубнов хохочет.

Наташа. Погоди ты… ну, дедушка?

Лука. Человек — не верит… Должна, говорит, быть… ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои — ни к чему, если праведной земли нет… Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! а по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «Ах ты… сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый…» Да в ухо ему — раз! Да еще!.. (*Помолчав.*) А после того пошел домой и — удавился!..

Все молчат. Лука, улыбаясь, смотрит на Пепла и Наташу.

Пепел (*негромко*). Ч-черт те возьми… история — невеселая…

Наташа. Не стерпел обмана...

Бубнов (*угрюмо*). Всё — сказки...

Пепел. Н-да... вот те и праведная земля... не оказалось, значит...

Наташа. Жалко... человека-то...

Бубнов. Всё — выдумки... тоже! Хо-хо! Праведная земля! Туда же! Хо-хо-хо! (*Исчезает из окна.*)

Лука (*кивая головой на окно Бубнова*). Смеется! Эхе-хе... (*Пауза.*) Ну, ребята!.. живите богато! Уйду скоро от вас...

Пепел. Куда теперь?

Лука. В хохлы... Слыхал я — открыли там новую веру... поглядеть надо... да!.. Всё ищут люди, всё хотят — как лучше... Дай им, Господи, терпенья!

Пепел. Как думаешь... найдут?

Лука. Люди-то? Они — найдут! Кто ищет — найдет... Кто крепко хочет — найдет!

Наташа. Кабы нашли что-нибудь... придумали бы получше что...

Лука. Они — придумают! Помогать только надо им, девонька... уважать надо...

Наташа. Как я помогу? Я сама... без помощи...

Пепел (*решительно*). Опять я... снова я буду говорить с тобой... Наташа... Вот — при нем... он — все знает... Иди... со мной!

Наташа. Куда? По тюрьмам?

Пепел. Я сказал — брошу воровство! Ей-богу — брошу! Коли сказал — сделаю! Я — грамотный… буду работать… Вот он говорит — в Сибирь-то по своей воле надо идти… Едем туда, ну?.. Ты думаешь — моя жизнь не претит мне? Эх, Наташа! Я знаю… вижу!.. Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут… только это мне не помогает! Это… не то! Я — не каюсь… в совесть я не верю… Но — я одно чувствую: надо жить… иначе! Лучше надо жить! Надо так жить… чтобы самому себя можно мне было уважать…

Лука. Верно, милый! Дай тебе Господи… помоги тебе Христос! Верно: человек должен уважать себя…

Пепел. Я — сызмалетства — вор… все всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! Ага? Так? Ну — нате! Вот — я вор!.. Ты пойми: я, может быть, со зла вор-то… оттого я вор, что другим именем никто никогда не догадался назвать меня… Назови ты… Наташа, ну?

Наташа (*грустно*). Не верю я как-то… никаким словам… И беспокойно мне сегодня… сердце щемит… будто жду я чего-то. Напрасно ты, Василий, разговор этот сегодня завел…

Пепел. Когда же? Я не первый раз говорю…

Наташа. И что же я с тобой пойду? Ведь… любить

тебя… не очень я люблю… Иной раз — нравишься ты мне… а когда — глядеть на тебя тошно… Видно — не люблю я тебя… когда любят — плохого в любимом не видят… а я — вижу…

Пепел. Полюбишь — не бойся! Я тебя приучу к себе… ты только согласись! Больше года я смотрел на тебя… вижу, ты девица строгая… хорошая… надежный человек… Очень полюбил тебя!..

Василиса, нарядная, является в окне и, стоя у косяка, слушает.

Наташа. Так. Меня — полюбил, а сестру мою…

Пепел (*смущенно*). Ну, что она? Мало ли… эдаких-то…

Лука. Ты… ничего, девушка! Хлеба нету, — лебеду едят… если хлебушка-то нету…

Пепел (*угрюмо*). Ты… пожалей меня! Несладко живу… волчья жизнь — мало радует… Как в трясине тону… за что ни схватишься… все — гнилое… все — не держит… Сестра твоя… я думал, она… не то… Ежели бы она… не жадная до денег была — я бы ее ради… на все пошел!.. Лишь бы она — вся моя была… Ну, ей другого надо… ей — денег надо… и воли надо… а воля ей — чтобы развратничать. Она — помочь мне не может… А ты — как молодая елочка — и колешься, а сдержишь…

Лука. И я скажу — иди за него, девонька, иди! Он — парень ничего, хороший! Ты только почаще напоминай ему, что он хороший парень, чтобы он, значит, не забывал про это! Он тебе — поверит… Ты только поговаривай ему: «Вася, мол, ты — хороший человек… не забывай!» Ты подумай, милая, куда тебе идти окроме-то? Сестра у тебя — зверь злой… про мужа про ее — и сказать нечего: хуже всяких слов старик… И вся эта здешняя жизнь… Куда тебе идти? А парень — крепкий…

Наташа. Идти некуда… я знаю… думала… Только вот… не верю я никому… А идти мне — некуда…

Пепел. Одна дорога… ну, на эту дорогу я не допущу… Лучше убью…

Наташа (*улыбаясь*). Вот… еще не жена я тебе, а уж хочешь убить.

Пепел (*обнимает ее*). Брось, Наташа! Все равно!..

Наташа (*прижимаясь к нему*). Ну… одно я тебе скажу, Василий… вот как перед Богом говорю! — как только ты меня первый раз ударишь… или иначе обидишь… я — себя не пожалею… или сама удавлюсь, или…

Пепел. Пускай у меня рука отсохнет, коли я тебя трону!..

Лука. Ничего, не сумневайся, милая! Ты ему нужнее, чем он — тебе…

Василиса (*из окна*). Вот и сосватались! Совет да любовь!

Наташа. Пришли!.. ох, Господи! Видели... эх, Василий!

Пепел. Чего ты испугалась? Теперь никто не смеет тронуть тебя!

Василиса. Не бойся, Наталья! Он тебя бить не станет... Он ни бить, ни любить не может... я знаю!

Лука (*негромко*). Ах, баба... гадюка ядовитая...

Василиса. Он больше на словах удал...

Костылев (*выходит*). Наташка! Ты что тут делаешь, дармоедка? Сплетни плетешь? На родных жалуешься? А самовар не готов? На стол не собрано?

Наташа (*уходя*). Да ведь вы в церковь идти хотели...

Костылев. Не твое дело, чего мы хотели! Ты должна свое дело делать... что тебе приказано!

Пепел. Цыц, ты! Она тебе больше не слуга... Наталья, не ходи... не делай ничего!..

Наташа. Ты — не командуй... рано еще! (*Уходит.*)

Пепел (*Костылеву*). Будет вам! Поиздевались над человеком... достаточно! Теперь она — моя!

Костылев. Тво-оя? Когда купил? Сколько дал?

Василиса хохочет.

Лука. Вася! Ты — уйди...

Пепел. Глядите вы… веселые! Не заплакать бы вам!

Василиса. Ой, страшно! Ой, боюсь!

Лука. Василий — уйди! Видишь — подстрекает она тебя… подзадоривает — понимаешь?

Пепел. Да… ага! Врет… врешь! Не быть тому, чего тебе хочется!

Василиса. И того не будет, чего я не захочу, Вася!

Пепел (*грозит ей кулаком*). Поглядим!.. (*Уходит.*)

Василиса (*исчезая из окна*). Устрою я тебе свадебку!

Костылев (*подходит к Луке*). Что, старичок?

Лука. Ничего, старичок!..

Костылев. Так… Уходишь, говорят?

Лука. Пора…

Костылев. Куда?

Лука. Куда глаза поведут…

Костылев. Бродяжить, значит… Неудобство, видно, имеешь на одном-то месте жить?

Лука. Под лежач камень — сказано — и вода не течет…

Костылев. То — камень. А человек должен на одном месте жить… Нельзя, чтобы люди вроде тараканов жили… Куда кто хочет — туда и ползет… Человек должен определять себя к месту… а не путаться зря на земле…

Лука. А если которому — везде место?

Костылев. Стало быть, он — бродяга... бесполезный человек... Нужно, чтобы от человека польза была... чтобы он работал...

Лука. Ишь ты!

Костылев. Да. А как же?.. Что такое... странник? Странный человек... непохожий на других... Ежели он — настояще странен... что-нибудь знает... что-нибудь узнал эдакое... не нужное никому... может, он и правду узнал там... ну, не всякая правда нужна... да! Он — про себя ее храни... и — молчи! Ежели он настояще-то... странен... он — молчит! А то — так говорит, что никому не понятно... И он — ничего не желает, ни во что не мешается, людей зря не мутит... Как люди живут — не его дело... Он должен преследовать праведную жизнь... должен жить в лесах... в трущобах... невидимо! И никому не мешать, никого не осуждать... а за всех — молиться... за все мирские грехи... за мои, за твои... за все! Он для того и суеты мирской бежит... чтобы молиться. Вот как... (*Пауза.*) А ты... какой ты странник?.. Пачпорта не имеешь... Хороший человек должен иметь пачпорт... Все хорошие люди пачпорта имеют... да!..

Лука. Есть — люди, а есть — иные — и челове-

ки…

Костылев. Ты… не мудри! Загадок не загадывай… Я тебя не глупее… Что такое — люди и человеки?

Лука. Где тут загадка? Я говорю — есть земля, неудобная для посева*… и есть урожайная земля… что ни посеешь на ней — родит… Так-то вот…

Костылев. Ну? Это к чему же?

Лука. Вот ты, примерно… Ежели тебе сам Господь Бог скажет: «Михайло! Будь человеком!..» Все равно — никакого толку не будет… как ты есть — так и останешься…

Костылев. А… а — ты знаешь? — у жены моей дядя — полицейский? И если я…

Василиса (*входит*). Михайла Иваныч, иди чай пить.

Костылев (*Луке*). Ты… вот что: пошел-ка вон! долой с квартиры!..

Василиса. Да, убирайся-ка, старик!.. Больно у тебя язычок длинен… Да и кто знает?.. может, ты беглый какой…

Костылев. Сегодня же чтобы духа твоего не было! А то я… смотри!

Лука. Дядю позовешь? Позови дядю… Беглого, мол, изловил… Награду дядя получить может… копейки три…

Бубнов (*в окне*). Чем тут торгуют? За что — три

копейки?

Лука. Меня вот грозятся продать…

Василиса (*мужу*). Идем…

Бубнов. За три копейки? Ну, гляди, старик… Они и за копейку продадут…

Костылев (*Бубнову*). Ты… вытаращился, ровно домовой из-под печки! (*Идет с женой.*)

Василиса. Сколько на свете темных людей… и жуликов разных!

Лука. Приятного вам аппетиту!..

Василиса (*оборачиваясь*). Попридержи язык… Гриб поганый! (*Уходит с мужем за угол.*)

Лука. Сегодня в ночь — уйду…

Бубнов. Это — лучше. Вовремя уйти всегда лучше…

Лука. Верно говоришь…

Бубнов. Я — знаю! Я, может, от каторги спасся тем, что вовремя ушел.

Лука. Ну?

Бубнов. Правда. Было так: жена у меня с мастером связалась… Мастер, положим, хороший… очень он ловко собак в енотов перекрашивал… кошек тоже — в кенгурий мех… выхухоль… и всяко. Ловкач. Так вот — связалась с ним жена… и так они крепко друг за друга взялись, что — того и гляди — либо отравят меня, либо еще как со

света сживут. Я было — жену бить… а мастер — меня… Очень злобно дрался! Раз — половину бороды выдрал у меня и ребро сломал. Ну и я тоже обозлился… однажды жену по башке железным аршином тяпнул… и вообще — большая война началась! Однако вижу — ничего эдак не выйдет… одолевают они меня! И задумал я тут — укокошить жену… крепко задумал! Но вовремя спохватился — ушел…

Лука. Эдак-то лучше! Пускай их там из собак енотов делают!..

Бубнов. Только… мастерская-то на жену была… и остался я — как видишь! Хоть, по правде говоря, пропил бы я мастерскую… Запой у меня, видишь ли…

Лука. Запой? А-а!

Бубнов. Злющий запой! Как начну я заливать — весь пропьюсь, одна кожа остается… И еще — ленив я. Страсть как работать не люблю!..

Сатин и Актер входят, споря.

Сатин. Чепуха! Никуда ты не пойдешь… все это чертовщина! Старик! Чего ты надул в уши этому огарку?

Актер. Врешь! Дед! Скажи ему, что он — врет! Я — иду! Я сегодня — работал, мел улицу… а водки

— не пил! Каково? Вот они — два пятиалтынных, а я — трезв!

Сатин. Нелепо, и все тут! Дай, я пропью… а то — проиграю…

Актер. Пошел прочь! Это — на дорогу!

Лука (*Сатину*). А ты — почто его с толку сбиваешь?

Сатин. «Скажи мне, кудесник, любимец богов*, — что сбудется в жизни со мною?» Продулся, брат, я — вдребезги! Еще не все пропало, дед, — есть на свете шулера поумнее меня!

Лука. Веселый ты, Костянтин… приятный!

Бубнов. Актер! Поди-ка сюда!

Актер идет к окну и садится пред ним на корточки. Вполголоса разговаривают.

Сатин. Я, брат, молодой — занятен был! Вспомнить хорошо!.. Рубаха-парень… плясал великолепно, играл на сцене, любил смешить людей… славно!

Лука. Как же это ты свихнулся со стези своей, а?

Сатин. Какой ты любопытный, старикашка! Все бы тебе знать… а — зачем?

Лука. Понять хочется дела-то человеческие… а на тебя гляжу — не понимаю! Эдакий ты бравый… Костянтин… неглупый… и вдруг…

Сатин. Тюрьма, дед! Я четыре года семь месяцев в тюрьме отсидел… а после тюрьмы — нет ходу!

Лука. Ого-го! За что сидел-то?

Сатин. За подлеца… убил подлеца в запальчивости и раздражении… В тюрьме я и в карты играть научился…

Лука. А убил — из-за бабы?

Сатин. Из-за родной сестры… Однако — ты отвяжись! Я не люблю, когда меня расспрашивают… И… все это было давно… Сестра — умерла… уже девять лет… прошло… Славная, брат, была человечинка сестра у меня!..

Лука. Легко ты жизнь переносишь! А вот давеча тут… слесарь — так взвыл… а-а-яй!

Сатин. Клещ?

Лука. Он. «Работы, кричит, нету… ничего нету!»

Сатин. Привыкнет… Чем бы мне заняться?

Лука (*тихо*). Гляди! Идет…

Клещ идет — медленно, низко опустив голову.

Сатин. Эй, вдовец! Чего нюхалку повесил? Что хочешь выдумать?

Клещ. Думаю… чего делать буду? Инструмента — нет… всё — похороны съели!

Сатин. Я тебе дам совет: ничего не делай! Просто — обременяй землю!..

Клещ. Ладно… говори… Я — стыд имею пред людьми…

Сатин. Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется… Подумай — ты не станешь работать, я — не стану… еще сотни… тысячи, все! — понимаешь? все бросают работать! Никто ничего не хочет делать — что тогда будет?

Клещ. С голоду подохнут все…

Лука (*Сатину*). Тебе бы с такими речами к бегунам идти…* Есть такие люди, бегуны называются…

Сатин. Я знаю… они — не дураки, дедка!

Из окна Костылевых доносится крик Наташи: «За что? Постой… за что-о?»

Лука (*беспокойно*). Наташа? Она кричит? а? Ах ты…

В квартире Костылевых — шум, возня, звон разбитой посуды и визгливый крик Костылева: «А-а… еретица… шкуреха…»

Василиса. Стой… погоди… Я ее… вот… вот…

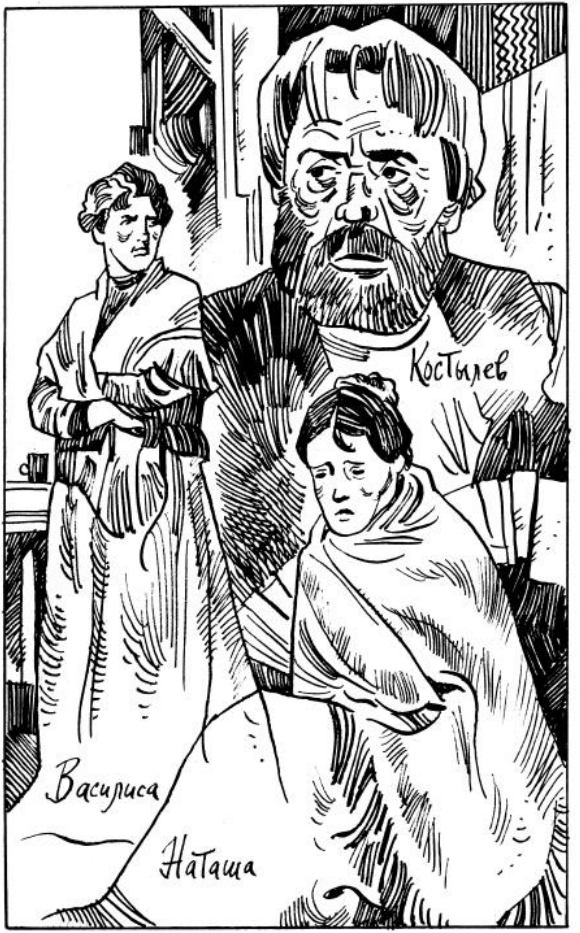
Наташа. Бьют! Убивают…

Сатин (*кричит в окно*). Эй, вы там!

Лука (*суетясь*). Василья бы… позвать бы Васюто… ах, Господи! Братцы… ребята…

Актер (*убегая*). Вот я… сейчас его…

Бубнов. Ну и часто они ее бить стали.
Сатин. Идем, старик… свидетелями будем!


Костылев
Василиса
Наташа

Лука (*идет вслед за Сатиным*). Какой я свидетель! Куда уж… Василья-то бы скорее… Э-эхма!..

Наташа. Сестра… сестрица… Ва-а-а…

Бубнов. Рот заткнули… пойду взгляну…

Шум в квартире Костылевых стихает, удаляясь, должно быть, в сени из комнаты. Слышен крик старика: «Стой!» Громко хлопает дверь, и этот звук, как топором, обрубает весь шум. На сцене — тихо. Вечерний сумрак.

Клещ (*безучастно сидит на дровнях, крепко потирает руки. Потом начинает что-то бормотать, сначала — невнятно, далее:*) Как же?.. Надо жить… (*Громко.*) Пристанище надо… ну? Нет пристанища… ничего нет! Один человек… один, весь тут… Помощи нет…

Медленно, согнувшись, уходит. Несколько секунд зловещей тишины. Потом — где-то в проходе рождается смутный шум, хаос звуков. Он растет, приближается. Слышны отдельные голоса.

Василиса. Я ей — сестра! Пусти…

Костылев. Какое ты имеешь право?

Василиса. Каторжник…

Сатин. Ваську зови!.. скорее… Зоб — бей его!

Полицейский свисток.

Татарин (*выбегает. Правая рука у него на перевязи*). Какой такой закон есть — днем убивать?

Кривой Зоб (*за ним Медведев*). Эх, и дал я ему разочек!

Медведев. Ты — как можешь драться?

Татарин. А ты? Твоя какая обязанность?

Медведев (*гонится за крючником*). Стой! Отдай свисток…

Костылев (*выбегает*). Абрам! Хватай… бери его! Убил…

Из-за угла выходят Квашня и Настя — они ведут под руки Наташу, растрепанную. Сатин пятится задом, отталкивая Василису, которая, размахивая руками, пытается ударить сестру. Около нее прыгает, как бесноватый, Алешка, свистит ей в уши, кричит, воет. Потом еще несколько оборванных фигур мужчин и женщин.

Сатин (*Василисе*). Куда? Сова, проклятая…

Василиса. Прочь, каторжник! Жизни решусь, а — растерзаю…

Квашня (*отводя Наташу*). А ты, Карповна, полно… постыдись! Что зверствуешь?

Медведев (*хватает Сатина*). Ага… попал!

Сатин. Зоб! Лупи их!.. Васька… Васька!

Все сталкиваются в кучу около прохода у

красной стены. Наташу уводят направо и там усаживают на куче дерева.

Пепел (*выскочив из проулка, он молча сильными движениями расталкивает всех*). Где — Наталья? Ты…

Костылев (*скрываясь за углом*). Абрам! Хватай Ваську… Братцы — помогите Ваську взять! Вора… грабителя…

Пепел. А, ты… блудня старая! (*Сильно размахнувшись, бьет старика. Костылев падает так, что из-за угла видна только верхняя половина его тела. Пепел бросается к Наташе.*)

Василиса. Бейте Ваську! Голубчики… бейте вора!

Медведев (*кричит Сатину*). Не можешь… тут — дело семейное! Они — родные… а ты кто?

Пепел. Как… чем она тебя? Ножом?

Квашня. Гляди-ко, звери какие! Кипятком ноги девке сварили…

Настя. Самовар опрокинули…

Татарин. Может — нечаянно… надо — верно знать… нельзя зря говорить…

Наташа (*почти в обмороке*). Василий… возьми меня… схорони меня…

Василиса. Батюшки! Глядите-ка… смотрите-ка… помер! Убили…

Все толпятся у прохода, около Костылева. Из толпы выходит Бубнов, идет к Василию.

Бубнов (*негромко*). Васька! Старик-то… того… готов!

Пепел (*смотрит на него, как бы не понимая*). Иди… зови… в больницу надо… ну, я рассчитаюсь с ними!

Бубнов. Я говорю — старика-то кто-то уложил…

Шум на сцене гаснет, как огонь костра, заливаемый водою. Раздаются отдельные возгласы вполголоса: «Неужто?», «Вот те раз!», «Ну-у?», «Уйдем-ка, брат!», «Ах, черт!», «Теперь — держись!», «Айда прочь, покуда полиции нет!». Толпа становится меньше. Уходят Бубнов, Татарин. Настя и Квашня бросаются к трупу Костылева.

Василиса (*поднимаясь с земли, кричит торжествующим голосом*). Убили! Мужа моего… вот кто убил! Васька убил! Я — видела! Голубчики — я видела! Что — Вася? Полиция!

Пепел (*отходит от Наташи*). Пусти… Прочь! (*Смотрит на старика. Василисе.*) Ну? рада? (*Трогает труп ногой.*) Околел… старый пес! По-твоему вышло… А… не прихлопнуть ли и тебя? (*Бросается на нее; Сатин и Кривой Зоб быстро хватают его. Василиса скрывается в проулке.*)

Сатин. Опомнись!

Кривой Зоб. Тпруу! Куда скачешь?

Василиса (*появляясь*). Что, Вася, мил друг? От судьбы — не уйдешь… Полиция! Абрам… свисти!

Медведев. Свисток сорвали, дьяволы…

Алешка. Вот он! (*Свистит. Медведев бежит за ним.*)

Сатин (*отводя Пепла к Наташе*). Васька — не трусь! Убийство в драке… пустяки! Это — недорого стоит…

Василиса. Держите Ваську! Он убил… я видела!

Сатин. Я тоже раза три ударил старика… Много ли ему надо! Зови меня в свидетели, Васька…

Пепел. Мне… оправдываться не надо… Мне — Василису надо подвести… я же ее подведу! Она этого хотела… Она меня подговаривала мужа убить… подговаривала!..

Наташа (*вдруг, громко*). А-а… я поняла!.. Так, Василий?! Добрые люди! Они — заодно! Сестра моя и — он… они заодно. Они всё это подстроили! Так, Василий?.. Ты… для того со мной давеча говорил… чтобы она все слышала? Люди добрые! Она — его любовница… вы — знаете… это — все знают… они — заодно! Она… это она его подговорила мужа убить… муж им мешал… и я — мешала… Вот — изувечили меня…

Пепел. Наталья! Что ты… что ты?!

Сатин. Вот так… черт!

Василиса. Врешь! Врет она… я… Он, Васька, убил!

Наташа. Они — заодно! Будь вы прокляты! Вы оба…

Сатин. Н-ну, игра!.. Держись, Василий! Утопят они тебя!..

Кривой Зоб. Понять невозможно!.. Ах ты… дела!

Пепел. Наталья! Неужто ты… вправду? Неужто веришь, что я… с ней…

Сатин. Ей-богу, Наташа, ты… сообрази!

Василиса (*в проулке*). Убили мужа моего… ваше благородие… Васька Пепел, вор… он убил… господин пристав! Я — видела… все видели…

Наташа (*мечется почти в беспамятстве*). Люди! добрые… сестра моя и Васька убили! Полиция — слушай… Вот эта, сестра моя, научила… уговорила… своего любовника… вот он, проклятый! — они убили! Берите их… судите… Возьмите и меня… в тюрьму меня! Христа ради… в тюрьму меня!..

Занавес

Акт четвертый

Обстановка первого акта. Но комнаты Пепла — нет, переборки сломаны. И на месте, где сидел Клещ, нет наковальни. В углу, где была комната Пепла, лежит Татарин, возится и стонет изредка. За столом сидит Клещ; он чинит гармонию, порою пробуя лады. На другом конце стола — Сатин, Барон и Настя. Пред ними бутылка водки, три бутылки пива, большой ломоть черного хлеба. На печи возится и кашляет Актер. Ночь. Сцена освещена лампой, стоящей посреди стола. На дворе — ветер.

Клещ. Д-да… он во время суматохи этой и пропал…

Барон. Исчез от полиции… яко дым от лица огня…

Сатин. Тако исчезают грешники от лица праведных!*

Настя. Хороший был старичок!.. А вы… не люди… вы — ржавчина!

Барон (*пьет*). За ваше здоровье, леди!

Сатин. Любопытный старикан… да! Вот Настёнка — влюбилась в него…

Настя. И влюбилась… и полюбила! Верно! Он — все видел… все понимал…

Сатин (*смеясь*). И вообще… для многих был… как мякиш для беззубых…

Барон (*смеясь*). Как пластырь для нарывов…

Клещ. Он… жалостливый был… У вас вот… жалости нет…

Сатин. Какая польза тебе, если я тебя пожалею?..

Клещ. Ты — можешь… не то что пожалеть можешь… ты умеешь не обижать…

Татарин (*садится на нарах и качает свою больную руку, как ребенка*). Старик хорош был… закон душе имел! Кто закон душа имеет — хорош! Кто закон терял — пропал!..

Барон. Какой закон, князь?

Татарин. Такой… Разный… Знаешь какой…

Барон. Дальше!

Татарин. Не обижай человека — вот закон!

Сатин. Это называется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»*…

Барон. И еще — «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»*…

Татарин. Коран называет… ваш Коран должна быть закон… Душа — должен быть Коран… да!

Клещ (*пробуя гармонию*). Шипит, дьявол!.. А князь верно говорит… надо жить — по закону…

по Евангелию…

Сатин. Живи…

Барон. Попробуй…

Татарин. Магомет дал Коран, сказал: «Вот — закон! Делай, как написано тут!» Потом придет время — Коран будет мало… время даст свой закон, новый… Всякое время дает свой закон…

Сатин. Ну да… пришло время и дало «Уложение о наказаниях»… Крепкий закон… не скоро износишь!

Настя (*ударяет стаканом по столу*). И чего… зачем я живу здесь… с вами? Уйду… пойду куда-нибудь… на край света!

Барон. Без башмаков, леди?

Настя. Голая! На четвереньках поползу!

Барон. Это будет картинно, леди… если на четвереньках…

Настя. Да, и поползу! Только бы мне не видеть твоей рожи… Ах, опротивело мне все! Вся жизнь… все люди!..

Сатин. Пойдешь, — так захвати с собой Актера… Он туда же собирается… ему известно стало, что всего в полуверсте от края света стоит лечебница для органонов…

Актер (*высовываясь с печи*). Орга-ни-змо-в, дурак!

Сатин. Для органонов, отравленных алкоголем…

Актер. Да! Он — уйдет! Он уйдет… увидите!

Барон. Кто — он, сэр?

Актер. Я!

Барон. Mercі, служитель богини… как ее? Богиня драм, трагедии… как ее звали?

Актер. Муза, болван! Не богиня, а — муза!

Сатин. Лахеза*… Гера… Афродита… Атропа*… черт их разберет! Это все старик… навинтил Актера… понимаешь, Барон?

Барон. Старик — глуп…

Актер. Невежды! Дикари! Мель-по-ме-на! Люди без сердца! Вы увидите — он уйдет! «Обжирайтесь, мрачные умы»*… стихотворение Беранжера… да! Он — найдет себе место… где нет… нет…

Барон. Ничего нет, сэр?

Актер. Да! Ничего! «Яма эта… будет мне могилой…* умираю, немощный и хилый!» Зачем вы живете? Зачем?

Барон. Ты! Кин, или гений и беспутство!* Не ори!

Актер. Врешь! Буду орать!

Настя (*поднимая голову со стола, взмахивает руками*). Кричи! Пусть слушают!

Барон. Какой смысл, леди?

Сатин. Оставь их, Барон! К черту!.. Пускай кричат… разбивают себе головы… пускай! Смысл тут есть!.. Не мешай человеку, как говорил ста-

рик… Да, это он, старая дрожжа, проквасил нам сожителей…

Клещ. Поманил их куда-то… а сам — дорогу не сказал…

Барон. Старик — шарлатан…

Настя. Врешь! Ты сам — шарлатан!

Барон. Цыц, леди!

Клещ. Правды он… не любил, старик-то… Очень против правды восставал… так и надо! Верно — какая тут правда? И без нее — дышать нечем… Вон князь… руку-то раздавил на работе… отпилить напрочь руку-то придется, слышь… вот те и правда!

Сатин
Барон
Настя

Сатин (*ударяя кулаком по столу*). Молчать! Вы — все — скоты! Дубье… молчать о старике! (*Спокойнее.*) Ты, Барон, — всех хуже!.. Ты — ничего не понимаешь… и — врешь! Старик — не шарлатан! Что такое — правда? Человек — вот правда. Он это понимал… вы — нет! Вы — тупы, как кирпичи… Я — понимаю старика… да! Он врал… но — это из жалости к вам, черт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему… я — знаю! я — читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут… Есть ложь утешительная, ложь примиряющая… Ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего… и обвиняет умирающих с голода… Я — знаю ложь! Кто слаб душой… и кто живет чужими соками — тем ложь нужна… одних она поддерживает, другие — прикрываются ею… А кто — сам себе хозяин… кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев… Правда — бог свободного человека!

Барон. Браво! Прекрасно сказано! Я — согласен! Ты говоришь… как порядочный человек!

Сатин. Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди… говорят, как шулера? Да… я много позабыл, но — еще кое-что знаю! Старик? Он — умница!.. Он… подействовал

на меня, как кислота на старую и грязную монету… Выпьем, за его здоровье! Наливай…

Настя наливает стакан пива и дает Сатину.

Сатин (*усмехаясь*). Старик живет из себя… он на все смотрит своими глазами. Однажды я спросил его: «Дед! зачем живут люди?..» (*Стараясь говорить голосом Луки и подражая его манерам.*) «А — для лучшего люди-то живут, милачок! Вот, скажем, живут столяры и всё — хлам-народ… И вот от них рождается столяр… такой столяр, какого подобного и не видала земля, — всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает… и сразу дело на двадцать лет вперед двигает… Так же и все другие… слесаря, там… сапожники и прочие рабочие люди… и все крестьяне… и даже господа — для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, ан выходит, что для лучшего! По сту лет… а может, и больше — для лучшего человека живут!»

Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клещ перестает работать над гармонией и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьет пальцами по столу. Актер, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары.

Сатин. «Все, милачок, все, как есть, для лучшего

живут! Потому-то всякого человека и уважать надо… неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может… может, он родился-то на счастье нам… для большой нам пользы?.. Особливо же деток надо уважать… ребятишек! Ребятишкам — простор надобен! Деткам-то жить не мешайте… Деток уважьте!» (*Смеется тихо.*)

Пауза.

Барон (*задумчиво*). Мм-да… для лучшего? Это… напоминает наше семейство… Старая фамилия… времен Екатерины… дворяне… вояки!.. выходцы из Франции… Служили, поднимались всё выше… При Николае Первом дед мой, Густав Дебиль… занимал высокий пост… Богатство… сотни крепостных… лошади… повара…

Настя. Врешь! Не было этого!

Барон (*вскакивая*). Что-о? Н-ну… дальше?!

Настя. Не было этого!

Барон (*кричит*). Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты… кареты с гербами!

Клещ берет гармонию, встает и отходит в сторону, откуда наблюдает за сценой.

Настя. Не было!

Барон. Цыц! Я говорю… десятки лакеев!..

Настя (*с наслаждением*). Н-не было!

Барон. Убью!

Настя (*приготовляясь бежать*). Не было карет!

Сатин. Брось, Настёнка! Не зли его…

Барон. Подожди… ты, дрянь! Дед мой…

Настя. Не было деда! Ничего не было!

Сатин хохочет.

Барон (*усталый от гнева, садится на скамью*). Сатин, скажи ей… шлюхе… Ты — тоже смеешься? Ты… тоже — не веришь? (*Кричит с отчаяньем, ударяя кулаками по столу.*) Было, черт вас возьми!

Настя (*торжествуя*). А-а, взвыл? Понял, каково человеку, когда ему не верят?

Клещ (*возвращаясь к столу*). Я думал — драка будет…

Татарин. А-ах, глупы люди! Очень плохо!

Барон. Я… не могу позволить издеваться надо мной! У меня — доказательства есть… документы, дьявол!

Сатин. Брось их! И забудь о каретах дедушки… в карете прошлого — никуда не уедешь…

Барон. Как она смеет, однако!

Настя. Ска-ажите! Как смею!..

Сатин. Видишь — смеет! Чем она хуже тебя? Хотя у нее в прошлом, уж наверное, не было не только

карет и — дедушки, а даже отца с матерью...

Барон (*успокаиваясь*). Черт тебя возьми... ты... умеешь рассуждать спокойно... А у меня... кажется, нет характера...

Сатин. Заведи. Вещь — полезная... (*Пауза.*) Настя! Ты ходишь в больницу?

Настя. Зачем?

Сатин. К Наташе?

Настя. Хватился! Она — давно вышла... вышла и — пропала! Нигде ее нет...

Сатин. Значит — вся вышла...

Клещ. Интересно — кто кого крепче всадит? Васька — Василису или она его?

Настя. Василиса — вывернется! Она — хитрая. А Ваську — в каторгу пошлют...

Сатин. За убийство в драке — только тюрьма...

Настя. Жаль. В каторгу — лучше бы... Всех бы вас... в каторгу... смести бы вас, как сор... куда-нибудь в яму!

Сатин (*удивленно*). Что ты? Сбесилась?

Барон. Вот я ей в ухо дам... за дерзости!

Настя. Попробуй! Тронь!

Барон. Я — попробую!

Сатин. Брось! Не тронь... не обижай человека! У меня из головы вон не идет... этот старик! (*Хохочет.*) Не обижай человека!.. А если меня однажды

обидели и — на всю жизнь сразу! Как быть? Простить? Ничего. Никому…

Барон (*Насте*). Ты должна понимать, что я — не чета тебе! Ты… мразь!

Настя. Ах ты, несчастный! Ведь ты… ты мной живешь, как червь — яблоком!

Дружный взрыв хохота мужчин.

Клещ. Ах… дура! Яблочко!

Барон. Нельзя… сердиться… вот идиотка!

Настя. Смеетесь? Врете! Вам — не смешно!

Актер (*мрачно*). Катай их!

Настя. Кабы я… могла! я бы вас (*берет со стола чашку и бросает на пол*) — вот как!

Татарин. Зачем посуда бить? Э-э… болванка!..

Барон (*вставая*). Нет, я ее сейчас… научу манерам!

Настя (*убегая*). Черт вас возьми!

Сатин (*вслед ей*). Эй! Полно! Кого ты пугаешь? В чем дело, наконец?

Настя. Волки! (*Убегает.*) Чтоб вам издохнуть! Волки!

Актер (*мрачно*). Аминь!

Татарин. У-у! Злой баба — русский баба! Дерзкий… вольна! Татарка — нет! Татарка — закон знает!

Клещ. Трепку ей надо дать…

Барон. М-мерзавка!

Клещ (*пробуя гармонию*). Готова! А хозяина ее — все нет… Горит парнишка…

Сатин. Теперь — выпей!

Клещ. Спасибо! Да и на боковую пора…

Сатин. Привыкаешь к нам?

Клещ (*выпив, отходит в угол к нарам*). Ничего… Везде — люди… Сначала — не видишь этого… потом — поглядишь, окажется, все люди… ничего!

Татарин расстилает что-то на нарах, становится на колени и — молится.

Барон (*указывая Сатину на Татарина*). Гляди!

Сатин. Оставь! Он — хороший парень… не мешай! (*Хохочет.*) Я сегодня — добрый… черт знает почему!..

Барон. Ты всегда добрый, когда выпьешь… И умный…

Сатин. Когда я пьян… мне все нравится. Н-да… Он — молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить… это его дело! Человек — свободен… он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они… нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет… в одном!

(*Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.*) Понимаешь? Это — огромно! В этом — все начала и концы… Всё — в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга! Человек! Это — великолепно! Это звучит… гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть… не унижать его жалостью… уважать надо! Выпьем за человека, Барон! (*Встает.*) Хорошо это… чувствовать себя человеком!.. Я — арестант, убийца, шулер… ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня, как на жулика… и сторонятся, и оглядываются… и часто говорят мне — «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (*Хохочет.*) Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми… Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!..

Барон (*качая головой*). Ты — рассуждаешь… Это — хорошо… это, должно быть, греет сердце… У меня — нет этого… я — не умею! (*Оглядывается и — тихо, осторожно.*) Я, брат, боюсь… иногда. Понимаешь? Трушу… Потому — что же дальше?

Сатин (*ходит*). Пустяки! Кого бояться человеку?

Барон. Знаешь… с той поры, как я помню себя… у меня в башке стоит какой-то туман. Никогда и

ничего не понимал я. Мне… как-то неловко… мне кажется, что я всю жизнь только переодевался… а зачем? Не понимаю! Учился — носил мундир дворянского института… а чему учился? Не помню… Женился — одел фрак, потом — халат… а жену взял скверную и — зачем? Не понимаю… Прожил все, что было, — носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки… а как разорился? Не заметил… Служил в казенной палате… мундир, фуражка с кокардой… растратил казенные деньги, — надели на меня арестантский халат… потом — одел вот это… И всё… как во сне… а? Это… смешно?

Сатин. Не очень… Скорее — глупо…

Барон. Да… и я думаю, что глупо… А… ведь зачем-нибудь я родился… а?

Сатин (*смеясь*). Вероятно… Человек рождается для лучшего! (*Кивая головой.*) Так… хорошо!

Барон. Эта… Настька!.. Убежала… куда? Пойду, посмотрю… где она? Все-таки… она… (*Уходит. Пауза.*)

Актер. Татарин! (*Пауза.*) Князь!

Татарин поворачивает голову.

Актер. За меня… помолись…

Татарин. Чего?

Актер (*тише*). Помолись… за меня!..

Татарин (*помолчав*). Сам молись…

Актер (*быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьет и почти бежит — в сени*). Ушел!

Сатин. Эй ты, сикамбр! Куда? (*Свистит.*)

Входят — Медведев в женской ватной кофте и Бубнов; оба — выпивши, но не очень. В одной руке Бубнова — связка кренделей, в другой — несколько штук воблы, под мышкой — бутылка водки, в кармане пиджака — другая.

Медведев. Верблюд — он вроде… осла! Только без ушей…

Бубнов. Брось! Ты сам — вроде осла.

Медведев. Ушей вовсе нет у верблюда… он — ноздрей слышит…

Бубнов (*Сатину*). Друг! Я тебя искал по всем трактирам-кабакам! Возьми бутылку, у меня все руки заняты!

Сатин. А ты — положи кренделя на стол — одна рука освободится…

Бубнов. Верно! Ах ты… Бутарь, гляди! Вот он, а? Умница!

Медведев. Жулики — все умные… я знаю! Им без ума — невозможно. Хороший человек, он — и глупый хорош, а плохой — обязательно должен иметь ум. Но насчет верблюда ты — неверно…

он — животная ездовая… рогов у него нет… и зубов нет…

Бубнов. Где — народ? Отчего здесь людей нет? Эй, вылезай… я — угощаю! Кто в углу?

Сатин. Скоро ты пропьешься? Чучело!

Бубнов. Я — скоро! В этот раз капитал я накопил — коротенький… Зоб! Где Зоб?

Клещ (*подходя к столу*). Нет его…

Медведев
Алешка
Лука

Бубнов. У-у-ррр! Барбос! Бррю, брлю, брлю! Индюк! Не лай, не ворчи! Пей, гуляй, нос не вешай… Я — всех угощаю! Я, брат, угощать люблю! Кабы я был богатый… я бы… бесплатный трактир устроил! Ей-богу! С музыкой и чтобы хор певцов… Приходи, пей, ешь, слушай песни… отводи душу! Бедняк-человек… айда ко мне в бесплатный трактир! Сатин! Я бы… тебя бы… бери половину всех моих капиталов! Вот как!

Сатин. Ты мне сейчас отдай всё…

Бубнов. Весь капитал? Сейчас? На! Вот — рубль… вот еще… двугривенный… пятаки… семишники… всё!

Сатин. Ну и ладно! У меня — целее будет… Сыграю я на них…

Медведев. Я — свидетель… отданы деньги на сохранение… числом — сколько?

Бубнов. Ты? Ты — верблюд… Нам свидетелей не надо…

Алешка (*входит, босый*). Братцы! Я ноги промочил!

Бубнов. Иди — промочи горло… Только и всего! Милый ты… поёшь ты и играешь… очень это хорошо! А — пьешь — напрасно! Это, брат, вредно… пить — вредно!..

Алешка. По тебе вижу! Ты — только пьяный и по-

хож на человека… Клещ! Гармошку — починил? (*Поет, приплясывая.*)

Эх, кабы мое рыло
Не красиво было,
Так меня бы кума моя
Вовсе не любила!

Озяб я, братцы! Х-холодно!

Медведев. М-м… а если спросить — кто такая кума?

Бубнов. Отстань! Ты, брат, теперь — тю-тю! Ты уж не бутошник… кончено! И не бутошник, и не дядя…

Алешка. А просто — теткин муж!

Бубнов. Одна твоя племянница — в тюрьме, другая — помирает…

Медведев (*гордо*). Врешь! Она — не помирает: она у меня без вести пропала!

Сатин хохочет.

Бубнов. Все равно, брат! Человек без племянниц — не дядя!

Алешка. Ваше превосходительство! Отставной козы барабанщик!

У кумы – есть деньги,
У меня – ни гроша!

Зато я веселый мальчик,

Зато я – хороший!

Холодно!

Входит Кривой Зоб; потом — до конца акта — еще несколько фигур мужчин и женщин. Они раздеваются, укладываются на нары, ворчат.

Кривой Зоб. Бубнов! Ты чего сбежал?

Бубнов. Иди сюда! Садись… Запоем мы, брат! Любимую мою… а?

Татарин. Ночь — спать надо! Песня петь днем надо!

Сатин. Ну, ничего, князь! Ты — иди сюда!

Татарин. Как — ничего? Шум будет… когда песня поют, шум бывает…

Бубнов (*идя к нему*). Князь! Что — рука? Отрезали тебе руку?

Татарин. Зачем? Погодим… может — не надо резать… Рука — не железный, резать — недолго…

Кривой Зоб. Яман* твое дело, Асанка! Без руки ты — никуда не годишься! Наш брат по рукам да по спине ценится… Нет руки — и человека нет! Табак твое дело!.. Иди водку пить… больше никаких!

Квашня (*входит*). Ах, жители вы мои милые! На дворе-то, на дворе-то! Холод, слякоть… Бутошник

мой здесь? Бутарь!

Медведев. Я!

Квашня. Опять мою кофту таскаешь? И как будто ты… немножко того, а? Ты что же это?

Медведев. По случаю именин… Бубнов… и — холодно… слякоть!

Квашня. Ты гляди у меня… слякоть! Не балуй… Иди-ка спать…

Медведев (*уходит в кухню*). Спать — я могу… я хочу… пора!

Сатин. Ты чего… больно строга с ним?

Квашня. Нельзя, дружок, иначе. Подобного мужчину надо в строгости держать. Я его в сожители взяла, — думала, польза мне от него будет… как он — человек военный, а вы — люди буйные… мое же дело — бабье… А он — пить! Это мне ни к чему!

Сатин. Плохо ты выбрала помощника…

Квашня. Нет — лучше-то… Ты со мной жить не захочешь… ты вон какой! А и станешь жить со мной — не больше недели сроку… проиграешь меня в карты со всей моей требухой!

Сатин (*хохочет*). Это верно, хозяйка! Проиграю…

Квашня. То-то! Алешка!

Алешка. Вот он — я!

Квашня. Ты — что про меня болтаешь?

Алешка. Я? Всё! Всё, по совести. Вот, говорю, баба! Удивительная! Мяса, жиру, кости — десять пудов, а мозгу — золотника нету!

Квашня. Ну, это ты врешь! Мозг у меня даже очень есть… Нет, ты зачем говоришь, что я бутошника моего бью?

Алешка. Я думал, ты его била, когда за волосы таскала…

Квашня (*смеясь*). Дурак! А ты — будто не видишь. Зачем сор из избы выносить?.. И, опять же, обидно ему… Он от твоего разговору пить начал…

Алешка. Стало быть, правду говорят, что и курица пьет!

Сатин, Клещ — хохочут.

Квашня. У, зубоскал! И что ты за человек, Алешка?

Алешка. Самый первый сорт человек! На все руки! Куда глаз мой глянет, туда меня и тянет!

Бубнов (*около нар Татарина*). Идем! Все равно — спать не дадим! Петь будем… всю ночь! Зоб!

Кривой Зоб. Петь? Можно…

Алешка. А я — подыграю!

Сатин. Послушаем!

Татарин (*улыбаясь*). Ну, шайтан Бубна… подноси вина! Пить будим, гулять будим, смерть пришол

— помирать будим!*

Бубнов. Наливай ему, Сатин! Зоб, садись! Эх, братцы! Много ли человеку надо? Вот я — выпил и — рад! Зоб!.. Затягивай… любимую! Запою… заплачу!..

Кривой Зоб (*запевает*).

Соолнце всходит и захо-оди-ит…

Бубнов (*подхватывая*).

А-а в тюрьме моей темно-о!

Дверь быстро отворяется.

Барон (*стоя на пороге, кричит*). Эй… вы! Иди… идите сюда! На пустыре… там… Актер… удавился!

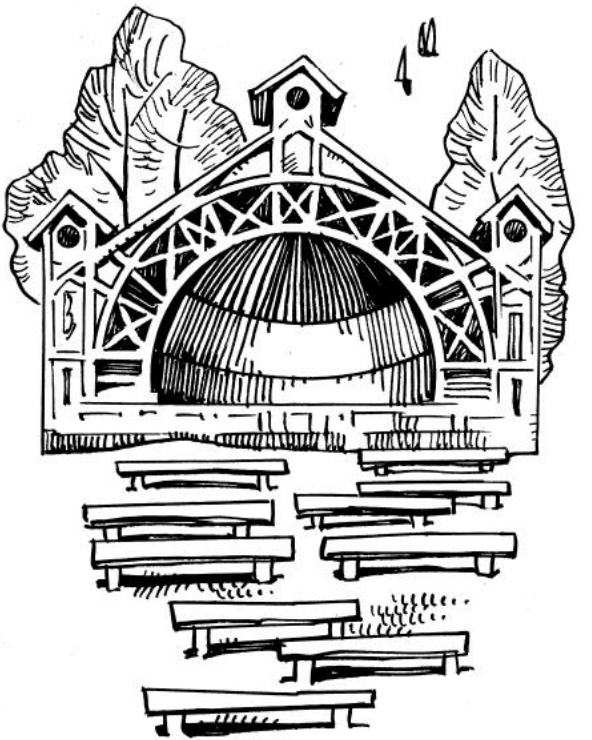
Молчание. Все смотрят на Барона. Из-за его спины появляется Настя и медленно, широко раскрыв глаза, идет к столу.

Сатин (*негромко*). Эх… испортил песню… дурак!

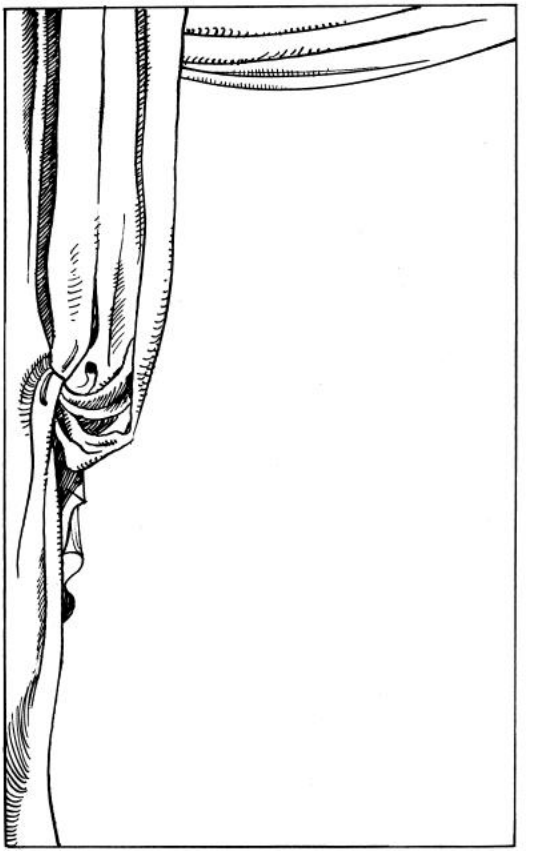
Занавес

На дне

Картины. Четыре акта



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА



Басов, Сергей Васильевич,

адвокат, под 40 лет.
Варвара Михайловна, его жена,
27 лет.
Калерия, сестра Басова, 29 лет.
Влас, брат жены Басова, 25 лет.
Суслов, Петр Иванович, инженер,
42 года.
Юлия Филипповна, его жена, 30 лет.
Дудаков, Кирилл Акимович,
доктор, 40 лет.
Ольга Алексеевна, его жена, 35 лет.
Шалимов, Яков Петрович,
литератор, лет 40.
Рюмин, Павел Сергеевич, 32 года.
Марья Львовна, врач, 37 лет.
Соня, дочь ее, 18 лет.
Двоеточие, Семен Семенович,
дядя Суслова, 55 лет.
Замыслов, Николай Петрович,
помощник Басова, 28 лет.
Зимин, студент, 23 года.
Пустобайка, дачный сторож, 50 лет.
Кропилкин, сторож.
Саша, горничная Басовых.
Женщина с подвязанной щекой } любители драматического искусства.

Господин Семенов } любители драматического искусства.

Дама в желтом платье } любители драматического искусства.

Молодой человек в клетчатом костюме } любители драматического искусства.

Барышня в голубом } любители драматического искусства.

Барышня в розовом } любители драматического искусства.

Юнкер } любители драматического искусства.

Господин в цилиндре } любители драматического искусства.

Действие первое

Дача Басовых. Большая комната, одновременно столовая и гостиная. В задней стене налево открытая дверь в кабинет Басова, направо дверь в комнату его жены. Эти комнаты разделены коридором, вход в него завешен темной портьерой. В правой стене окно и широкая дверь на террасу, в левой два окна. Посреди комнаты большой обеденный стол, против двери в кабинет рояль. Мебель плетеная, дачная, только около входа в коридор широкий диван, покрытый серым чехлом. Вечер. Басов сидит за столом в кабинете, перед ним рабочая лампа под зеленым абажуром. Он пишет, сидя боком к двери, поворачивает голову, присматривается к чему-то в полутьме большой комнаты и порой тихо напевает. Варвара Михайловна бесшумно выходит из своей комнаты, зажигает спичку, держит ее перед лицом, осматривается. Огонь гаснет. В темноте, тихо подвигаясь к окну, она задевает стул.

Басов. Это кто?

Варвара Михайловна. Я.

Басов. А...

Варвара Михайловна. Ты взял свечу?

Басов. Нет.

Варвара Михайловна. Позвони Сашу.

Басов. Влас приехал?

Варвара Михайловна (*у двери на террасу*). Не знаю…

Басов. Глупая дача. Устроены электрические звонки, а везде щели… пол скрипит… (*Напевает что-то веселое.*) Варя, ты ушла?

Варвара Михайловна. Я здесь…

Басов (*собирает бумаги, укладывает их*). У тебя в комнате дует?

Варвара Михайловна. Дует…

Басов. Вот видишь!

Саша входит.

Варвара Михайловна. Дайте огня, Саша.

Басов. Саша, Влас Михайлович приехал?

Саша. Нет еще.

Саша выходит, возвращается с лампой, ставит ее на стол около кресла. Вытирает пепельницу, на обеденном столе поправляет скатерть. Варвара Михайловна спускает штору, берет с полки книгу, садится в кресло.

Басов (*добродушно*). Он стал неаккуратен, этот Влас… и ленив… Последнее время он вообще ведет себя… нелепо как-то. Это — факт.

Варвара Михайловна. Ты хочешь чаю?

Басов. Нет, я уйду к Сусловым.

Варвара Михайловна. Саша, сходите к Ольге Алексеевне… узнайте, не придет ли она пить чай ко мне…

Саша уходит.

Басов (*запирая бумаги в столе*). Ну, вот и кончено! (*Выходит из кабинета, расправляя спину.*) Ты, Варя, сказала бы ему, разумеется, в мягкой форме…

Варвара Михайловна. Что сказать?

Басов. Ну, чтоб он более… внимательно относился к своим обязанностям… а?

Варвара Михайловна. Я скажу. Только, мне кажется, ты напрасно говоришь о нем… в этом тоне при Саше…

Басов (*осматривает комнату*). Это — пустяки! От прислуги все равно ничего не скроешь… Как у нас пусто! Надо бы, Варя, прикрыть чем-нибудь эти голые стены… Какие-нибудь рамки… картинки… а то, посмотри, как неуютно!.. Ну, я пойду. Дай мне лапку… Какая ты холодная со мной, неразговорчивая… отчего, а? И лицо у тебя такое скучное, отчего? Скажи!

Варвара Михайловна. Ты очень торопишься к Сусло-

ву?

Басов. Да, надо идти. Давно я с ним не играл в шахматы… и давно не целовал твою лапку… почему? Вот странно!

Варвара Михайловна (*скрывая улыбку*). Так мы отложим беседу о моем настроении до поры… когда у тебя будет более свободное время… Ведь это не важно?

Басов (*успокоительно*). Ну, конечно! Ведь это я так… что может быть? Ты милая женщина… умная, искренняя… и прочее. Если бы ты имела что-нибудь против меня — ты сказала бы… А отчего у тебя так блестят глазки?.. Нездоровится?

Варвара Михайловна. Нет, я здорова.

Басов. Знаешь… надо бы тебе чем-нибудь заняться, дорогая моя Варя! Ты вот все читаешь… очень много читаешь!.. А ведь всякое излишество вредно, это — факт!

Варвара Михайловна. Не забудь об этом факте, когда будешь пить красное вино у Суслова…

Басов (*смеясь*). Это ты зло сказала! Но, знаешь, все эти модные, пряные книжки вреднее вина, право! В них есть что-то наркотическое… И сочиняют их какие-то нервнорастерзанные господа. (*Зевает.*) Вот скоро явится к нам «всамделишный», как дети говорят, писатель… Интересно, каков он

стал… вероятно, зазнался немножко… Все эти публичные люди болезненно честолюбивы… вообще, ненормальный народ! Вот и Калерия ненормальна, хотя — какая она писательница, строго говоря? Она будет рада видеть Шалимова. Вот бы ей выйти замуж за него, право! Стара она… Н-да! старовата… и ноет всегда, точно у нее хронически зубы болят… и не очень похожа на красавицу…

Варвара Михайловна. Как ты много говоришь лишнего, Сергей!

Басов. Разве? Ну, ничего, ведь мы с тобой одни… Да, люблю я поболтать… (*За портьерой слышен сухой кашель.*) Кто это?

Суслов (*за портьерой*). Я.

Басов (*идет к нему навстречу*). А я собирался к тебе!

Суслов (*молча здоровается с Варварой Михайловной*). Идем. Я пришел за тобой… Ты в городе сегодня не был?

Басов. Нет. А что?

Суслов (*криво усмехаясь*). Говорят, твой помощник выиграл в клубе две тысячи рублей…

Басов. Ого!

Суслов. У какого-то сильно пьяного купца…

Варвара Михайловна. Как вы всегда говорите…

Суслов. Как?

Варвара Михайловна. Да вот... выиграл деньги — и подчеркиваете — у пьяного.

Суслов (*усмехаясь*). Я не подчеркиваю.

Басов. Что ж тут особенного? Вот если бы он сказал, что Замыслов напоил купца и обыграл его — это действительно скверный жанр!.. Идем, Петр... Варя, когда придет Влас... Ага! вот он... явился!

Влас (*входит, в руках его старый портфель*). Вы скучали без меня, мой патрон? Приятно знать это! (*Суслову, дурачливо, как бы с угрозой*). Вас ищет какой-то человек, очевидно только что приехавший. Он ходит по дачам пешком и очень громко спрашивает у всех — где вы живете... (*Идет к сестре.*) Здравствуй, Варя.

Басов
Калерия
Варвара Михайловна

Варвара Михайловна. Здравствуй.

Суслов. Черт возьми! Вероятно, это мой дядя...

Басов. Значит, неудобно идти к тебе?

Суслов. Ну, вот еще! Ты думаешь, мне будет приятно с дядей, которого я почти не знаю? Я не видал его лет десять.

Басов (*Власу*). Пожалуйте ко мне... (*Уводит Власа в кабинет.*)

Суслов (*закуривая*). Вы не хотите пойти к нам, Варвара Михайловна?

Варвара Михайловна. Нет... Ваш дядя — бедный?..

Суслов. Богатый. Очень. Вы думаете, я только бедных родственников не люблю?

Варвара Михайловна. Не знаю...

Суслов (*желчно покашливая*). А этот ваш Замыслов в один подлый день скомпрометирует Сергея, вы увидите! Он — прохвост! Не согласны?

Варвара Михайловна (*спокойно*). Я не хочу говорить с вами о нем.

Суслов. Ну, что ж... Быть по сему. (*Помолчав.*) А вот вы — немножко рисуетесь вашей прямотой... Смотрите, роль прямого человека — трудная роль... чтобы играть ее только недурно, нужно иметь много характера, смелости, ума... Вы не обижаетесь?

Варвара Михайловна. Нет.

Суслов. И не хотите спорить? Или вы в душе согласны с моими словами?

Варвара Михайловна (*просто*). Я не умею спорить… не умею говорить…

Суслов (*угрюмо*). Не обижайтесь на меня. Мне трудно допустить существование человека, который смеет быть самим собой.

Саша (*входит*). Ольга Алексеевна сказали, что они сейчас придут. Готовить чай?

Варвара Михайловна. Да, пожалуйста.

Саша. Николай Петрович идут к нам. (*Уходит.*)

Суслов (*подходя к двери кабинета*). Сергей, ты скоро?.. Я ухожу…

Басов. Сейчас, сию минуту!

Замыслов (*входит*). Мой привет, патронесса! Здравствуйте, Петр Иванович.

Суслов (*покашливая*). Мое почтение. Каким вы… мотыльком.

Замыслов. Легкий человек! Легко на сердце и в кармане, и в голове легко!

Суслов (*грубовато, с иронией*). По поводу головы и сердца не буду спорить, а вот о кармане — говорят, вы обыграли кого-то в клубе…

Замыслов (*мягко*). Обо мне следует сказать: выиграл. Обыграл — это говорят о шулере.

Варвара Михайловна. Про вас всегда слышишь что-

нибудь сенсационное. Говорят, это участь недюжинных людей.

Замыслов. По крайней мере, сам я, слушая сплетни обо мне, постепенно убеждаюсь в своей недюжинности… А выиграл я, к сожалению, немного — сорок два рубля…

Суслов, сухо кашляя, отходит налево и смотрит в окно.

Басов (*выходя*). Только! Я уж мечтал о шампанском… Ну-с, вы имеете что-нибудь сообщить мне? Я тороплюсь…

Замыслов. Вы уходите? Так я после, это не спешно. Варвара Михайловна, как жаль, что вы не были на спектакле! Юлия Филипповна восхитительно играла… чудесно!..

Варвара Михайловна. Мне вообще нравится, как она играет.

Замыслов (*с увлечением*). Она — талант! Отрежьте мне голову, если я ошибаюсь!

Суслов (*усмехаясь*). А вдруг придется отрезать? Совсем без головы — неудобно… Ну, идем, Сергей!.. До свиданья, Варвара Михайловна. Честь имею… (*Кланяется Замыслову.*)

Басов (*заглядывая в кабинет, где Влас разбирает бумаги*). Так завтра к девяти утра вы все это пере-

пишете, — могу надеяться?

Влас. Надейтесь... И да посетит вас бессонница, уважаемый патрон...

Суслов и Басов уходят.

Замыслов. И я пойду... Вашу ручку, патронесса.

Варвара Михайловна. Оставайтесь пить чай!

Замыслов. Если позволите, я приду потом. А сейчас — не могу! (*Быстро уходит.*)

Влас (*являясь из кабинета*). Варя! В этом доме будут пить чай?

Варвара Михайловна. Позови Сашу. (*Кладет ему руки на плечи.*) Отчего ты такой измученный?

Влас (*трется щекой об ее руку*). Устал. С десяти до трех сидел в суде... С трех до семи бегал по городу... Шурочка!.. И не успел пообедать.

Варвара Михайловна. Письмоводитель... Это — ниже тебя, Влас!

Влас (*дурачливо*). Нужно стараться достигать высот и так далее... я знаю. Но, Варя! — примеры любя, беру трубочиста на крыше: конечно, залез он всех выше... а разве он выше себя?

Варвара Михайловна. Не дури! Почему ты не хочешь поискать другого труда... более полезного, более значительного?..

Влас (*комически возмущаясь*). Сударыня! Я

принимаю хотя и косвенное, но напряженное участие в защите и охране священного института собственности — а вы называете это бесполезным трудом! Какой разврат мысли!

Варвара Михайловна. Ты не хочешь говорить серьезно?..

Саша входит.

Влас (*Саше*). Многоуважаемая! Будьте великодушны, дайте чаю и закусить.

Саша. Сейчас подам. Котлет угодно?

Влас. И котлет и всего прочего, им подобного... Жду!

Саша уходит.

Влас (*обнимает сестру за талию и ходит с нею по комнате*). Ну, ты что?

Варвара Михайловна. Мне почему-то грустно, Власик! Знаешь... иногда, вдруг как-то... ни о чем не думая, всем существом почувствуешь себя точно в плену... Все кажется чужим... скрытно враждебным тебе... все такое не нужное никому... И все как-то несерьезно живут... Вот и ты... балагуришь... шутишь...

Влас (*комически становясь перед нею в позу*).

Не укоряй меня, мой друг,

За то, что часто я шучу:
Веселой шуткой мой недуг
Перед тобой я скрыть хочу...

Стихи собственной фабрикации и гораздо лучше стихов Калерии... Но я не буду читать их до конца... они аршин пять длиной... Дорогая сестра моя! Ты хочешь, чтобы я был серьезен? Так, вероятно, кривой хочет видеть всех ближних своих одноглазыми.

Входит Саша с чайной посудой и ловко суетится около стола. Слышна трещотка ночного сторожа.

Варвара Михайловна. Брось, Влас! Не надо болтать.

Влас. Хорошо — сказал он — и грустно замолчал. Н-да! Ты не великодушна, сестренка! Целый день я молчу, переписывая копии разных ябед и кляуз... естественно, что вечером мне хочется говорить...

Варвара Михайловна. А мне вот хочется уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди, где говорят другим языком и делают какое-то серьезное, большое, всем нужное дело... Ты понимаешь меня?..

Влас (*задумчиво*). Да... понимаю... Но — никуда ты не уйдешь, Варя!

Варвара Михайловна. А может быть, уйду.

Пауза. Саша вносит самовар.

Вероятно, завтра приедет Шалимов…

Влас (*зевая*). Не люблю я его последних писаний — пусто, скучно, вяло.

Варвара Михайловна. Я видела его однажды на вечере… я была гимназисткой тогда… Помню, он вышел на эстраду, такой крепкий, твердый… непокорные, густые волосы, лицо — открытое, смелое… лицо человека, который знает, что́ он любит и что́ ненавидит… знает свою силу… Я смотрела на него и дрожала от радости, что есть такие люди… Хорошо было! да! Помню, как энергично он встряхивал головой, его буйные волосы темным вихрем падали на лоб… и вдохновенные глаза его помню… Прошло шесть-семь — нет, уже восемь лет…

Влас. Ты мечтаешь о нем, как институтка о новом учителе. Берегись, сестра моя! Писатели, как я слыхал, большие мастера по части совращения женщин…

Варвара Михайловна. Это нехорошо, Влас, это — пошло!

Влас (*просто, искренно*). Ну, не сердись, Варя!

Варвара Михайловна. Ты пойми… я жду его… как весну! Мне нехорошо жить…

Влас. Я понимаю, понимаю. Мне самому нехо-

рошо… совестно как-то жить… неловко… и не понимаешь, что же будет дальше?..

Варвара Михайловна. О да, Влас, да! Но зачем ты…

Влас. Паясничаю?.. Я не люблю, когда другие видят, что мне нехорошо…

Калерия (*входит*). Какая чудесная ночь! А вы сидите тут — и у вас пахнет угаром.

Влас (*встряхиваясь*). Мое почтение. Абстракция Васильевна!

Калерия. В лесу так тихо, задумчиво… славно! Луна — ласковая, тени густые и теплые… День никогда не может быть красивее ночи…

Влас (*в тон ей*). О да! Старушки всегда веселее, чем девушки, и раки летают быстрее, чем ласточки…

Калерия (*садясь за стол*). Вы ничего не понимаете! Варя, налей мне чаю… Никто не был у нас?

Влас (*поучительно-дурашливо*). Никто — не может быть или не быть… ибо никто — не существует.

Калерия. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

Влас молча кланяется ей и уходит в кабинет, перебирает там бумаги на столе. За окном вдали слышна трещотка ночного сторожа и тихий свист.

Варвара Михайловна. К тебе приходила Юлия Филипповна…

Калерия. Ко мне? Ах, да… по поводу спектакля…

Варвара Михайловна. Ты была в лесу?

Калерия. Да. Я встретила Рюмина… он много говорил о тебе…

Варвара Михайловна. Что же он говорил?

Калерия. Ты знаешь…

Пауза. Влас напевает что-то, гнусаво, негромко.

Варвара Михайловна (*вздыхая*). Это очень печально.

Калерия. Для него?

Варвара Михайловна. Однажды он сказал мне, что любовь к женщине — трагическая обязанность мужчины…

Калерия. Ты раньше относилась к нему иначе.

Варвара Михайловна. Ты ставишь это мне в вину? Да?

Калерия. О нет, Варя, нет!

Варвара Михайловна. Сначала я старалась рассеять его печальное настроение… и, правда, много уделяла ему внимания… Потом я увидала, к чему это ведет… Тогда он уехал.

Калерия. Ты объяснилась с ним?

Варвара Михайловна. Ни словом! Ни я, ни он…

Пауза.

Калерия. Его любовь должна быть теплой и

бессильной... вся — в красивых словах... и без радости. А любовь без радости — для женщины обидна. Тебе не кажется, что он горбатый?

Варвара Михайловна (*удивленно*). Не замечала... разве? Ты ошибаешься!..

Калерия. В нем, в его душе есть что-то нестройное... А когда я это замечаю в человеке, мне начинает казаться, что он и физически урод.

Влас (*выходит из кабинета, грустно потрясая пачкой бумаги*). Принимая во внимание обилие сих кляуз и исходя из этого факта, честь имею заявить вам, патронесса, что при всем горячем желании моем — не могу я исполнить к сроку, назначенному патроном, возложенную на меня неприятную обязанность!..

Варвара Михайловна. Я помогу тебе потом. Пей чай.

Влас. Сестра моя! Воистину ты — сестра моя! Гордись этим! Абстракция Васильевна, учитесь любить ближнего, пока жива сестра моя и я сам!..

Калерия. А знаете, — вы горбатый!

Влас. С какой точки зрения?

Калерия. У вас горбатая душа.

Влас. Это, надеюсь, не портит моей фигуры?

Калерия. Грубость — такое же уродство, как горб... Глупые люди — похожи на хромых...

Влас (*в тон ей*). Хромые — на ваши афоризмы…

Калерия. Люди пошлые кажутся мне рябыми… и почти всегда они — блондины…

Влас. Все брюнеты рано женятся, а метафизики — слепы и глухи… очень жаль, что они владеют языком!

Калерия. Это неостроумно! И вы, наверное, даже не знаете метафизики.

Влас. Знаю. Табак и метафизика суть предметы наслаждения для любителей. Я не курю и о вреде табака ничего не знаю, но метафизиков читал, это вызывает тошноту и головокружение…

Калерия. Слабые головы кружатся и от запаха цветов!

Варвара Михайловна. Вы кончите ссорой!

Влас. Я буду есть — это полезнее.

Калерия. Я поиграю — это лучше. Как душно здесь, Варя!

Варвара Михайловна. Я открою дверь на террасу… Ольга идет…

Пауза. Влас пьет чай. Калерия садится за рояль. За окном тихий свист сторожа, в ответ ему издали доносится еще более тихий свист. Калерия тихонько касается клавиш среднего регистра. Ольга Алексеевна входит, быстро откинув портьеру, точно влетает большая испуганная птица,

сбрасывает с головы серую шаль.

Ольга Алексеевна. Вот и я… едва вырвалась! (*Целует Варвару Михайловну.*) Добрый вечер, Калерия Васильевна! О, играйте, играйте! Ведь можно и без рукопожатий, да? Здравствуйте, Влас.

Влас. Добрый вечер, мамаша!

Варвара Михайловна. Ну, садись… Налить чаю? Почему ты так долго не шла?

Ольга Алексеевна (*нервно*). Подожди! Там, на воле — жутко… и кажется, что в лесу притаился кто-то… недобрый… Свистят сторожа, и свист такой… насмешливо-печальный… Зачем они свистят?

Влас. Н-да! Подозрительно! Не нас ли это они освистывают?

Ольга Алексеевна. Мне хотелось поскорее прийти к тебе… а Надя раскапризничалась, должно быть, тоже нездоровится ей… Ведь Волька нездоров, ты знаешь? Да, жар у него… потом нужно было выкупать Соню… Миша убежал в лес еще после обеда, а вернулся только сейчас, весь оборванный, грязный и, конечно, голодный… А тут приехал муж из города и чем-то раздражен… молчит, нахмурился… Я совершенно завертелась, право… Эта новая горничная — чистое наказанье! Стала мыть пузырьки для молока кипятком, и они полопались!

Варвара Михайловна (*улыбаясь*). Бедная ты моя… слав-

ная моя! Устаешь ты…

Влас. О Марфа, Марфа! Ты печешься о многом* — оттого-то у тебя все перепекается или недопечено… какие мудрые слова!

Калерия. Только звучат скверно: перепе — фи!

Влас. Прошу извинить — русский язык сочинил не я!

Ольга Алексеевна (*немного обиженная*). Вам, конечно, смешно слушать все это… вам скучно… я понимаю! Но что же! У кого что болит, тот о том и говорит… Дети… когда я думаю о них, у меня в груди точно колокол звучит… дети, дети! Трудно с ними, Варя, так трудно, если бы ты знала!

Варвара Михайловна. Ты прости меня — мне все кажется, что ты преувеличиваешь…

Ольга Алексеевна (*возбужденно*). Нет, не говори! Ты не можешь судить… Не можешь! Ты не знаешь, какое это тяжелое, гнетущее чувство — ответственность перед детьми! Ведь они будут спрашивать меня, как надо жить… А что я скажу?

Влас. Да вы чего же раньше времени беспокоитесь? Может, они не спросят? Может быть, сами догадаются, как именно надо жить…

Ольга Алексеевна. Вы же не знаете! Они уже спрашивают, спрашивают! И это страшные вопросы, на которые нет ответов ни у меня, ни у вас, ни у кого

нет! Как мучительно трудно быть женщиной!..

Влас (*негромко, но серьезно*). Нужно быть человеком... (*Идет в кабинет и садится там за стол. Пишет.*)

Варвара Михайловна. Перестань, Влас! (*Встает и медленно отходит от стола к двери, на террасу.*)

Калерия (*мечтательно*). Но заря своей улыбкой погасила звезды в небе. (*Тоже встает из-за рояля, стоит в двери на террасу рядом с Варварой Михайловной.*)

Ольга Алексеевна. Я, кажется, на всех нагнала тоску? Точно сова ночью... о Боже мой! Ну, хорошо, не буду об этом... Зачем же ты ушла, Варя, иди ко мне... а то я подумаю, что тебе тяжело со мной.

Варвара Михайловна (*быстро подходит*). Какой вздор, Ольга! Мне просто стало невыносимо жалко...

Ольга Алексеевна. Не надо... Знаешь, я сама иногда чувствую себя противной... и жалкой... мне кажется, что душа моя вся сморщилась и стала похожа на старую маленькую собачку... бывают такие комнатные собачки... они злые, никого не любят и всегда хотят незаметно укусить...

Калерия. Восходит солнце и заходит, — а в сердцах людей всегда сумерки.

Ольга Алексеевна. Вы что?

Влас
Юлия Филипповна
Суслов

Калерия. Я?.. Это… так я, сама с собой беседую.

Влас (*в кабинете гнусаво поет на голос «Вечная память»*). Семейное счастье… семейное счастье…

Варвара Михайловна. Влас, прошу тебя, молчи!

Влас. Молчу…

Ольга Алексеевна. Это я его настроила…

Калерия. Из леса вышли люди. Смотрите, как это красиво! И как смешно размахивает руками Павел Сергеевич…

Варвара Михайловна. Кто с ним еще?

Калерия. Марья Львовна… Юлия Филипповна… Соня, Зимин… и Замыслов.

Ольга Алексеевна (*кутается в шаль*). А я такая замухрышка! Эта франтиха Суслова посмеется надо мной… Вот не люблю ее!

Варвара Михайловна. Влас, позвони Сашу.

Влас. Вы, патронесса, отрываете меня от моих прямых обязанностей — так и знайте!

Ольга Алексеевна. Эта великолепная барыня… совсем не занимается детьми, и — странно: они у нее всегда здоровы.

Марья Львовна (*входит в дверь с террасы*). Ваш муж сказал, что вам нездоровится, — правда? Что с вами, а?

Варвара Михайловна. Я рада, что вы зашли, но я здо-

рова…

На террасе шум, смех.

Марья Львовна. Лицо немножко нервное… (*Ольге Алексеевне.*) И вы здесь? Я не видала вас так давно…

Ольга Алексеевна. Как будто вам приятно видеть меня… всегда такую кислую…

Марья Львовна. А если мне нравится кислое? Как ваши детки?

Юлия Филипповна (*входит с террасы*). Вот сколько я привела вам гостей! Но вы не сердитесь — мы скоро уйдем. Здравствуйте, Ольга Алексеевна… А почему же не входят мужчины? Варвара Михайловна, там Павел Сергеевич и Замыслов. Я позову их, можно?

Варвара Михайловна. Конечно!} Вместе

Юлия Филипповна. Идемте, Калерия Васильевна.} Вместе

Марья Львовна (*Власу*). Вы похудели, отчего?} Вместе

Влас. Не могу знать!} Вместе

Саша (*входя в комнату*). Подогреть самовар?} Вместе

Варвара Михайловна. Пожалуйста… и поскорее.} Вместе

Марья Львовна (*Власу*). А зачем вы гримасничаете?

Ольга Алексеевна. Он всегда…

Влас. Такая специальность у меня!

Марья Львовна. Все стараетесь быть остроумным? Да? И все неудачно?.. Дорогая моя Варвара Михайловна, Павел Сергеевич ваш окончательно погружается в прострацию…

Варвара Михайловна. Почему же мой?

Входит Рюмин. Потом Юлия Филипповна и

Калерия. Влас, нахмурившись, идет в кабинет и затворяет за собою дверь. Ольга Алексеевна отводит Марью Львовну налево и что-то неслышно говорит ей, указывая на грудь.

Рюмин. Вы извините за такое позднее вторжение…

Варвара Михайловна. Я рада гостям…

Юлия Филипповна. Дачная жизнь хороша именно своей бесцеремонностью… Но если бы вы слышали, как они спорили, он и Марья Львовна!

Рюмин. Я не умею говорить спокойно о том… что так важно, необходимо выяснить…

Саша вносит самовар. Варвара Михайловна — у стола — тихо отдает ей какие-то приказания, готовит посуду для чая. Рюмин, стоя у рояля,

смотрит на нее задумчиво и упорно.

Юлия Филипповна. Вы очень нервны, это мешает вам быть убедительным! (*Варваре Михайловне.*) Ваш муж сидит с моим орудием самоубийства, пьют коньяк, и у меня такое предчувствие, что они изрядно напьются. К мужу неожиданно приехал дядя — какой-то мясоторговец или маслодел, вообще фабрикант, хохочет, шумит, седой и кудрявый… забавный! А где же Николай Петрович? Благоразумный рыцарь мой?..

Замыслов (*с террасы*). Я здесь, Инезилья*, стою под окном…

Юлия Филипповна. Идите сюда. Что вы там говорили?

Замыслов (*входя*). Развращал молодежь… Соня и Зимин убеждали меня, что жизнь дана человеку для ежедневного упражнения в разрешении разных социальных, моральных и иных задач, а я доказывал им, что жизнь — искусство! Вы понимаете, жизнь — искусство смотреть на все своими глазами, слышать своими ушами…

Юлия Филипповна. Это — вздор!

Замыслов. Я его сейчас только выдумал, но чувствую, что это останется моим твердым убеждением! Жизнь — искусство находить во всем красоту и радость, даже искусство есть и пить…

Они ругаются, как вандалы.

Юлия Филипповна. Калерия Васильевна… Прекратите болтовню!

Замыслов. Калерия Васильевна! Я знаю, вы любите все красивое — почему вы не любите меня? Это ужасное противоречие.

Калерия (*улыбаясь*). Вы такой… шумный, пестрый…

Замыслов. Гм… но теперь не в этом дело… Мы — я и эта прекрасная дама…

Юлия Филипповна. Перестаньте же! Мы пришли…

Замыслов (*кланяясь*). К вам!

Юлия Филипповна. Чтобы просить…

Замыслов (*кланяясь еще ниже*). Вас!

Юлия Филипповна. Я не могу! Пойдемте в вашу милую, чистую комнатку… я так люблю ее…

Замыслов. Пойдемте! Здесь все мешает нам.

Калерия (*смеясь*). Идемте!

Идут ко входу в коридор.

Юлия Филипповна. Постойте! Вы представьте: фамилия дяди мужа — Двоеточие!

Замыслов (*дважды тычет пальцем в воздух*). Понимаете? Двоеточие!

Смеясь, скрываются за портьерой.

Ольга Алексеевна. Какая она всегда веселая, а ведь я знаю, — живется ей не очень... сладко... С мужем она...

Варвара Михайловна (*сухо*). Это не наше дело, Оля, мне кажется...

Ольга Алексеевна. Разве я говорю что-нибудь дурное?

Рюмин. Как теперь стали часты семейные драмы...

Соня (*выглядывая в дверь*). Мамашка! Я ухожу гулять...

Марья Львовна. Еще гулять?

Соня. Еще! Тут так много женщин, а с ними всегда невыносимо скучно...

Марья Львовна (*шутя*). Ты — осторожнее... Твоя мать — тоже женщина...

Соня (*вбегая*). Мамочка! Неужели? давно?

Ольга Алексеевна. Что она болтает!

Варвара Михайловна. И хоть бы поздоровалась!

Марья Львовна. Сонька! Ты неприлична!

Соня (*Варваре Михайловне*). Да ведь мы видели сегодня друг друга? Но я с наслаждением поцелую вас... я добра и великодушна, если это мне доставляет удовольствие... или по крайней мере ничего не стоит...

Марья Львовна. Сонька! Перестань болтать и уби-

райся.

Соня. Нет, какова моя мамашка! Вдруг назвала себя женщиной! Я с ней знакома восемнадцать лет и первый раз слышу это! Это знаменательно!

Зимин (*просовывая голову из-за портьеры*). Да вы идете или нет?

Соня. Рекомендую — мой раб!

Варвара Михайловна. Вы что же не входите?.. Пожалуйста.

Соня. Он невозможен в приличном обществе.

Зимин. Она оторвала мне рукав у тужурки — вот и всё!..

Соня. И только! Этого ему мало, он недоволен мной… Мамашка, я за тобой зайду, хорошо? А теперь иду слушать, как Макс будет говорить мне о вечной любви…

Зимин. Как же… Дожидайтесь!

Соня. Посмотрим, юноша! До свиданья. Луна еще есть?

Зимин. И я не юноша… В Спарте… Позвольте, Соня, зачем же толкать человека, который…

Соня. Еще не человек… вперед — Спарта!

Их голоса и смех долго звучат где-то около дома.

Рюмин. Славная дочь у вас, Марья Львовна.

Ольга Алексеевна. Когда-то и я была похожа на нее...

Варвара Михайловна. Мне нравится, как вы относитесь друг к другу... славно! Садитесь чай пить, господа!

Марья Львовна. Да, мы друзья.

Ольга Алексеевна. Друзья... как это достигается?

Марья Львовна. Что?

Ольга Алексеевна. Дружба детей.

Марья Львовна. Да очень просто: нужно быть искренной с детьми, не скрывать от них правды... не обманывать их.

Рюмин (*усмехаясь*). Ну, это, знаете, рискованно! Правда груба и холодна, и в ней всегда скрыт тонкий яд скептицизма... Вы сразу можете отравить ребенка, открыв перед ним всегда страшное лицо правды.

Марья Львовна. А вы предпочитаете отравлять его постепенно?.. Чтобы и самому не заметить, как вы изуродуете человека?

Рюмин (*горячо и нервно*). Позвольте! Я этого не говорил! Я только против этих... обнажений... этих неумных, ненужных попыток сорвать с жизни красивые одежды поэзии, которая скрывает ее грубые, часто уродливые формы... Нужно украшать жизнь! Нужно приготовить для нее новые

одежды, прежде чем сбросить старые…

Марья Львовна. О чем вы говорите? — не понимаю!..

Рюмин. О праве человека желать обмана!.. Вы часто говорите — жизнь! Что такое — жизнь? Когда вы говорите о ней, она встает предо мной, как огромное, бесформенное чудовище, которое вечно требует жертв ему, жертв людьми! Она изо дня в день пожирает мозг и мускулы человека, жадно пьет его кровь.

Все время Варвара Михайловна внимательно слушает Рюмина, и постепенно на лице ее появляется выражение недоумевающее. Она делает движение, как бы желая остановить Рюмина.

Зачем это? Я не вижу в этом смысла, но я знаю, что чем более живет человек, тем более он видит вокруг себя грязи, пошлости, грубого и гадкого… и все более жаждет красивого, яркого, чистого!.. Он не может уничтожить противоречий жизни, у него нет сил изгнать из нее зло и грязь,– так не отнимайте же у него права не видеть того, что убивает душу! Признайте за ним право отвернуться в сторону от явлений, оскорбляющих его! Человек хочет забвения, отдыха… мира хочет человек! (*Встречая взгляд Варвары Михайловны,*

он вздрагивает и останавливается.)

Марья Львовна (*спокойно*). Он обанкротился, ваш человек? Очень жаль… Только этим и объясняете вы его право отдыхать в мире? Нелестно.

Рюмин (*Варваре Михайловне*). Простите, что я… так раскричался! Вам, я вижу, неприятно…

Варвара Михайловна. Не потому, что вы так нервны…

Рюмин. А почему же? Почему?

Варвара Михайловна (*медленно, очень спокойно*). Я помню, года два тому назад, вы говорили совсем другое… и так же искренно… так же горячо…

Рюмин (*взволнованно*). Растет человек, и растет мысль его!

Марья Львовна. Она мечется, как испуганная летучая мышь, эта маленькая темная мысль!..

Рюмин (*все так же волнуясь*). Она поднимается спиралью, но она поднимается всё выше! Вы, Марья Львовна, подозреваете меня в неискренности, да?..

Марья Львовна. Я? нет! Я вижу: вы искренно… кричите… и, хотя для меня истерика не аргумент, я все же понимаю — вас что-то сильно испугало… вы хотели бы спрятаться от жизни… И я знаю: не один вы хотите этого,– людей испуганных не мало…

Рюмин. Да, их много, потому что люди всё тоньше

и острее чувствуют, как ужасна жизнь! В ней все строго предопределено… и только бытие человека случайно, бессмысленно… бесцельно!..

Марья Львовна (*спокойно*). А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости, — вот ваша жизнь и получит смысл…

Ольга Алексеевна. Боже мой! Когда при мне говорят что-нибудь строгое, обвиняющее… я вся съеживаюсь… точно это про меня говорят, меня осуждают! Как мало в жизни ласкового! Мне пора домой! У тебя хорошо, Варя… всегда что-нибудь услышишь, вздрогнешь лучшей частью души… Поздно уже, надо идти домой…

Варвара Михайловна. Сиди, голубчик! Чего ты так?.. вдруг? Если будет нужно, пришлют за тобой.

Ольга Алексеевна. Да, пришлют… Ну, хорошо, я посижу. (*Идет и садится на диван с ногами, сжимаясь в комок.*)

Рюмин нервно барабанит пальцами по стеклу, стоя у двери на террасу.

Варвара Михайловна (*задумчиво*). Странно мы живем! Говорим, говорим — и только! Мы накопили множество мнений… мы с такой… нехорошей быстротой принимаем их и отвергаем… А вот же-

ланий, ясных, сильных желаний нет у нас… нет!

Рюмин. Это по моему адресу? да?

Варвара Михайловна. Я говорю о всех. Неискренно, некрасиво, скучно мы живем…

Юлия Филипповна (*быстро входит, за нею Калерия*). Господа! Помогите мне…

Калерия. Право, это лишнее!

Юлия Филипповна. Она написала новые стихи и дала мне слово прочитать их на нашем вечере в пользу детской колонии… Я прошу прочитать сейчас здесь! Господа, просите!

Рюмин. Прочитайте! Люблю я ваши ласковые стихи…

Марья Львовна. Послушала бы и я. В спорах — грубеешь. Прочитайте, милая.

Варвара Михайловна. Что-нибудь новое, Калерия?

Калерия. Да. Проза. Скучно.

Юлия Филипповна. Ну, дорогая моя, прочитайте! Что вам стоит? Пойдемте за ними! (*Уходит, увлекая Калерию.*)

Марья Львовна. А где же… Влас Михайлович?

Варвара Михайловна. Он в кабинете. У него много работы.

Марья Львовна. Я с ним немножко резко обошлась… Досадно видеть его только шутником, право!

Варвара Михайловна. Да, обидно это. Знаете, если бы

вы немножко мягче с ним!.. Он — славный… Его многие учили, но никто не ласкал.

Марья Львовна (*улыбаясь*). Как всех… как всех нас… И оттого все мы грубы, резки…

Варвара Михайловна. Он жил с отцом, всегда пьяным… Тот его бил…

Марья Львовна. Пойду к нему. (*Идет к двери в кабинет, стучит и входит.*)

Рюмин (*Варваре Михайловне*). Вы всё ближе сходитесь с Марьей Львовной, да?

Варвара Михайловна. Она мне нравится…

Ольга Алексеевна (*негромко*). Как она строго говорит обо всем… как строго!

Рюмин. Марья Львовна в высокой степени обладает жестокостью верующих… слепой и холодной жестокостью… Как это может нравиться?..

Дудаков (*входит, из коридора*). Мое почтение, извините… Ольга, ты здесь? Скоро домой?

Ольга Алексеевна. Хоть сейчас. Ты гулял?

Варвара Михайловна. Стакан чаю, Кирилл Акимович?

Дудаков. Чай? Нет. На ночь не пью… Павел Сергеевич, мне бы вас надо… можно к вам завтра?

Рюмин. Пожалуйста.

Дудаков. Это насчет колонии малолетних преступников. Они опять там накуролесили… черт их дери! Бьют их там… черт побери! Вчера в газе-

тах ругали нас с вами…

Рюмин. Я действительно давно не был в колонии… Как-то все некогда…

Дудаков. Д-да… И вообще… некогда всем… Хлопот у всех много, а дела — нет… почему? Я вот… устаю очень. Шлялся сейчас по лесу — и это успокаивает… несколько… а то — нервы у меня взвинчены…

Варвара Михайловна. У вас лицо осунулось.

Дудаков. Возможно. И сегодня неприятность… Этот осел, голова, упрекает: неэкономно! Больные много едят, и огромное количество хины… Болван! Во-первых, это не его дело… А потом, осуши улицы нижней части города, и я не трону твоей хины… Ведь не пожираю я эту хину сам? Терпеть не могу хины… И нахалов…

Ольга Алексеевна. Стоит ли, Кирилл, раздражаться из-за таких мелочей? Право, пора привыкнуть.

Дудаков. А если вся жизнь слагается из мелочей? И что значит — привыкнуть?.. К чему? К тому, что каждый идиот суется в твое дело и мешает тебе жить?.. Ты видишь: вот… я и привыкаю. Голова говорит — нужно экономить.... ну, я и буду экономить! То есть это не нужно и это вредно для дела, но я буду… У меня нет частной практики, и я не могу бросить это дурацкое место…

Ольга Алексеевна (*укоризненно*). Потому что большая семья? Да, Кирилл? Я это не однажды слышала от тебя… и здесь ты мог бы не говорить об этом… Бестактный, грубый человек! (*Накинув шаль на голову, быстро идет к комнате Варвары Михайловны.*)

Варвара Михайловна. Ольга! Что ты?

Ольга Алексеевна (*почти рыдая*). Ах, пусти, пусти меня!.. Я это знаю! Я слышала…

Они обе скрываются в комнате Варвары Михайловны.

Дудаков (*растерянно*). Вот! И… совершенно не имел в виду… Павел Сергеевич, вы меня извините… Это совершенно случайно… Я так… смущен… (*Быстро уходит, сталкиваясь в дверях с Калерией, Юлией Филипповной и Замысловым.*)

Юлия Филипповна. Доктор чуть не опрокинул нас! Что с ним?

Рюмин. Нервы…

Варвара Михайловна входит.

Ольга Алексеевна ушла?

Варвара Михайловна. Ушла… да…

Юлия Филипповна. Не доверяю я этому доктору… Он такой… нездоровый, заикается, рассеянный…

Засовывает в футляр очков чайные ложки и мешает в стакане своим молоточком… Он может напутать в рецепте и дать чего-нибудь вредного.

Рюмин. Мне кажется, он кончит тем, что пустит себе пулю в лоб.

Варвара Михайловна. Вы говорите это так спокойно…

Рюмин. Самоубийства часты среди докторов.

Варвара Михайловна. Слова волнуют нас больше, чем люди… Вы не находите?

Рюмин (*вздрогнув*). О, Варвара Михайловна!

Калерия садится за рояль, Замыслов около нее.

Замыслов. Вам удобно?

Калерия. Спасибо…

Замыслов. Господа, внимание!

Входят Марья Львовна и Влас, очень оживленные.

Влас. Ого! Будут читать стихи, да?

Калерия (*с досадой*). Если вы хотите слушать, вам придется перестать шуметь…

Влас. Умри, все живое!

Марья Львовна. Молчим… Молчим…

Калерия. Очень рада. Это стихотворение в прозе. Со временем к нему напишут музыку.

Юлия Филипповна. Мелодекламация! Как это хорошо!

Люблю! Люблю все оригинальное… Меня, точно ребенка, радуют даже такие вещи, как открытые письма с картинками, автомобили…

Влас (*в тон ей*). Землетрясения, граммофоны, инфлюэнция…

Калерия (*громко и сухо*). Вы мне позволите начать?

Все быстро усаживаются. Калерия тихо перебирает клавиши.

Это называется — «Эдельвейс».

«Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие — мудрое молчание гордых высот.

Безгранична пустыня небес над вершинами гор, и бесчисленны грустные очи светил над снегами вершин.

У подножия гор, там, на тесных равнинах земли, жизнь, тревожно волнуясь, растет, и страдает усталый владыка равнин — человек.

В темных ямах земли стон и смех, крики ярости, шепот любви… многозвучна угрюмая музыка жизни земной!.. Но безмолвия горных вершин и бесстрастия звезд — не смущают тяжелые вздохи людей.

Лед и снег нетленным саваном вечно одевают

вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие — мудрое молчание гордых высот.

Но как будто затем, чтоб кому-то сказать о несчастьях земли и о муках усталых людей, — у подножия льдов, в царстве вечно немой тишины, одиноко растет грустный горный цветок — эдельвейс…

А над ним, в бесконечной пустыне небес, молча гордое солнце плывет, грустно светит немая луна и безмолвно и трепетно звезды горят…

И холодный покров тишины, опускаясь с небес, обнимает и ночью и днем — одинокий цветок — эдельвейс».*

Пауза. Все, задумавшись, молчат. Далеко звучат трещотка сторожа и тихий свист. Калерия, широко открыв глаза, смотрит прямо перед собой.

Юлия Филипповна (*негромко*). Как это хорошо! Грустно… чисто…

Замыслов. Слушайте! Это надо читать в костюме, белом… широком… и пушистом, как эдельвейс! Вы понимаете? Это будет безумно красиво! Великолепно!

Влас (*подходя к роялю*). И мне нравится, право! (*Сконфуженно смеется.*) Нравится! Хорошо!.. Точно — клюквенный морс в жаркий день!

Калерия. Уйдите!

Влас. Да я ведь искренно, вы не сердитесь!

Саша (*входит*). Господин Шалимов приехали.

Общее движение. Варвара Михайловна идет к дверям и останавливается при виде входящего Шалимова. Он лысый.

Шалимов. Я имею удовольствие видеть…

Варвара Михайловна (*тихо, не сразу*). Пожалуйста… прошу вас… Сергей сейчас придет…

Занавес

Действие второе

Поляна перед террасой дачи Басова, окруженная густым кольцом сосен, елей и берез. На первом плане с левой стороны две сосны, под ними круглый стол, три стула. За ними невысокая терраса, покрытая парусиной. Напротив террасы группа деревьев, в ней широкая скамья со спинкой. За нею дорога в лес. Дальше, в глубине правой стороны, небольшая открытая сцена раковиной, от нее — справа налево — дорога на дачу Суслова. Перед сценой несколько скамей. Вечер, заходит солнце. У Басовых Калерия играет на рояле. Пустобайка медленно и тяжело двигается по поляне, расставляя скамьи. Кропилкин с ружьем за плечами стоит около елей.

Кропилкин. А ту дачу — кто ныне снял?

Пустобайка (*угрюмо, густым голосом*). Инженер Суслов.

Кропилкин. Всё новые?

Пустобайка. Чего?

Кропилкин. Всё новые, мол. Не те, что в прошлом году жили…

Пустобайка (*вынимая трубку*). Всё одно. Такие же.

Кропилкин (*вздыхает*). Оно конечно… все — господа… эхе-хе!..

Пустобайка. Дачники — все одинаковые. За пять годов я их видал — без счету. Они для меня — вроде как в ненастье пузыри на луже… вскочит и лопнет… вскочит и лопнет… Так-то…

Из-за угла дачи Басова, шумя и смеясь, проходит по дороге в лес группа молодежи с мандолинами, балалайками и гитарами.

Кропилкин. Ишь ты… музыка! Тоже, видно, представлять собираются?..

Пустобайка. И будут… чего им! Народ — сытый…

Кропилкин. Вот никогда я не видал, как господа представляют… чай, смешно? Ты видал?

Пустобайка. Я — видал. Я, брат, все видал…

Справа доносится гулкий хохот Двоеточия.

Кропилкин. Ну? Как же они?

Пустобайка. Очень просто: нарядятся не в свою одежу и говорят… разные слова, кому какое приятно… Кричат, суетятся, будто что-то делают… будто сердятся… Ну, обманывают друг дружку. Один представляется — я, дескать, честный, другой — а я умный… или там — я-де несчастный… Кому что кажется подходящим… он то и представляет…

Кто-то на левой стороне свистит собаку и кричит: «Баян! Баян!» Пустобайка колотит по скамье обухом топора.

Кропилкин. Ах ты… сделай милость! Н-да… И песни поют?

Пустобайка. Песен они мало поют… Инженерова жена верещит когда… ну, голос у ней — жидкий.

Кропилкин. Идут господа…

Пустобайка. Ну и пускай идут…

Двоеточие выходит с правой стороны около сцены, за ним Суслов.

Двоеточие (*добродушно*). Ты надо мной не смейся… куда тебе! Тебе, понимаешь, едва сорок минуло, а ты — лысый, а мне под шестьдесят — однако я кудрявый, хоть и седой — что? Хо-хо!

Пустобайка все время лениво и неуклюже возится около сцены со скамьями. Кропилкин осторожно отходит за сцену.

Суслов. Ваше счастье… Продолжайте, я слушаю…

Двоеточие. Давай сядем. Так вот — явились, значит, немцы… У меня заводишко старый, машины — дрянь, а они, понимаешь, все новенькое поставили, — ну, товар у них лучше моего и дешевле… Вижу — дело мое швах… подумал — лучше немца

не сделаешь… Ну, и решил — продам всю музыку немцам. (*Задумчиво молчит.*)

Суслов. Всё продали?

Двоеточие. Дом в городе оставил… большой дом, старый… А дела теперь у меня нет, только одно осталось — деньги считать… хо-хо! хо-хо! Такой старый дурак, если говорить правду… Продал, знаешь, и сразу почувствовал себя сиротой… Стало мне скучно, и не знаю я теперь — куда мне себя девать? Понимаешь: вот — руки у меня… Раньше я их не замечал… а теперь вижу — болтаются ненужные предметы… (*Смеется.*)

Пауза. Варвара Михайловна выходит на террасу и, заложив руки за спину, медленно, задумавшись, ходит.

Вон Басова жена вышла. Экая женщина… магнит! Кабы я годков на десять моложе был…

Суслов. Ведь вы… кажется… женаты?

Двоеточие. Был. И неоднократно… Но — которые жены мои померли, которые сбежали от меня… И дети были… две девочки… обе умерли… Мальчонка тоже… утонул, знаешь… Насчет женщин я очень счастлив был… всё у вас, в России, добывал их… очень легко у вас жен отбивать! Плохие вы мужья… Приеду, бывало, посмотрю туда-сюда —

вижу, понимаешь, женщина, достойная всякого внимания, а муж у нее — какое-то ничтожество в шляпе… Ну, сейчас ее и приберешь к рукам… хо-хо!

Влас выходит на террасу из комнат, стоит и смотрит на сестру.

Да, все это было… а теперь — ничего вот нет… ничего и никого… понимаешь…

Суслов. Как же вы… думаете жить?

Двоеточие. Не знаю. Посоветуй! А чепуха, брат, эта твоя ботвинья… и поросенок тоже… Есть поросенка летом — это называется анахронизм…

Влас. Ну, что, Варя?

Варвара Михайловна. Ничего… так… жалкий человек я… да?

Влас (*обнимает ее за талию*). Хочется сказать тебе что-то ласковое… да не знаю, как это говорится… не знаю…

Варвара Михайловна. Оставь меня, милый…

Двоеточие. Вон к нам господин Чернов идет…

Суслов. Шут гороховый…

Двоеточие. Бойкий паренек, а бездельник, видимо…

Влас (*подходя*). Кого это вы?

Двоеточие. А вот племянника, хо-хо! Да и вы тоже,

видать, не очень деловиты, а?

Влас. Насколько я успел узнать вас, почтеннейший Семен Семенович, под словом «дело» вы подразумеваете выжимание соков из ближних ваших? В этом смысле я еще не деловит… увы!

Двоеточие. Хо-хо! Вы не горюйте! В юности, понимаете, это трудненько: совесть еще не окрепла и в голове кисель розовый вместо мозгов. А созреете, и преудобно воссядете на чьей-нибудь шее, хо-хо! На шее ближнего всего скорее доедешь к благополучию своему.

Влас. Вы, несомненно, человек опытный в такой езде… верю вам! (*Кланяется и уходит.*)

Двоеточие. Хо-хо! Отбрил и доволен! Миляга… Чай, поди-ка, героем себя чувствует… Ну, ничего, пускай потешится молодая душа. (*Опустив голову, сидит молча.*)

Калерия (*выходит на террасу*). Ты все еще не можешь помириться?

Варвара Михайловна (*негромко*). Нет, не могу…

Калерия. Кого ты будешь ждать теперь?

Варвара Михайловна (*задумчиво*). Не знаю… не знаю.

Калерия, пожимая плечами, сходит с террасы и идет налево, скрывается за углом дачи.

Двоеточие. Н-да! Ну, так что же, Петруха… Как же

я буду жить-то?

Суслов. Это не решается сразу… надо подумать…

Двоеточие. Не решается? Хо-хо! Эх ты… Что?

Суслов. Ничего… Я ничего не говорю.

Двоеточие. Ничего и не скажешь, видно.

Справа из лесу идут Басов и Шалимов, раскланиваясь, проходят под сосну, садятся у стола; у Басова на шее полотенце.

Вот — и писатель с адвокатом идут… Гуляете?

Басов. Купались.

Двоеточие. Холодно?

Басов. В меру.

Двоеточие. Пойти и мне поплавать. Пойдем, Петр, может, я утону, — наследство скорее получишь, а?

Суслов. Нет, я не могу. Мне вот с ними нужно поговорить.

Двоеточие. А я пойду. (*Встает и уходит направо в лес.*)

Суслов смотрит вслед ему и, усмехаясь, идет к Басову.

Басов. Варя, скажи, чтоб нам бутылочку пива дали… нет, лучше три бутылочки… Ну, что, как твой дядя?

Варвара Михайловна уходит в комнаты.

Суслов. Надоедает понемногу…

Басов. Да… эти старики не забавны…

Суслов. Он, должно быть, хочет жить со мной…

Басов. Дядя-то? Мм-да… Ну, а ты как?

Суслов. Да… черт знает! Вероятно, будет так, как он хочет.

Саша приносит пиво.

Басов. Ты что, Яков, молчишь?

Шалимов. Раскис немного… Забыл я — как зовут эту воинственную даму?

Басов. Марья Львовна… Эх, Петр, какая, брат, сегодня у нас за обедом разыгралась словесная война!

Суслов. Конечно. Марья Львовна…

Шалимов. Свирепая женщина, скажу вам…

Варвара Михайловна снова выходит на террасу.

Суслов. Не люблю я ее.

Шалимов. Я человек мягкий, но, скажу вам по правде, едва не наговорил ей дерзостей.

Басов (*смеясь*). А она тебе наговорила.

Шалимов (*Суслову*). Вы поставьте себя на мое место: человек что-то там пишет, волнуется… наконец,

устает, скажу вам просто. Приезжает к приятелю отдохнуть, пожить нараспашку, собраться с мыслями… и вдруг — является дама и начинает исповедовать: как веруете, на что надеетесь, почему не пишете о том-то и зачем молчите об этом? Потом она говорит, что это у вас неясно, это неверно, это некрасиво… Ах, да напишите вы, матушка, сами так, чтобы оно было и ясно, и верно, и красиво! Напишите гениально, только дайте мне отдохнуть!.. ф-фу!

Басов. Это надо терпеть, мой друг. Проезжая по Волге, обязательно едят стерляжью уху, а при виде писателя — всякий хочет показать себя умницей; это надо терпеть.

Шалимов
Ольга Алексеевна
Дудаков

Шалимов. Неделикатно это… неумно! Она часто бывает у тебя?

Басов. Нет… то есть да, частенько! Но я ведь тоже не очень ее жалую… Она такая прямолинейная, как палка… Это жена с ней в дружбе… и она очень портит мне жену. (*Оглядывается на террасу и видит Варвару Михайловну.*) Варя… ты здесь?

Варвара Михайловна. Как видишь.

Замыслов и Юлия Филипповна быстро идут по дороге от дачи Суслова. Смеются. Шалимов, усмехаясь, смотрит на смущенного Басова.

Замыслов. Варвара Михайловна! Мы устраиваем пикник… Едем в лодках…

Юлия Филипповна. Дорогая моя, здравствуйте!

Варвара Михайловна. Идемте в комнаты.

Скрываются в комнатах. Суслов встал и медленно идет за ними.

Замыслов. А Калерия Васильевна дома?

Шалимов (*смеясь*). Ты, кажется, побаиваешься жены-то, Сергей?

Басов (*вздыхает*). Ну, пустяки. Она у меня… хороший человек!

Шалимов (*усмехаясь*). Почему же ты так грустно сказал это?

Басов (*вполголоса, кивая головой на Суслова*). Ревнует… к моему помощнику… Понимаешь? А жена у него,– ты обрати внимание, — интереснейшая женщина!

В глубине поляны проходят Соня и Зимин.

Шалимов. Да? Посмотрим… Хотя эта Марья Львовна сильно отбивает охоту знакомиться со здешними женщинами, скажу тебе!

Басов. Эта, брат, совсем в другом стиле. Эта — о! Ты увидишь… (*Пауза.*) А давно ты ничего не печатал, Яков. Пишешь что-нибудь большое?

Шалимов (*ворчливо*). Ничего я не пишу… скажу прямо… Да! И какого тут черта напишешь, когда совершенно ничего понять нельзя? Люди какие-то запутанные, скользкие, неуловимые…

Басов. А ты так и пиши — ничего, мол, не понимаю! Главное, брат, в писателе искренность.

Шалимов. Спасибо за совет!.. Искренность… не в этом дело, друг мой! Искренно-то я, может быть, одно мог бы сделать: бросить перо и, как Диоклетиан, капусту садить*…

Нищие тихо поют за углом дачи Басова: «Благодетели и кормильцы, милостыньку Христа ради, для праздничка Христова, поминаючи родителей». Из-за сцены появляется Пустобайка — идет

гнать нищих.

Но — надо кушать, значит, надо писать. А для кого? Не понимаю… Нужно ясно представить себе читателя — какой он? Кто он? Лет пять назад я был уверен, что знаю читателя… и знаю, чего он хочет от меня… И вдруг, незаметно для себя, потерял я его… Потерял, да. В этом драма, пойми! Теперь вот, говорят, родился новый читатель… Кто он?

Басов. Я тебя не понимаю… Что это значит — потерять читателя? А я… а все мы — интеллигенция страны — разве мы не читатели? Не понимаю… Как же нас можно потерять? а?

Шалимов (*задумчиво*). Конечно… интеллигенция — я не говорю о ней… да… А вот есть еще… этот… новый читатель.

Басов (*трясет головой*). Ну? Не понимаю.

Шалимов. И я не понимаю… но чувствую. Иду по улице и вижу каких-то людей… У них совершенно особенные физиономии… и глаза… Смотрю я на них и чувствую: не будут они меня читать… не интересно им это… А зимой читал я на одном вечере и тоже… вижу — смотрит на меня множество глаз, внимательно, с любопытством смотрят, но это чужие мне люди, не любят они меня. Не нужен я им… как латинский язык… Стар я для

них… и все мои мысли — стары… И я не понимаю — кто они? Кого они любят? Чего им надо?

Басов. Н-да… это любопытно! Только, я думаю — нервы это, а? Вот поживешь здесь, отдохнешь, успокоишься, и читатель найдется… Главное в жизни — спокойное, внимательное отношение ко всему… вот как я думаю… Пойдем в комнаты! И, того, Яша, попрошу тебя! Ты, знаешь, так как-нибудь… эдак — павлином!

Шалимов (*изумленно*). Что-о? Как это павлином? Зачем это?

Басов (*таинственно*). Так, знаешь, распусти хвост на все перья! Перед Варей… перед женой моей… развлеки ее… заинтересуй, по дружбе…

Шалимов (*не сразу*). Нужно, значит, сыграть роль громоотвода? Ты… чудак! Ну, что же, ладно!

Басов. Да нет, ты не думай… она милая! Только, знаешь, так как-то, скучает о чем-то… Теперь все скучают… всё какие-то настроения… странные разговоры, вообще, канитель! Кстати, ты женат? То есть, я слышал, что ты развелся с женой.

Шалимов. И снова был женат, и снова развелся… Трудно, скажу тебе, найти в женщине товарища.

Басов. Н-да! Это верно! Это, друг мой, верно…

Уходят в комнаты. Дама в желтом платье и молодой человек в клетчатом костюме выходят

из леса.

Дама. Еще никого нет? А назначено в шесть часов… Как это вам нравится?

Молодой человек. Собственно говоря, я — герой…

Дама. Представьте! Я так и думала…

Молодой человек. Да, я герой… А он дает мне комические роли. Нелепо же, согласитесь!

Дама. Они всё хорошенькое — для себя…

Проходят направо в лес. С другой стороны являются Соня и Зимин. В глубине сцены Суслов медленно идет по направлению к своей даче.

Зимин (*вполголоса*). Ну, я туда не пойду, Соня… Так вот… завтра, значит, я еду…

Соня (*в тон ему*). Хорошо… поезжай. Будь осторожен, Макс, я прошу тебя!

Зимин (*берет ее руку*). И ты… Пожалуйста.

Соня. Ну, до свиданья! Недели через три увидимся… не раньше?

Зимин. Нет, не раньше… до свиданья, милая Соня! Ты без меня… (*Смущается, молчит.*)

Соня. Что?

Зимин. Так… Глупость. До свиданья, Соня…

Соня (*удерживая его за руку*). Нет, скажи… ты без меня — что?

Зимин (*негромко, опустив голову*). Не выйдешь

замуж?

Соня. Не смей так говорить, Максим… И думать не смей! Слышишь? Это — глупо… а пожалуй, и гадко, Максим… понимаешь?

Зимин. Не надо… Не обижайся. Прости… невольно как-то приходят в голову разные дикие мысли… Говорят, человек не хозяин своего чувства…

Соня (*горячо*). Это — неправда! Это — ложь, Максим! Я хочу, чтобы ты знал: это ложь!.. Ее выдумали для оправдания слабости, — помни, Максим, я не верю в это! Иди!..

Зимин (*жмет ее руку*). Хорошо! Я буду помнить это, Соня… буду! Ну, до свиданья, славная моя!

Зимин быстро уходит за угол дачи. Соня смотрит ему вслед и медленно идет на террасу, потом в комнаты. Дудаков, Влас и Марья Львовна идут справа из лесу, потом за ними Двоеточие. Марья Львовна садится на скамью, Двоеточие рядом с нею. Зевает.

Дудаков. Люди — легкомысленны, а жизнь тяжела… почему?

Влас. Это мне неизвестно, доктор! Продолжаю: ну-с, так вот — отец мой был повар и человек с фантазией, любил он меня жестоко и всюду таскал за собою, как свою трубку. Я несколько

раз бегал от него к матери, но он являлся к ней в прачешную, избивал всех, попадавших ему под руку, и снова брал меня в плен. Роковая мысль — заняться моим образованием — пришла ему в голову, когда он служил у архиерея… Поэтому я попал в духовное училище. Но через несколько месяцев отец ушел к инженеру, а я очутился в железнодорожной школе… а через год я уже был в земледельческом училище, потому что отец поступил к председателю земской управы. Школа живописи и коммерческое училище тоже имели честь видеть меня в своих стенах. Кратко говоря — в семнадцать лет отвращение к наукам наполняло меня до совершенной невозможности чему-нибудь учиться, хотя бы даже игре в карты и курению табака. Что вы на меня так смотрите, Марья Львовна?

Марья Львовна (*задумчиво*). Грустно это всё…

Влас. Грустно? Но — ведь это прошлое!

Женщина с подвязанной щекой. Господа, не видали Женечку? Мальчик такой… не пробегал? В соломенной шляпочке… Беленький.

Марья Львовна. Не видали.

Женщина. Ах ты… грех какой… Мальчик-то господ Розовых! Бойкенький такой… а?

Влас. Не видали, тетенька…

Женщина бормочет что-то и бежит в лес.

Двоеточие. А вы, того, господин Чернов… понимаете…

Влас. Чего? Не понимаю.

Двоеточие. Нравитесь мне…

Влас. Ну?

Двоеточие. Право…

Влас. Я рад… за вас!..

Двоеточие хохочет.

Дудаков. Скверно вам будет, Влас!..

Влас. Когда?

Дудаков. Вообще… всегда…

Двоеточие. Конечно, будет скверно… потому — человек прямой… и всякому, понимаете, забавно попробовать — а ну-ка, не согнется ли?

Влас. Увидим! А пока идемте чай пить, а? У нас, вероятно, пьют уже…

Дудаков. Это — хорошее дело.

Двоеточие. Я бы пошел… Ловко ли?

Влас. Очень ловко, дедушка. Я иду вперед… (*Убегает на дачу, все медленно идут за ним.*)

Двоеточие. Приятный паренек…

Марья Львовна. Да, славный, только вот — кривляется…

Двоеточие. Ничего! Это пройдет. В нем есть внут-

ренняя честность, знаете… Обыкновенно честность у людей где-то снаружи прицеплена, вроде галстуха, что ли… Человек больше сам про себя кричит: я честный, честный! Но когда, понимаете, девица часто про себя говорит: ах, я девушка! ах, я девушка! — для меня это верный признак, что она в дамки прошла… Хо-хо! Вы меня простите, Марья Львовна…

Марья Львовна. Что с вас возьмешь…

Входят на террасу и в комнаты. Суслов выходит им навстречу.

Двоеточие. Ты куда, Петр?

Суслов. Так… покурить, на воздух…

Суслов медленно идет к своей даче. Навстречу ему выбегает женщина с подвязанной щекой. Из леса выходит господин в цилиндре, останавливается, пожимает плечами.

Женщина. Господин, не видали вы мальчика? Колечка… то бишь, Женечка. В курточке!

Суслов (*негромко*). Нет… уйди прочь!

Женщина убегает.

Господин (*элегантно кланяясь*). Милостивый государь, извините… вы не меня ищете?

Суслов (*недоумевая*). Это не я ищу, это баба ищет.

Господин. Видите ли что… я приглашен играть первую роль в пьесе.

Суслов (*идет*). Это меня не касается.

Господин (*обиженно*). Но позвольте… кого же это касается? Где, наконец, режиссер? Я два часа хожу, ищу… Ушел… невежа!.. (*Идет к сцене и скрывается за ней.*)

Ольга Алексеевна идет по дороге с дачи Суслова.

Ольга Алексеевна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Суслов. А… добрый вечер!.. Как душно!..

Ольга Алексеевна. Душно? Мне не кажется…

Суслов (*закуривая*). А я вот — задыхаюсь… Ходят тут какие-то полуумные, ищут мальчиков, режиссеров…

Ольга Алексеевна. Да, да… Вы что — устали? У вас трясутся руки.

Суслов (*идет с нею обратно к даче Басова*). Это… оттого, что я много выпил вчера и плохо спал…

Ольга Алексеевна. Зачем вы пьете?

Суслов. Чтоб веселее жить…

Ольга Алексеевна. Вы мужа не встречали?

Суслов. Он у Басовых пьет чай…

Варвара Михайловна (*появляясь на террасе*). Ты ко

мне, Оля?

Ольга Алексеевна. Я гуляю…

Варвара Михайловна. А вы почему ушли, Петр Иванович?

Суслов (*усмехаясь*). По земле, как всегда, хожу… Надоело слушать речи господина писателя и почтенной Марии Львовны.

Варвара Михайловна. Да? Вам не интересно? А вот я слушаю.

Суслов (*пожимая плечами*). На здоровье… До свиданья пока… (*Идет к своей даче.*)

Ольга Алексеевна (*негромко*). Ты понимаешь, почему он такой?..

Варвара Михайловна. Нет… Мне не хочется понимать это. Идем в комнаты?

Ольга Алексеевна. Посиди со мной, там обойдутся и без тебя.

Варвара Михайловна. Несомненно. А ты опять расстроена?

Ольга Алексеевна. Могу ли я быть спокойной, Варя? Он приехал из города, заглянул на минутку домой и исчез… Меня это не может радовать, согласись…

Варвара Михайловна. Он у нас сидит.

Они медленно идут к группе елей.

Ольга Алексеевна (*раздраженно*). Он бегает от меня и детей. Я понимаю, он заработался, ему надо отдохнуть… Но ведь и я тоже устала… О, как я устала! Я ничего не могу делать, у меня все не ладится… это злит меня. Он должен помнить, что молодость мою, все мои силы я отдала ему.

Варвара Михайловна (*мягко*). Милая Оля… Мне кажется, что тебе нравится жаловаться… нет? я ошибаюсь?

Из комнат доносится глухой шум спора, он все возрастает.

Ольга Алексеевна. Не знаю… может быть! Я хочу сказать ему — пусть лучше я уеду… и дети…

Варвара Михайловна. Вот это так! Просто вам нужно отдохнуть друг от друга… Поезжай, я достану тебе денег.

Ольга Алексеевна. Ах, я так много должна тебе!

Варвара Михайловна. Пустяки это! Успокойся, сядем здесь.

Ольга Алексеевна. Я ненавижу себя за то, что не могу жить без твоей помощи… ненавижу! Ты думаешь, мне легко брать у тебя деньги… деньги твоего мужа?.. Нельзя уважать себя, если не умеешь жить… если всю жизнь нужно, чтобы кто-то помогал тебе, кто-то поддерживал тебя… Ты знаешь? Иногда

я не люблю и тебя… ненавижу! За то, что вот ты такая спокойная и все только рассуждаешь, а не живешь, не чувствуешь…

Варвара Михайловна. Голубчик мой, я только умею молчать… Я не могу себе позволить жалоб — вот и все!..

Ольга Алексеевна. Те, которые помогают, должны в душе презирать людей… Я сама хочу помогать.

На дачу Басовых быстро проходит Рюмин.

Варвара Михайловна. Чтобы презирать людей?

Ольга Алексеевна. Да! да! Я — не люблю их! Не люблю Марью Львовну, — зачем она всех так строго судит? Не люблю Рюмина, — он все философствует и ничего не смеет, не может. И мужа твоего не люблю: он стал мягкий, как тесто, он боится тебя; разве это хорошо? А твой брат… влюблен в эту резонерку, в эту злую Марью Львовну…

Варвара Михайловна (*удивленно, с упреком*). Ольга! Что с тобой? Это нехорошо! послушай…

Ольга Алексеевна. Да! да! Пускай нехорошо! А эта гордая Калерия!.. Говорит о красоте… а самой просто хочется замуж!

Варвара Михайловна (*строго и холодно*). Ольга! Ты не должна давать воли этому чувству… оно тебя заведет в такой темный угол…

Ольга Алексеевна (*негромко, но сильно и со злостью*). Мне все равно!.. Все равно, куда я приду, лишь бы выйти из этой скучной муки! Я жить хочу! Я не хуже других! Я все вижу, я не глупая… Я вижу, что ты тоже… о, я понимаю!.. Тебе хорошо жить. Да, твой муж богат… он не очень щепетилен в делах, твой муж… это все говорят про него. Ты должна знать это!.. Ты сама тоже… Ты устроилась как-то так, чтобы не иметь детей…

Варвара Михайловна (*медленно встает и смотрит в лицо Ольги изумленными глазами*). Устроилась? Ты… что ты хочешь сказать?..

Ольга Алексеевна (*смущенно*). Я ничего не говорю особенного… я только хотела сказать… мне муж говорил, что многие женщины не хотят детей…

Варвара Михайловна. Я не понимаю тебя, но я чувствую, — ты подозреваешь меня в чем-то гадком… Я не хочу знать, в чем именно…

Ольга Алексеевна. Варя, не говори так, не смотри на меня… Ведь это правда, твой муж… о нем дурно говорят!..

Варвара Михайловна (*вздрагивая, задумчиво*). Ты, Ольга, была мне как родная… Если бы я не знала, как тяжело тебе жить… если бы не помнила, что когда-то мы обе с тобой мечтали не о такой жизни…

Ольга Алексеевна (*искренно*). Ну, прости меня… прости. Я — злая…

Варвара Михайловна. Мечтали о хорошей, яркой жизни и вместе оплакали эти мечты… Мне очень больно, Ольга… Ты хотела этого? Мне больно!

Ольга Алексеевна. Не говори… не говори так, Варя!..

Варвара Михайловна. Я уйду…

Ольга Алексеевна встает.

Нет! не ходи за мной… не надо…

Ольга Алексеевна. Ты… навсегда… Варя?.. Ты — навсегда?..

Варвара Михайловна. Молчи… Подожди… Я не понимаю — за что ты меня?..

Двоеточие быстро сходит с террасы, хохочет и, подойдя к Варваре Михайловне, берет ее за руку.

Двоеточие. Сбежал я, сударыня! Красивенький философ — господин Рюмин — загонял меня до полного конфуза! В премудростях я не смышлен и противиться ему никак не могу… Так и увяз я в речах его… точно таракан в патоке… Сбежал, ну его!.. Лучше с вами потолкую… уж очень вы мне, старому лешему, нравитесь, право! А что у вас личико эдакое… как бы опрокинутое? (*Смотрит на Ольгу Алексеевну. Смущенно крякает.*)

Ольга Алексеевна (*кротко*). Мне уйти, Варя?

Варвара Михайловна (*твердо*). Да…

Ольга Алексеевна быстро идет в глубину сцены. Варвара Михайловна смотрит ей вслед, обращается к Двоеточию.

Вы говорите… что такое? Простите… я…

Двоеточие (*дружески, просто*). Эх, сударыня! Смотрю я на вас: нехорошо вам тут, понимаете? Нехорошо, правда? (*Хохочет.*)

Варвара Михайловна (*оглядывая его с головы до ног, спокойно, ровно*). Послушайте, Семен Семенович, вы не можете объяснить мне, кто дал вам право говорить со мной… в этом странном тоне?

Двоеточие. Хо-хо-хо! Э! бросьте! Право это дает мне старость моя и — опыт мой.

Варвара Михайловна. Извините меня… но, мне кажется… этого слишком мало, чтобы так бесцеремонно вторгаться…

Двоеточие (*добродушно*). Никуда я не вторгаюсь, а вижу я — чужая вы всем тут… и я чужой… ну вот, и того… понимаете… захотелось мне сказать вам что-то… ну, видно, не сумел… извините, коли так…

Варвара Михайловна (*усмехаясь*). Простите и вы меня… я, кажется, грубо сказала вам… но, право, мне

странно, я не привыкла к такому отношению.

Двоеточие. Понимаю… Вижу, что не привыкли… где тут привыкнуть! Пойдемте погуляем, а? Уважьте старика!..

Семенов влетает на велосипеде и подкатывается прямо к ногам Двоеточия.

Двоеточие (*испуганно*). Куда вы, сударь мой? Что вы?

Семенов (*задыхаясь*). Извините… уже кончилась?..

Двоеточие. Что кончилось?.. Бог с вами!

Семенов. Такая досада!.. Лопнула шина!.. Я, видите, сегодня на двух репетициях…

Двоеточие. Да мне-то какое дело до этого?..

Семенов. Вы не участвуете? Извините! Я думал, вы в гриме…

Двоеточие (*Варваре Михайловне*). Что такое?

Варвара Михайловна (*Семенову*). Вы на репетицию?

Семенов. Да, и вот…

Варвара Михайловна. Еще не начинали.

Семенов (*радостно*). О, благодарю вас! Это очень досадно… я всегда так аккуратен!

Двоеточие. Чего же вам досадно?

Семенов (*любезно*). То есть было бы досадно, если бы я опоздал… Извиняюсь. (*Отходит, расклани-*

ваясь, к сцене.)

Двоеточие. Вот чудовищное насекомое! Наехал… Извольте радоваться! Уйдемте прочь отсюда, Варвара Михайловна, а то еще наскочит какой-нибудь эдакий… брандахлыст!

Варвара Михайловна (*рассеянно*). Пойдемте… я возьму платок… я сейчас. (*Уходит на дачу.*)

Семенов подходит к Двоеточию.

Семенов. Там еще едут… две барышни и юнкер…

Двоеточие. Ага? Едут? Приятно мне слышать это…

Семенов. Они должны сейчас явиться… Знаете, это тот юнкер, у которого сестра застрелилась…

Двоеточие. Тот самый… Скажите!..

Семенов. Не правда ли, какой сенсационный случай… барышня и вдруг — стреляется?

Двоеточие. М-да… Действительно… случай…

Семенов. А я подумал, что вы в гриме… У вас такие волосы и лицо, точно грим.

Двоеточие. Покорно вас благодарю…

Семенов. Я не льщу вам… поверьте…

Двоеточие. Я — верю… Только не понимаю… чем тут… польстить можно?

Семенов. Как же! В гриме человек всегда красивее, чем в натуре. А скажите, вы не декоратор, нет?

Из леса выходит Суслов, в глубине сцены яв-

ляются дама в желтом и молодой человек в клетчатом костюме.

Двоеточие. Нет… я просто дядя вон этого господина…

Дама в желтом. Господин Сазанов!

Семенов. Это меня зовут. Вот, знаете, странно… у меня такая простая фамилия, а никто ее не запоминает… До свиданья! (*Идет на зов, оживленно кланяясь даме.*)

Суслов (*подходит*). Жену не видали?

Двоеточие отрицательно качает головой и облегченно вздыхает.

На даче собрались эти… артисты…

Двоеточие. Ко мне вот этот репей пристал… декоратором меня назвал… Спиноза* тонконогая! Тоже место на земле занимает!.. Опять спорят! Ну!

Из комнат дачи выходят: Калерия, Шалимов, Рюмин, Варвара Михайловна. Двоеточие идет им навстречу, внимательно слушает спор. Суслов садится на его место, угрюмо глядя на спорящих.

Шалимов (*утомленно*). Нет, я готов бежать от нее на Северный полюс… невыносимо горяча она!

Рюмин. Меня положительно возмущает ее деспотизм. Люди этого типа преступно нетерпимы…

Почему они полагают, что все должны принимать их верования?

Варвара Михайловна (*пристально смотрит на всех*). Укажите им что-нибудь более великое и красивое, чем эти верования!

Калерия. Ты называешь великим и красивым эти холодные, лишенные поэзии мечты о всеобщей сытости?

Варвара Михайловна (*волнуясь*). А я не знаю... Я не вижу ничего более яркого...

Шалимов внимательно прислушивается к словам Варвары Михайловны.

Я не умею говорить... Но, господа, я сердцем чувствую: надо, необходимо пробудить в людях сознание своего достоинства, во всех людях... во всех! Тогда никто из нас не будет оскорблять другого... Ведь мы не умеем уважать человека, и это так больно... обидно...

Калерия. Ах, Боже мой! Да не Марья же Львовна может научить этому!

Варвара Михайловна. Вы все относитесь к ней так враждебно... Зачем?

Рюмин. Она сама — прежде всех!.. Она раздражает... Когда я слышу, как люди определяют смысл жизни, мне кажется, что кто-то грубый, сильный

обнимает меня жесткими объятиями и давит, хочет изуродовать…

Калерия. Как тяжело, тесно жить среди таких людей!

Варвара Михайловна. А среди людей, которые всё только жалуются на жизнь, — весело, легко, Калерия? Будем справедливы… разве легко и свободно жить среди людей, которые всё только стонут, всё кричат о себе, насыщают жизнь жалобами и ничего, ничего больше не вносят в нее?.. Что вносим в жизнь все мы… вы, я, ты?..

Рюмин. А она?.. А Марья Львовна? Вражду?

Калерия. Забытые слова — забыты, и прекрасно! Живые люди не могут жить заветами покойников.

Около сцены собираются любители. Пустобайка на сцене расставляет стулья.

Двоеточие. А вам бы, Варвара Михайловва, не волноваться так, а? Прекратить бы разговорец-то? Пойдемте гулять… вы обещали.

Варвара Михайловна. Да… я пойду! Я не умею сказать, что чувствую… что хочу… не умею! Как это обидно… быть умственно немой…

Шалимов. Свидетельствую, что это неправда… Вы позволите идти с вами?

Варвара Михайловна. Пожалуйста, идите…

Двоеточие. Пойдемте к речке… в беседку. Чего вы горячитесь, сударыня моя?

Варвара Михайловна. Ах… я чувствую какое-то тяжелое недоразумение.

Уходят по дороге в лес. Суслов смотрит вслед им и усмехается.

Рюмин (*смотрит им вслед*). Как она оживилась… когда приехал этот… Шалимов… Как она говорит! А что такое он? Ведь она видит, — он исписался, потерял почву под собой… и когда он говорит уверенно, он лжет себе, обманывает других.

Калерия. Она это знает; вчера вечером, после разговора с ним, она плакала, как разочарованное дитя… Да… Издали он казался ей сильным, смелым, она ожидала, что он внесет в ее пустую жизнь что-то новое, интересное…

Из-за угла дачи Басова идут Замыслов и Юлия Филипповна. Он что-то шепчет ей, она смеется. Суслов это видит.

Рюмин. Пойдемте в комнаты. Сыграйте что-нибудь, пожалуйста… хочется музыки…

Калерия. Пойдемте… Да, грустно жить, когда кругом тебя всё так…

Юлия Филипповна. Смотрите: артисты наши уже пришли. Репетиция в шесть, а теперь?

Замыслов. А теперь семь с половиной. Но раньше опаздывали только вы, а теперь — все. Плоды вашего влияния.

Юлия Филипповна. Это — дерзость?..

Замыслов. Это — комплимент. Я на секунду забегу к патрону, вы позволите?

Юлия Филипповна. Скорее!

Замыслов уходит на дачу Басовых, Юлия Филипповна — к группе деревьев; напевая, видит мужа.

Суслов. А, где была?

Юлия Филипповна. Там... И там...

Около сцены дама в желтом, молодой человек, Семенов, юнкер и две барышни. На сцене Пустобайка с грохотом ставит стол. Смех, отдельные восклицания: «Господа!» — «Где режиссер?» — «Господин Степанов!» — «Он здесь, я видел». — «Опоздаем мы в город!» — «Извините — Семенов, а не Степанов!»

Суслов. Всё с ним?.. С этим... так открыто... чем ты рисуешься, Юлия? Надо мной уже смеются. Ты понимаешь?

Юлия Филипповна. Уже смеются?.. Это скверно...

Суслов. Нам нужно объясниться... Я не могу позволить тебе...

Юлия Филипповна. Мне не улыбается роль жены человека, над которым смеются...

Суслов. Берегись, Юлия!.. Я способен...

Юлия Филипповна. Быть грубым, как извозчик? — я знаю...

Суслов. Не смей говорить так! Развратная!

Юлия Филипповна (*негромко, спокойно*). Мы кончим эту сцену дома. Сюда идут... Ты ушел бы... У тебя такое лицо... (*Брезгливо вздрагивает.*)

Суслов делает шаг к ней, но быстро отступает и, сказав сквозь зубы свою фразу, исчезает в лесу.

Суслов. Когда-нибудь... я застрелю тебя!..

Юлия Филипповна (*вслед ему*). Это — не сегодня? да? (*Напевает.*) «Уже утомившийся день...»* (*Голос у нее дрожит.*) «...Склонился в багряные воды...» (*Смотрит широко открытыми глазами вперед и медленно опускает голову.*)

С дачи Басова выходят: Марья Львовна, очень взволнованная, Дудаков и Басов с удочками.

Басов (*распутывая лесу*). Уважаемая... Надо быть мягче, надо быть добрее... все мы — люди... Черт

бы взял того, кто спутал мои удочки!..

Марья Львовна. Позвольте!

Дудаков. Видите ли, человек устает…

Басов. Нельзя же так, уважаемая! По-вашему, выходит, что если писатель, так уж это непременно какой-то эдакий… герой, что ли? Ведь это, знаете, не всякому писателю удобно.

Марья Львовна. Мы должны всегда повышать наши требования к жизни и людям.

Басов. Это так… Повышать — да! Но в пределах возможного… Всё совершается постепенно… Эволюция! Эволюция! Вот чего не надо забывать!

Марья Львовна. Я не требую… невозможного… Но мы живем в стране, где только писатель может быть глашатаем правды, беспристрастным судьею пороков своего народа и борцом за его интересы… Только он может быть таким, и таким должен быть русский писатель…

Басов. Ну да, конечно… однако…

Марья Львовна (*сходит с террасы*). Я этого не вижу в вашем друге, не вижу, нет! Чего он хочет? Чего ищет? Где его ненависть? Его любовь? Его правда? Кто он: друг мой? враг? Я этого не понимаю… (*Быстро уходит за угол дачи.*)

Басов (*распутывая удочки*). Уважаю я вас, Марья Львовна, за эту… кипучесть… Исчезла?.. Нет, вы

скажите мне — чего она горячится? Ведь даже гимназистам известно, что писатель должен быть честен… ну, и там… действовать насчет народа и прочее, а солдат должен быть храбр, адвокат же умен… Так нет, эта неукротимая женщина все-таки долбит зады… Пойдемте, милый доктор, поймаем окуня… Кто это спутал удочки? Черт!

Дудаков. Д-да… много она говорит, по-умному… Очень просто жить ей… Практика у нее есть, потребности небольшие.

Басов. А этот Яшка — шельмец! Вы заметили, как он ловко выскальзывал, когда она припирала его в угол? (*Смеется.*) Красиво говорит он, когда в ударе! А хоть и красиво… однако после своей первой жены, с которой, кстати сказать, он и жил всего полгода… а потом бросил ее…

Дудаков. То есть разошелся, говорят в этих случаях.

Басов. Ну, скажем, разошелся… а теперь вот, когда она умерла, хочет ее именьишко к своим рукам прибрать. Ловко?

Дудаков. Н-но! Очень неловко. Это лишнее!..

Басов. А он вот находит, что не лишнее… дорогой мой доктор! Идем на реку…

Дудаков. А знаете что?..

Басов. Что именно?

Дудаков (*задумчиво, медленно*). Вам не странно, то есть вас не удивляет, что мы не опротивели друг другу, а?

Басов (*останавливается*). Что-о? Вы это серьезно?

Дудаков. Вполне серьезно… Ведь ужасно пустые люди все мы… вам не кажется это?

Басов (*идет*). Нет, не кажется… Я здоров… Я вообще нормальный человек, извините…

Дудаков. Нет… вы без шуток…

Басов. Шутки? Послушайте… вы, того, доктор… одним словом: врачу, исцелися сам!* Кстати, спрошу вас — вы меня в воду не столкнете, а?

Дудаков (*серьезно, пожимая плечами*). Зачем же?

Басов (*идет*). А так… вообще… странное у вас… настроение.

Дудаков (*угрюмо*). Трудно говорить серьезно с вами…

Басов. И не говорите… не надо! А то вы очень уж оригинально понимаете серьезный разговор… Не будем говорить серьезно!

Басов и Дудаков уходят. Справа выходят Соня и Влас. Из дачи Басова — Замыслов, он торопливо бежит к сцене, его встречают шумом. Около него собирается тесная группа, он что-то объясняет.

Соня. Не верю я в ваши стихи.

Влас. И напрасно… у меня есть талантливые вещицы, например:

Как персик, так и ананас
Природой создан не для нас.
О Влас! Не пяль напрасно глаз
На персик и на ананас!

Соня (*смеясь*). Зачем вы тратите себя на пустяки? Почему бы вам не попробовать отнестись к себе более серьезно?

Влас (*тихо, таинственно*). Премудрая София, я пробовал! У меня даже есть стихотворение, написанное по поводу этих проб. (*Напевает гнусаво и негромко на мотив «Под вечер осенью ненастной»*.)

Велик для маленького дела,
Для дела крупного я – мал!

Соня (*серьезно*). Бросьте это! Ведь я чувствую, вам совсем не хочется дурить… Скажите мне, как бы вы хотели жить?

Влас (*с жаром*). Хорошо! Очень хорошо хочу я жить!

Соня. Что же вы делаете для этого?

Влас (*уныло*). Ничего! совершенно ничего не делаю я!

Марья Львовна (*из леса*). Соня!

Соня. Я — здесь. Ты что?

Марья Львовна. Иди домой… К тебе приехали гости…

Соня. Иду…

Марья Львовна подходит.

Поручаю тебе этого гримасника. Он городит чепуху и требует, чтобы его хорошенько отчитали за это. (*Убегает.*)

Влас (*покорно*). Ну, начинайте… Дщерь ваша пиявила меня всю дорогу от станции до сего пункта, но я еще дышу.

Марья Львовна (*ласково*). Голубчик! Зачем делать из себя шута? Зачем унижать себя… Кому это нужно?

Влас (*не глядя на нее*). Не нужно, говорите вы… Но — никто не смеется, а я хочу, чтобы смеялись. (*Вдруг — горячо, просто, искренно.*) Тошно мне, Марья Львовна, нелепо мне… Все эти люди… я их не люблю… не уважаю: они жалкие, они маленькие, вроде комаров… Я не могу серьезно говорить с ними… они возбуждают во мне скверное желание кривляться, но кривляться более

открыто, чем они… У меня голова засорена каким-то хламом… Мне хочется стонать, ругаться, жаловаться… Я, кажется, начну пить водку, черт побери! Я не могу, не умею жить среди них иначе, чем они живут… и это меня уродует… И я отравлюсь пошлостью. Вот они… Слышите? — идут! Иногда я смотрю на них с ужасом… Уйдемте! Я хочу, так жадно хочу говорить с вами!..

Марья Львовна (*берет его под руку*). Если бы вы знали, как я рада видеть вас таким…

Влас. Вы не поверите — порой так хочется крикнуть всем что-то злое, резкое, оскорбительное…

Уходят в лес. Шалимов, Юлия Филипповна и Варвара Михайловна выходят с правой стороны.

Шалимов. Ай, опять серьезные слова — пощадите! Я устал быть серьезным… Я не хочу философии — сыт. Дайте мне пожить растительной жизнью, укрепить нервы… Я хочу гулять, ухаживать за дамами…

Юлия Филипповна. Вы ухаживаете за дамами, не беспокоя своих нервов? Это, должно быть, оригинально… Почему же вы не ухаживаете за мной?

Шалимов. Не премину воспользоваться вашим любезным разрешением…

Юлия Филипповна. Я не разрешаю, а спрашиваю…

Шалимов. Но все-таки я буду смотреть на вопрос ваш как на любезное разрешение.

Юлия Филипповна. Ну, хорошо, оставим это… Отвечайте на мой вопрос… Но — правдиво!

Шалимов. Извольте: я допускаю дружбу с женщиной, но не считаю ее устойчивой… природу не обманешь!

Юлия Филипповна. Иначе — вы допускаете дружбу только как предисловие к любви?

Шалимов. Любовь!.. Я смотрю на нее серьезно… Когда я люблю женщину, я хочу поднять ее выше над землей… Я хочу украсить ее жизнь всеми цветами чувства и мысли моей…

Замыслов (*у сцены*). Юлия Филипповна! Пожалуйте!

Юлия Филипповна. Иду! Пока до свиданья, господин цветовод! Приведите в порядок вашу оранжерею… (*Идет к сцене.*)

Шалимов. Немедленно! Какая милая, веселая… Вы что так странно смотрите на меня, Варвара Михайловна?

Варвара Михайловна. К вам удивительно идут ваши усы…

Шалимов (*улыбаясь*). Да? Благодарю вас. Вам не нравится мой тон? Вы строги… Но — право же, с ней как-то неловко говорить в ином тоне…

Варвара Михайловна. Я, кажется, теряю способность удивляться…

Шалимов. Я понимаю — вам странно видеть меня таким? да? Но ведь нельзя же быть столь крикливо откровенным, как истеричный господин Рюмин… О, простите! — это, кажется… ваш… друг?

Варвара Михайловна (*отрицательно качает головой*). У меня нет друзей…

Шалимов. Я слишком уважаю жизнь своей души для того, чтобы открывать ее пред… каждым любопытным человеком. Пифагорейцы* сообщали свои тайны только избранным…

Варвара Михайловна. Вот, ваши усы становятся лишними на вашем лице!

Шалимов. Э! Что усы! Оставим их в покое. Вы знаете пословицу: с волками жить — по-волчьи выть? Это, скажу вам, недурная пословица. Особенно для того, кто выпил до дна горькую чашу одиночества… Вы, должно быть, еще не вполне насладились им… и вам трудно понять человека, который… Впрочем, не смею задерживать вас…

Кланяется и идет к сцене, где собравшаяся публика молча смотрит, как Замыслов, с книгой в руке, тоже молча крадется по сцене, показывая Семенову, как надо играть. Из дачи поспешно

идет Басов с удочками.

Басов. Варя! Какой клев! Изумительно! Доктор, при всей его неспособности, и то — сразу — бац! Вот какого окуня!.. Дядя — трех... (*Оглядывается.*) Ты знаешь, сейчас иду сюда, и вдруг — представь себе! Там, около беседки, у сухой сосны, Влас на коленях перед Марьей Львовной! И целует руки!.. Каково? Голубчик мой, скажи ты ему — ведь он же мальчишка! Ведь она ему в матери годится!

Варвара Михайловна (*негромко*). Сергей, послушай: пожалуйста, молчи об этом... ни слова никому! Ты не понимаешь!.. Ты неверно понял... Я боюсь, ты расскажешь всем... и это будет нехорошо — пойми.

Басов. Что ты волнуешься так? Ну, не надо говорить и не надо! Но как это глупо, а? И Марья Львовна...

Варвара Михайловна. Дай мне честное слово, что ты забудешь об этом! Дай!

Басов. Честное слово?.. Даю... Черт с ними! Но объясни мне...

Варвара Михайловна. Я ничего не могу объяснить... но я знаю, что это не то, о чем ты думаешь... это — не роман!..

Басов. Ага! М-да! Не роман? Гм! А что же, Варя? Ну, ну, молчу, не волнуйся! Я иду ловить окуней

и — ничего не видал! Ах да, постой! Ты знаешь, этот Яшка, — вот скотина, а?

Варвара Михайловна (*испуганно*). Что такое, Сергей? Что еще?

Басов. Да что ты так… курьезно относишься ко всему? Эта история совсем в другом роде…

Варвара Михайловна (*негромко, брезгливо*). Послушай… Я ничего не хочу знать… пойми меня! Не хочу, Сергей!

Басов (*удивленно, быстро*). Да ничего особенного нет, чудачка ты… Что с тобой? Просто он хочет оттягать землю у сестры своей покойной жены, с которой он…

Варвара Михайловна (*брезгливо, с болью*). Прошу тебя — молчи!.. Прошу тебя! Неужели ты не понимаешь… не говори, Сергей!

Басов (*обиженно*). Тебе надо лечить нервы, Варя! Извини, но — странно ты ведешь себя… И даже обидно!.. да!

Басов быстро уходит, Варвара Михайловна тихо идет к террасе. Около сцены шум, смех.

Замыслов. Сторож! Где фонарь?

Юлия Филипповна. Господин Сомов! Где моя роль?

Семенов. Семенов, если позволите!

Юлия Филипповна. Пожалуйста!

Замыслов. Внимание, господа! Мы начинаем!

Занавес

Действие третье

Поляна в лесу. В глубине ее, под деревьями, вокруг ковра, уставленного закусками и бутылками, расположились: Басов, Двоеточие, Шалимов, Суслов, Замыслов; направо от них, в стороне, большой самовар; около него Саша моет посуду, лежит Пустобайка и курит трубку, около него — весла, корзины, железное ведро. На первом плане с левой стороны — разбитая копна сена и большой пень, с корнем вывороченный из земли. На сене сидят: Калерия, Варвара Михайловна и Юлия Филипповна. Басов рассказывает что-то вполголоса, мужчины внимательно слушают его. С правой стороны иногда доносится голос Сони, бренчит балалайка, кто-то играет на гитаре. Вечереет.

Юлия Филипповна. Скучен наш пикник.

Калерия. Как наша жизнь.

Варвара Михайловна. Мужчинам — весело.

Юлия Филипповна. Они много выпили и теперь, вероятно, рассказывают друг другу неприличные анекдоты.

Пауза. Соня: «Не так… Медленнее!» Звучит гитара. Двоеточие хохочет.

Юлия Филипповна. Я тоже выпила… но это меня не веселит, напротив… когда я выпью рюмку крепкого вина, я чувствую себя более серьезной… жить мне — хуже… и хочется сделать что-то безумное.

Калерия (*задумчиво*). Всё — спутано… неясно… и пугает…

Варвара Михайловна. Что пугает?

Калерия. Люди… Ненадежные они все… Никому не веришь…

Варвара Михайловна. Да. Именно ненадежны. Я понимаю тебя.

Басов с армянским акцентом: «Зачем, душа моя? Мне и так очень превосходно». Общий смех мужчин.

Калерия. Нет, не понимаешь! И я тебя не понимаю. И никто никого не понимает… не хочет понять… Люди блуждают, как льдины в холодном море севера… сталкиваются друг с другом…

Двоеточие встает и уходит направо.

Юлия Филипповна (*тихо поет*).

Уже утомившийся день

Склонился в багряные воды…

Когда Варвара Михайловна начинает говорить, Юлия Филипповна перестает петь и пристально смотрит ей в лицо.

Варвара Михайловна. Жизнь — точно какой-то базар. Все хотят обмануть друг друга: дать меньше, взять больше.

Юлия Филипповна.

Темнеют лазурные своды,
Прозрачная стелется тень.

Калерия. Каковы должны быть люди… чтобы смотреть на них было не так… скучно?

Варвара Михайловна. Честнее они должны быть!.. И смелее…

Калерия. Определеннее они должны быть. Варя! Во всяком случае, во всех отношениях определеннее они должны быть.

Юлия Филипповна. Бросьте рассуждать! Это не забавно. Давайте петь…

Варвара Михайловна. Славный дуэт пели вы, Юлия Филипповна.

Юлия Филипповна. Да, хороший… Чистый!.. Я люблю всё чистое… Вы не верите? Люблю, да… Смотреть люблю на чистое… слушать… (*Смеется.*)

Калерия. У меня в душе растет какая-то серая злоба… серая, как облако осени… Тяжелое облако злобы давит мне душу, Варя… Я никого не люблю, не хочу любить!.. И умру смешной старой девой.

Варвара Михайловна. Перестань, милая! Так тоскливо…

Юлия Филипповна. Быть замужем — то-же сомнительное удовольствие… На вашем месте я вышла бы замуж за Рюмина… Он немножко кисленький, но…

Соня: «Подождите! Ну, начинайте! Нет, начинает мандолина». Дуэт мандолины и гитары.

Калерия. Он резиновый…

Варвара Михайловна. Почему-то мне вспомнилась одна грустная песенка… Ее, бывало, пели прачки в заведении моей матери… Я тогда была маленькая, училась в гимназии. Помню, придешь домой, прачешная полна серого, удушливого пара… в нем качаются полуодетые женщины и негромко, устало поют:

Ты, родная моя матушка,
Пожалей меня, несчастную,—
Тяжело мне у чужих людей,
*В злой неволе сердце высохло.**

И я плакала, слушая эту песню…

Басов: «Саша! дайте-ка пива... и портвейна...»

Хорошо я жила тогда! Эти женщины любили меня... Помню, вечерами, кончив работать, они садились пить чай за большой, чисто вымытый стол... и сажали меня с собою, как равную.

Калерия. Ты скучно говоришь, Варя! Скучно, как Марья Львовна...

Юлия Филипповна. Милые мои женщины, плохо мы живем!

Варвара Михайловна (*задумчиво*). Да, плохо... И не знаем, как надо жить лучше. Моя мать всю жизнь работала... Какая она добрая была... какая веселая! Ее все любили. Она сделала меня образованной... Как она радовалась, когда я кончила гимназию! В то время она уже не могла ходить — у нее был ревматизм... Умирала она спокойно... и говорила мне: «Не плачь, Варя, ничего! Мне — пора... пожила, поработала, будет!» В ее жизни было больше смысла, чем в моей. А вот мне — неловко жить... Мне кажется, что я зашла в чужую сторону, к чужим людям и не понимаю их жизни!.. Не понимаю я этой нашей жизни, жизни культурных людей. Она кажется мне непрочной, неустойчивой, поспешно сделанной на время, как делаются на ярмарках балаганы... Эта жизнь — точно лед над живыми волнами ре-

ки: он крепок, он блестит, но в нем много грязи… много постыдного… нехорошего… Когда я читаю честные, смелые книги, мне кажется — восходит горячее солнце правды… лед тает, обнажая грязь внутри себя, и волны реки скоро сломают его, раздробят, унесут куда-то…

Калерия (*брезгливо, с досадой*). Почему ты не бросишь мужа? Это такой пошляк, он тебе совершенно лишний…

Варвара Михайловна с недоумением смотрит на Калерию.

Калерия (*настойчиво*). Брось его и уходи куда-нибудь… учиться иди… влюбись… только уйди!

Варвара Михайловна (*встает, с досадой*). Как это грубо…

Калерия. Ты можешь: у тебя нет отвращения к грязному, тебе нравятся прачки… ты везде можешь жить…

Юлия Филипповна. Вы очень мило говорите о своем брате…

Калерия (*спокойно*). Да! Хотите, я скажу вам что-нибудь такое же о вашем муже?

Юлия Филипповна (*усмехаясь*). Скажите! Вероятно, я не обижусь. Я сама часто говорю ему кое-что, от чего он бесится… Он мне платит тем же… Еще

недавно он сказал в лицо мне, что я — развратна...

Варвара Михайловна. И вы... Что же вы?

Юлия Филипповна. Я не возражала. Не знаю... не знаю я, что такое разврат, но я очень любопытна. Скверное такое, острое любопытство к мужчине есть у меня.

Варвара Михайловна встает, отходит шага на три в сторону.

Я красива — вот мое несчастие. Уже в шестом классе гимназии учителя смотрели на меня такими глазами, что я чего-то стыдилась и краснела, а им это доставляло удовольствие, и они вкусно улыбались, как обжоры перед гастрономической лавкой.

Калерия (*вздрагивая*). Брр... Какая гадость!

Юлия Филипповна. Да. Потом меня просвещали замужние подруги... Но больше всех — я обязана мужу. Это он изуродовал мое воображение... он привил мне чувство любопытства к мужчине. (*Смеется.*)

От группы мужчин отделяется Шалимов и медленно идет к женщинам.

А я уродую ему жизнь. Есть такая пословица:

взявши лычко — отдай ремешок.

Шалимов (*подходя*). Славная пословица! Несомненно, ее создал щедрый и добрый человек… Варвара Михайловна, не хотите ли пройтись к реке?

Варвара Михайловна. Пожалуй… Пойдемте…

Шалимов. Позволите предложить вам руку?

Варвара Михайловна. Нет, спасибо… я не люблю.

Шалимов. Какое у вас грустное лицо. Вы не похожи на вашего брата… он весельчак. Забавный юноша…

Уходят направо.

Калерия. Среди нас нет людей, довольных жизнью. Вот вы… такая всегда веселая, а между тем…

Юлия Филипповна. Вам нравится этот господин? В нем для меня есть что-то нечистое! Должно быть, холодный, как лягушка… Пойдемте и мы к реке.

Калерия (*вставая*). Пойдемте! все равно.

Юлия Филипповна. Он, должно быть, немножко увлекается ею. А действительно, какая она чужая всем! И так странно-пытливо смотрит на всех… Что она хочет видеть? Я ее люблю… но боюсь… Она — строгая… чистая…

Уходят. С правой стороны раздаются громкие крики и смех. Кричат: «Лодку! Скорее! Где весла? Весла!» Пустобайка медленно встает и, положив

весла на плечо, хочет идти. Суслов и Басов бегут на шум. Замыслов подскакивает к Пустобайке и вырывает у него весло.

Замыслов. Живее, черт тебя возьми! Слышишь — должно быть, несчастье, а ты… рожа! (*Убегает.*)

Пустобайка (*идет вслед ему и ворчит*). Кабы несчастье, небойсь не так бы завопили… Тоже… герои!.. Поскакал…

Несколько секунд сцена пуста. Слышны крики: «Не бросайте камнями! Держите! Веслом!» Смех. С левой стороны быстро входят Марья Львовна и Влас, оба взволнованные.

Марья Львовна (*возбужденно, но негромко*). Оставьте это, слышите? Я не хочу. Не смейте говорить со мной так! Разве я дала вам право?..

Влас. Я буду говорить! Буду!

Марья Львовна (*протягивая руки вперед, как бы желая оттолкнуть Власа*). Я требую уважения к себе!

Влас. Я вас люблю… люблю вас! Безумно, всей душой люблю ваше сердце… ваш ум люблю… и эту строгую прядь седых волос… ваши глаза и речь…

Марья Львовна. Молчите! Не смейте!

Влас. Я не могу жить… вы нужны мне, как воздух, как огонь!

Марья Львовна. О Боже мой… разве нельзя без этого?.. Нельзя?

Влас (*схватив руками свою голову*). Вы подняли меня в моих глазах… Я блуждал где-то в сумраке… без дороги и цели… Вы научили меня верить в свои силы…

Марья Львовна. Уйдите, не надо мучить меня! Голубчик! Не надо мучить меня!

Влас (*на коленях*). Вы уже много дали мне — этого еще мало все-таки! Будьте щедры, будьте великодушны! Я хочу верить, хочу знать, что я сто́ю не только внимания вашего, но и любви! Я умоляю вас — не отталкивайте меня!..

Марья Львовна. Нет, это я вас умоляю! Уйдите! Потом… После я отвечу вам… не сейчас… И — встаньте! Встаньте, я вас прошу!

Влас (*встает*). Поверьте — мне необходима ваша любовь!.. Я так запачкал свое сердце среди всех этих жалких людей… мне нужен огонь, который выжег бы всю грязь и ржавчину моей души!..

Марья Львовна. Имейте хоть немного уважения ко мне!.. Ведь я — старуха! Вы это видите! Мне нужно, чтобы вы ушли теперь… Уйдите!

Влас. Хорошо!.. Я ухожу… Но потом, после — вы скажете мне.

Марья Львовна. Да… да… потом… идите!

Влас быстро идет в лес направо и сталкивается с сестрой.

Варвара Михайловна. Тише!.. Что с тобой?..

Влас. Это… ты?.. Прости!..

Марья Львовна (*протягивая руки навстречу Варваре Михайловне.*) Дорогая моя! Идите ко мне!..

Варвара Михайловна. Что с вами? Он вас оскорбил?

Марья Львовна. Нет… то есть да… Оскорбил?.. Я ничего, ничего не понимаю!

Варвара Михайловна. Вы сядьте… Что случилось?

Марья Львовна. Он сказал мне… (*Смеется, растерянно глядя в лицо Варваре Михайловне.*) Он… сказал мне… что любит меня! А у меня седые волосы… и зубы вставлены… три зуба! О друг мой, я старуха! Разве он не видит этого? Моей дочери восемнадцать лет! Это невозможно!.. Это ненужно!..

Варвара Михайловна (*волнуясь*). Милая моя! Славная! Вы не волнуйтесь! Расскажите… вы такая…

Марья Львовна. Я никакая! Как все мы… Я несчастная баба! Помогите мне! Его надо оттолкнуть от меня… Я не могу этого сделать… я — уеду!..

Варвара Михайловна. Я вас понимаю… Вам жалко его… он вам не нравится… Бедный Власик!

Марья Львовна. Ах! Я все лгу вам! Мне не его жалко… Мне себя жалко!..

Варвара Михайловна (*быстро*). Нет… Почему?

Соня выходит из леса и стоит несколько секунд за копной. В руках у нее цветы, она хочет осыпать ими мать и Варвару Михайловну. Слышит слова матери, делает движение к ней и, повернувшись, неслышно уходит.

Марья Львовна. Я его люблю!.. Вам это смешно? Ну да… я люблю… Волосы седые… а жить хочется! Ведь я — голодная! Я не жила еще… Мое замужество было трехлетней пыткой… Я не любила никогда! И вот теперь… мне стыдно сознаться… я так хочу ласки! нежной, сильной ласки, — я знаю — поздно! Поздно! Я прошу вас, родная моя, помогите мне! Убедите его, что он ошибается, не любит!.. Я уже была несчастна… я много страдала… довольно!

Варвара Михайловна. Славная вы моя! Я не понимаю вашего страха! Если вы любите его и он любит вас — что же? Вы боитесь будущего страдания, но ведь, может быть, это страдание далеко впереди!

Марья Львовна. Вы думаете, это возможно? А моя дочь? Соня моя? А годы? Проклятые годы мои? И эти седые волосы? Ведь он страшно молод! Пройдет год — и он бросит меня… О, нет, я не хочу унижений…

Варвара Михайловна. Зачем взвешивать… рассчитывать!.. Как мы все боимся жить! Что это значит,

скажите, что это значит? Как мы все жалеем себя! Я не знаю, что говорю… Может быть, это дурно и нужно не так говорить… Но я… я не понимаю!.. Я бьюсь, как большая глупая муха бьется о стекло… желая свободы… Мне больно за вас… Я хотела бы хоть немножко радости вам… И мне жалко брата! Вы могли бы сделать ему много доброго! У него не было матери… Он так много видел горя, унижений… вы были бы матерью ему…

Марья Львовна (*опуская голову*). Матерью… да! Только матерью… я понимаю вас… Спасибо!

Рюмин
Двоеточие
Марья Львовна

Варвара Михайловна (*торопливо*). Нет… вы не поняли… я не говорила…

Рюмин выходит из леса с правой стороны, видит женщин, останавливается, кашляет. Они его не слышат — он подходит ближе.

Марья Львовна. Вы не хотели сказать — и невольно сказали простую, трезвую правду… Матерью я должна быть для него… да! Другом! Хорошая вы моя… мне плакать хочется… я уйду! Вон, смотрите, стоит Рюмин. У меня, должно быть, глупое лицо… растерялась старушка! (*Тихо, устало идет в лес.*)

Варвара Михайловна. Я иду с вами.

Рюмин (*быстро*). Варвара Михайловна! Могу я попросить вас остаться? Я не задержу вас долго!

Варвара Михайловна. Я догоню вас, Марья Львовна, идите к сторожке. Что вы хотите сказать, Павел Сергеевич?

Рюмин (*оглядываясь*). Сейчас… Я скажу… (*Опускает голову и молчит.*)

Варвара Михайловна. Почему вы так таинственно оглядываетесь? Что такое?

В глубине сцены проходит Суслов с правой стороны на левую, он что-то напевает. Слышен голос Басова: «Влас, вы хотели читать стихи. Куда

же вы?»

Рюмин. Я… начну сразу… Вы давно знаете меня…

Варвара Михайловна. Четыре года. Но что с вами?

Рюмин. Я волнуюсь немножко… мне страшно! Я не могу решиться сказать эти слова… Я хотел бы… чтоб вы…

Варвара Михайловна. Не понимаю! Что мне нужно сделать?

Рюмин. Догадаться… Только догадаться!..

Варвара Михайловна. О чем? Вы говорите проще…

Рюмин (*тихо*). О том, что я давно уже… давно хочу сказать вам… Теперь… вы поняли?

Пауза. Варвара Михайловна, сдвинув брови, сурово смотрит на Рюмина и медленно отходит в сторону от него.

Варвара Михайловна (*невольно*). Какой странный день!

Рюмин (*негромко*). Мне кажется, всю жизнь я любил вас… не видя еще, не зная — любил! Вы были женщиной моей мечты… тем дивным образом, который создается в юности… Потом его ищут всю жизнь иногда — и не находят… А я вот встретил вас… мечту мою…

Варвара Михайловна (*спокойно*). Павел Сергеевич! Не надо об этом говорить: я не люблю вас, нет!

Рюмин. Но... может быть... Позвольте мне сказать...

Варвара Михайловна. Что? Зачем?

Рюмин. Ну, что же делать? Что делать? (*Тихо смеется.*) Вот и кончено! Как это просто все... Я собирался так долго... сказать вам это... и мне было приятно и жутко думать о часе, когда я скажу вам, что люблю... И вот — сказал!..

Варвара Михайловна. Но, Павел Сергеевич... что же я могу сделать?

Рюмин. Да... да... конечно... я понимаю! Знаете, на вас, на ваше отношение ко мне я возложил все мои надежды... а вот теперь нет их — и нет жизни для меня...

Варвара Михайловна. Не надо говорить так! Не надо делать мне больно... Разве я виновата!

Рюмин. А мне как больно! Надо мной тяготеет и давит меня неисполненное обещание... В юности моей я дал клятву себе и другим... я поклялся, что всю жизнь мою посвящу борьбе за все, что тогда казалось мне хорошим, честным. И вот я прожил лучшие годы мои — и ничего не сделал, ничего! Сначала я все собирался, выжидал, примеривался — и, незаметно для себя, привык жить покойно, стал ценить этот покой, бояться за него... Вы видите, как искренно я говорю? Не

лишайте меня радости быть искренним! Мне стыдно говорить… но в этом стыде есть острая сладость… исповеди…

Варвара Михайловна. Но что же… что я могу сделать для вас?

Рюмин. Не любви прошу — жалости! Жизнь пугает меня настойчивостью своих требований, а я осторожно обхожу их и прячусь за ширмы разных теорий,– вы понимаете это, я знаю… Я встретил вас,– и вдруг сердце мое вспыхнуло прекрасной, яркой надеждой, что… вы поможете мне исполнить мои обещания, вы дадите мне силу и желание работать… для блага жизни!

Варвара Михайловна (*горячо, с тоской и досадой*). Я не могу! Поймите вы — я не могу! Я сама — нищая… Я сама в недоумении перед жизнью… Я ищу смысла в ней — и не нахожу! Разве это жизнь? Разве можно так жить, как мы живем? Яркой, красивой жизни хочет душа, а вокруг нас — проклятая суета безделья… Противно, тошно, стыдно жить так! Все боятся чего-то, и хватаются друг за друга, и просят помощи, стонут, кричат…

Рюмин. И я прошу помощи! Теперь я слабый, нерешительный человек. Но если бы вы захотели!..

Варвара Михайловна (*сильно*). Неправда! Не верю я вам! Все это только жалобные слова! Ведь не могу

же я переложить свое сердце в вашу грудь… если я сильный человек! Я не верю, что где-то вне человека существует сила, которая может перерождать его. Или она в нем, или ее нет! Я не буду больше говорить… в душе моей растет вражда…

Рюмин. Ко мне? За что?

Варвара Михайловна. О, нет, не к вам… ко всем! Мы живем на земле чужие всему… мы не умеем быть нужными для жизни людьми. И мне кажется, что скоро, завтра, придут какие-то другие, сильные, смелые люди и сметут нас с земли, как сор… В душе моей растет вражда ко лжи, к обманам…

Рюмин. А я хочу быть обманутым, да! Вот я узнал правду — и мне нечем жить!

Варвара Михайловна (*почти брезгливо*). Не обнажайте предо мной вашей души. Мне жалко нищего, если это человек, которого ограбили, но если он прожился или рожден нищим, — я не могу его жалеть!..

Рюмин (*оскорбленный*). Не будьте так жестоки! Ведь вы тоже больной, раненый человек!

Варвара Михайловна (*сильно, почти с гордостью*). Раненый — не болен, у него только разорвано тело. Болен тот, кто отравлен.

Рюмин. Да пощадите! Ведь человек же я!..

Варвара Михайловна. А я? А я разве не человек? Я

только что-то нужное для того, чтобы вам лучше жилось? Да? А это не жестоко? Я вижу, знаю: вы не один давали в юности клятвы и обещания, вас, может быть, тысячи изменивших своим клятвам…

Рюмин (*вне себя*). Прощайте! Я понимаю! Я опоздал! Да! Конечно… Только ведь и Шалимов тоже… Вы посмотрите на него… вы посмотрите, ведь и он…

Варвара Михайловна (*холодно*). Шалимов? Вы не имеете права…

Рюмин. Прощайте! Я не могу… прощайте!

Быстро уходит в лес налево. Варвара Михайловна делает движение, как бы желая идти за ним, но тотчас же, отрицательно качнув головой, опускается на пень. В глубине сцены, около ковра с закусками, является Суслов, пьет вино. Варвара Михайловна встает, уходит в лес налево. С правой стороны быстро входит Рюмин, оглядывается и с жестом досады опускается на сено. Суслов, немного выпивший, идет к Рюмину, насвистывая.

Суслов. Вы слышали?

Рюмин. Что?

Суслов (*садится*). Спор.

Рюмин. Нет. Какой?

Суслов (*закуривая*). Власа с писателем и Замысловым?

Рюмин. Нет…

Суслов. Жаль!

Рюмин. Не подожгите сено!

Суслов. Черт с ним!.. Да, они тут спорили… Но все это одно кривлянье… Я знаю. Я сам когда-то философствовал… Я сказал в свое время все модные слова и знаю им цену. Консерватизм, интеллигенция, демократия… и что еще там? Все это — мертвое… все — ложь! Человек прежде всего — зоологический тип, вот истина. Вы это знаете! И как вы ни кривляйтесь, вам не скрыть того, что вы хотите пить, есть… и иметь женщину… Вот и все истинное ваше… Д-да! Когда говорит Шалимов, я понимаю: он литератор, игра словами — его ремесло, и когда говорит Влас, понимаю: он молод и глуп… Но когда говорит Замыслов, этот жулик, это хищное животное,– мне хочется заткнуть ему глотку кулаком!.. Вы слышали? В хорошенькую историю он всадил Басова! Грязная история… Они сцапают тысяч пятьдесят… Басов и этот жулик, да!.. Но уже никто после этой истории не назовет их порядочными людьми! И эта гордая Варвара, которая все не решается выбрать себе любовника…

Рюмин. Вы говорите гадости! (*Быстро уходит прочь.*)

Суслов. Дурацкий кисель!

Справа выходит Пустобайка, он вынимает изо рта трубку и в упор смотрит на Суслова.

Ну, чего ты уставился? Не видал людей? Ступай прочь!

Пустобайка. И уйду!.. (*Медленно уходит.*)

Суслов (*разваливаясь на сене*). «На земле весь род людской…»* (*Кашляет.*) Все вы — скрытые мерзавцы… «Люди гибнут за металл…» Ерунда… Деньги ничто… когда они есть… (*дремлет*), а боязнь чужого мнения — нечто… если человек… трезв… и все вы — скрытые мерзавцы, говорю вам… (*Засыпает.*)

Дудаков и Ольга тихо идут под руку. Она крепко прижалась к его плечу и смотрит в лицо его.

Дудаков. И… конечно — не правы мы оба… Завертелись, засуетились… и потеряли уважение друг к другу. Да и за что тебе уважать меня? Что я такое?

Ольга Алексеевна. Милый мой Кирилл… ты отец моих детей… Я уважаю… я люблю тебя…

Дудаков. Я устаю и… распускаюсь и не могу

удерживать мои нервы… а ты все так близко принимаешь к сердцу… и вот создается это адское положение…

Ольга Алексеевна. Ты у меня один в целом свете… Ты и наши детки! Ведь у меня — никого…

Дудаков. Ты вспомни, Ольга… когда-то мы с тобой… разве о такой жизни мечтали мы?

Юлия Филипповна и Замыслов являются за деревьями с левой стороны.

Да…

Ольга Алексеевна. Но что же делать? Что делать? Ведь у нас — дети! Они требуют внимания…

Дудаков. Да… дети… я понимаю. Но порой задумаешься…

Ольга Алексеевна. Милый мой!.. Что же делать?

Уходят в лес.

Юлия Филипповна (*выходя, смеется*). Торжественно и трогательно! Какой урок мне!

Замыслов. Это предисловие к пятому ребенку… или к шестому уже? Ну, милая Юлька, так я жду?

Юлия Филипповна (*насмешливо*). Уж я не знаю, как теперь… они были так милы… не вернуться ли и мне на стезю добродетели, глупенький мой?

Замыслов. Это потом, Юлька…

Юлия Филипповна. Да, это потом; я решаю остаться на пути порока, и пусть мой дачный роман умрет естественною смертью. О чем вы так кричали с Власом и писателем?

Замыслов. Сегодня этот Влас какой-то полуумный… Разговор зашел о вере…

Юлия Филипповна. И — во что же ты веришь?

Замыслов. Я? Только в себя, Юлька… Верю только в мое право жить так, как я хочу!

Юлия Филипповна. А вот я ни во что не верю…

Замыслов. У меня в прошлом голодное детство… и такая же юность, полная унижений… Суровое прошлое у меня, дорогая моя Юлька! Я много видел тяжелого и скверного… я много перенес. Теперь — я сам судья и хозяин своей жизни — вот и все!.. Ну, я ухожу… до свиданья, моя радость!.. Нам все-таки нужно держаться поосторожнее… подальше друг от друга…

Юлия Филипповна (*с пафосом*). Вдали, вблизи — не все ль равно, о мой рыцарь? Кого бояться нам, столь безумно влюбленным?

Замыслов. Исчезаю, роскошь моя!.. (*Уходит в лес.*)

Юлия Филипповна смотрит вслед ему, оглядывает поляну, свободно и глубоко вздыхает. Идет к сену, негромко напевая:

Томимую душу тоской,
Как матерь дитя, успокой…

Видит мужа. Останавливается, вздрагивает, несколько секунд стоит неподвижно и смотрит. Хочет идти прочь, но повертывается и с улыбкой садится рядом с мужем. Щекочет лицо ему стеблем травы, Суслов мычит.

Юлия Филипповна. Очень музыкально…

Суслов. А… черт! Это ты?..

Юлия Филипповна. Как от тебя пахнет вином! Целый стог сена не может заглушить этого запаха. Ты разоришься на дорогом вине, мой друг!

Суслов (*протягивая к ней руки*). Ты… так близко… Я уже забыл, Юлия, когда это было…

Юлия Филипповна. И бесполезно вспоминать эти счастливые моменты, мой друг… Слушай, хочешь сделать мне удовольствие?

Суслов. Какое? Говори — я готов! Поверь мне, Юлия… я на все готов для тебя…

Юлия Филипповна. Именно таким и должен быть любящий муж!

Суслов (*целуя ее руку*). Ну, скажи мне… чего ты хочешь?

Юлия Филипповна (*вынимая из кармана маленький револьвер*). Давай застрелимся, друг мой. Сначала

ты… потом я!

Суслов. Какая тяжелая шутка, Юлия… Брось эту гадость… ну, брось, прошу тебя!

Юлия Филипповна. Подожди… убери прочь твою руку! Тебе не нравится мое предложение? Но ты же собираешься застрелить меня?.. Я застрелилась бы первой, но, боюсь, ты меня обманешь и останешься жить, а мне не хочется быть обманутой еще раз, и я не хочу разлучаться с тобой… я буду жить с тобой долго-долго… ты рад?

Суслов (*подавленно*). Слушай, Юлия, так нельзя… нельзя!

Юлия Филипповна. Можно — ты видишь! Ну, хочешь, я сама застрелю тебя?

Суслов (*закрываясь от нее рукой*). Не смотри на меня так! Это черт знает что! Я — уйду… я не могу!..

Юлия Филипповна (*весело*). Иди… Я выстрелю тебе в спину… Ах — нельзя… вот шествует Марья Львовна… славная женщина! Отчего бы тебе, Петр, не влюбиться в нее? У нее такие красивые волосы!

Суслов (*негромко*). Ты сводишь меня с ума! За что? За что ты ненавидишь меня?

Юлия Филипповна (*пренебрежительно*). Тебя нельзя ненавидеть…

Суслов (*тихо, задыхаясь*). Ты так мучаешь меня,

но — за что? Скажи!

Марья Львовна задумчиво идет, наклонив голову, согнувшись. Суслов стоит против жены, упорно следя за револьвером в ее руке.

Юлия Филипповна. Марья Львовна! Идите сюда… Ты, Петр, сделал из меня мерзкую женщину… Ступай, иди! Марья Львовна, мы скоро едем домой?

Марья Львовна. Не знаю, право! Все куда-то разбрелись… Вы не видали Варвару Михайловну?

Юлия Филипповна. Она, вероятно, с этим писателем. Ты, кажется, хотел идти на реку? Иди, нам без тебя не будет скучно…

Суслов молча уходит.

Марья Львовна (*рассеянно*). Как вы строго…

Юлия Филипповна. Это не вредно. Какой-то философ, говорили мне, советует мужчине: когда идешь к женщине, бери с собой плеть*…

Марья Львовна. Это Ницше…

Юлия Филипповна. Да? Он, кажется, был полуумный? Я не знаю философов — ни умных, ни полуумных… но если бы я была философом, я сказала бы женщине: подходя к мужчине, моя милая, бери с собой хорошее полено.

С левой стороны, в глубине поляны, являются

Ольга Алексеевна и Калерия, они садятся около ковра с закусками.

Говорили мне также, что у одного племени дикарей существует такой милый обычай: мужчина, перед тем как сорвать цветы удовольствия, бьет женщину дубиной по голове. У нас, людей культурных, это делают после свадьбы. Вас по голове дубиной били?

Марья Львовна. Да-а!..

Юлия Филипповна (*с улыбкой*). Дикари честнее, не правда ли? А почему вы такая хмурая?

Марья Львовна. Не спрашивайте... Вам тяжело жить?

Справа идет Двоеточие без шляпы, с удочкой в руках.

Юлия Филипповна (*смеясь*). Кто слышал мои стоны?.. Я всегда веселая... А вот дядюшка... Вам нравится он? Мне — очень.

Марья Львовна. Да, он славный...

Двоеточие (*подходя*). А шляпа моя так и уплыла... Поехала молодежь спасать ее и окончательно утопила! Нет ли у кого лишнего платочка, голову повязать? А то, понимаете, комары лысину кусают.

Юлия Филипповна (*встает*). Подождите, сейчас при-

несу. (*Отходит в глубину сцены.*)

Двоеточие. А там сейчас господин Чернов всех потешал… славный паренек!

Марья Львовна. Он… веселый?

Двоеточие. Удивительно! Так и сверкает весь!.. Стихи свои всё читал. Попросила его какая-то барыня стихи в альбом ей написать; он, понимаете, и написал. Вы, говорит, смеясь, в глаза мне поглядели, но попал, говорит, мне в сердце этот взор и, увы, вот с лишком две недели я, говорит, не сплю, сударыня, с тех пор… понимаете! А дальше…

Марья Львовна (*торопливо*). Не надо, Семен Семенович, дальше… Я знаю эти стихи… Скажите… вы долго здесь проживете?

Двоеточие. Да я думал, понимаете, у племянника до конца дней основаться… а с его стороны не вижу охоты поддержать меня в этом намерении. А деваться мне некуда… никого у меня нет… Деньги есть… а больше ничего нет!

Марья Львовна (*рассеянно, не глядя на него*). Вы в самом деле — богатый?

Двоеточие. Около миллиона у меня, понимаете. Хо-хо! около миллиона. Умру — все Петру останется… но его это, по-видимому, не прельщает. Не ласков он со мной, да. Вообще он какой-то нежелающий… ничего не нужно ему… не понимаю я

его! Положим, он знает, что все равно его деньги будут, — чего же ему беспокоиться? Хо-хо!

Марья Львовна (*с бо́льшим интересом*). Эх вы, бедный!.. Вы бы употребили их на какое-нибудь общественное дело — всё лучше, больше смысла!

Двоеточие. Н-да! Мне это советовал один моншер, да не люблю я его, понимаете. Жулик он рыжий, хоть и притворяется либералом. А, по совести говоря, жалко мне эти деньги Петру оставлять. На что ему? Он и теперь сильно зазнался. (*Марья Львовна смеется. Двоеточие внимательно смотрит на нее.*) Чего вы смеетесь? Глупым кажусь? Нет, я не глупый… а просто — не привык жить один. Э-эхма! Вздохнешь да охнешь, об одной сохнешь, а раздумаешься — всех жалко! А… хороший вы человек, между прочим… (*Смеется.*)

Марья Львовна. Спасибо!

Двоеточие. Не на чем. Вам спасибо! Вот вы говорите мне — бедный… хо-хо! Этого я никогда не слыхал… все говорили — богатый! Хо-хо! И сам я думал — богатый… А оказалось: бедный я…

Юлия Филипповна (*подходит, в руках у нее платок*). Вы, дядя, объясняетесь в любви?

Двоеточие. Куда мне, к лешему! Я теперь только на уважение способен… Повяжи-ка покрасивее…

И пойду закушу чего-нибудь на дорогу-то…

Юлия Филипповна. Вот… очень идет к вам!

Двоеточие. Ну, и врешь! У меня лицо мужественное. Идем закусывать. Я все хочу спросить тебя, — ты мужа-то не любишь?

Юлия Филипповна. А по-вашему, его можно любить?

Двоеточие. А на что замуж за него вышла?

Юлия Филипповна. А он интересным прикинулся…

Двоеточие (*хохочет*). Э, ну тебя к Богу!..

Все трое уходят в глубину сцены. Там начинается шум и смех, негромкий, но непрерывный. С левой стороны выходят: Басов, выпивший, Шалимов, Дудаков и Влас. Последний идет в глубину сцены, а первые трое — на сено.

Замыслов (*кричит в лесу*). Господа! Пора домой!

Басов. Чудные здесь места, Яша? Хорошая прогулка, а?

Шалимов. Ты же все сидел как сыч. Сидел и пил… и размок…

В глубине сцены Соня повязывает платок на голове Двоеточия. Смех. Из леса, около ковра с закусками, выходит Замыслов, берет бутылку вина и стаканы и идет к Басову, за ним идет Двоеточие, отмахиваясь руками от Сони.

Басов (*опускаясь на сено*). Я и опять сяду… Наслаждаться природой надо сидя… Природа, леса, деревья… сено… люблю природу! (*Почему-то грустным голосом.*) И людей люблю… Люблю мою бедную, огромную, нелепую страну… Россию мою! Всё и всех я люблю!.. У меня душа нежная, как персик! Яков, ты воспользуйся, это хорошее сравнение: душа нежная, как персик…

Шалимов. Хорошо, я воспользуюсь!

Соня. Семен Семенович, позвольте!

Двоеточие. Будет! Насмеялись над стариком… Обиделся я… Хо-хо!

Басов. А, вино! Налейте мне. Как хорошо! Как весело, милые мои люди! Славное это занятие — жизнь… для того, кто смотрит на нее дружески, просто… К жизни надо относиться дружески, господа, доверчиво… Надо смотреть ей в лицо простыми, детскими глазами, и все будет превосходно.

Двоеточие стоит около пня и хохочет, слушая болтовню Басова.

Господа! Посмотрим ясными, детскими глазами в сердца друг другу — и больше ничего не нужно. А дядя — смеется… Он поймал молодого, веселого окуня… а я взял окуня и пустил его на-

зад, в родную стихию. Потому что я — пантеист, это факт! Я и окуня люблю… а дядя утопил свою шляпу — вот!

Шалимов. Заболтался ты, Сергей!

Басов. Не суди — да не судим будеши…* А говорю я не хуже тебя… ты человек красивого слова, и я человек красивого слова! Вот я слышу голос Марьи Львовны… Превосходная женщина… достойна глубокого уважения!

Шалимов. А мне не нравится эта митральеза*… Я вообще не поклонник женщин, достойных уважения…

Басов (*радостно*). И это — верно! Недостойные уважения женщины — лучше достойных, они лучше, это факт!

Двоеточие. И что говорит!.. Будучи женат на такой, можно сказать, королеве…

Басов. Моя жена? Варя? О! Это пуристка! Пуританка! Это удивительная женщина, святая! Но — с ней скучно! Она много читает и всегда говорит от какого-нибудь апостола. Выпьем за ее здоровье!

Шалимов. Заключение весьма неожиданное! А все-таки Марья Львовна…

Басов (*перебивая*). Ты знаешь, — у нее роман с моим письмоводителем, это факт! Я видел, как он объяснялся ей в любви!

Двоеточие. М-м… об этом, пожалуй, лучше бы не говорить. (*Идет прочь.*)

Басов. О да! Это секрет!

Калерия (*подходит*). Сергей! Ты Варю не видал?

Басов. Вот моя сестра! Моя милая поэтесса… Яков, она читала тебе свои стихи? О, ты послушай — очень мило! Так высоко всё! Облака… горы… звезды…

Калерия. Ты, кажется, выпил? да?

Басов. Всего один стакан.

Замыслов. Из этой бутылки.

Шалимов. Меня весьма интересуют ваши поэтические опыты, Калерия Васильевна.

Калерия. Вдруг я приму слова ваши как правду и принесу вам четыре толстейших тетради!

Шалимов. Не пугайте… я не робкий…

Калерия. Увидим.

Юлия Филипповна (*в лесу поет*). Пора домой… домой!..

Калерия отходит в правую сторону, встречается с Соней. Замыслов идет на голос Юлии Филипповны. Басов подмигивает вслед ему и, наклонясь к Шалимову, что-то шепчет ему. Шалимов, слушая его, смеется.

Калерия. Собираемся домой?

Соня. Да, все устали…

Калерия. Когда я выхожу куда-нибудь из дома, вместе со мной всегда идет какая-то смутная надежда… а возвращаюсь домой — я одна… С вами этого не бывает — да?

Соня. Не бывает.

Замыслов
Зимин
Соня

Калерия. Будет.

Соня (*смеясь*). Мне почему-то кажется, что вы говорите грустные вещи с удовольствием.

Калерия. Да? Мне хочется покрыть тревожною тенью думы ваши ясные глаза. Я часто вижу около вас каких-то грубых, оборванных людей — и удивляюсь вашему бесстрашию перед грязью жизни… Вам не противно быть с ними?

Соня (*смеясь*). Ведь грязь у них на коже — она легко смывается мылом.

Уходят в глубину, разговор становится неясен.

Шалимов (*вставая*). Ты — злоязычен, Сергей… Смотри — сам муж…

Басов. Я?

Шалимов. Природа — прекрасна, но зачем существуют комары? Где-то тут я бросил мой плед?

Идет направо. Басов потягивается и мурлычет песенку. В глубине сцены Саша, Соня и Пустобайка собирают вещи. На левой стороне, около копны сена, появляется Варвара Михайловна, в руках у нее букет.

Влас (*в лесу*). Кто едет в лодке, господа?

Басов. Варя! Ты гуляешь? А я один. Все ушли.

Варвара Михайловна. Ты снова много выпил, Сер-

гей…

Басов. Разве много?

Варвара Михайловна. Ведь тебе вреден коньяк. Потом будешь жаловаться на сердце.

Басов. Но я преимущественно портвейн… Не осуждай меня, Варя! Ты всегда говоришь со мной так жестко и строго, а я… я человек мягкий… я все люблю нежной любовью ребенка… Дорогая моя, сядь здесь!.. И поговорим наконец по душе. Нам нужно поговорить…

Варвара Михайловна. Перестань! Уже собираются домой… Вставай и иди к лодке… ну, иди, Сергей!

Басов. Хорошо — иду! Куда идти? Туда? Иду…

Идет, слишком твердо ступая ногами. Варвара Михайловна смотрит вслед ему. Лицо у нее суровое. Оглянувшись направо, она видит Шалимова, который тихо подходит к ней и ласково улыбается.

Шалимов. Лицо у вас утомленное, глазки грустные… Вы устали?

Варвара Михайловна. Немножко.

Шалимов. А я сильно устал… Устал смотреть на людей… И мне больно видеть вас среди них. Простите!

Варвара Михайловна. За что?

Шалимов. Вам, может быть, неприятны мои слова?

Варвара Михайловна. Я сказала бы вам это…

Шалимов. Я смотрю на вас, как вы молча ходите в этой шумной толпе и глаза ваши безмолвно спрашивают… И ваше молчание — для меня красноречивее слов… Я ведь тоже испытал холод и тяжесть одиночества…

Соня (*кричит*). Мама! Ты в лодке?

Марья Львовна (*из леса*). Нет, я пешком.

Варвара Михайловна (*протягивает Шалимову цветок*). Хотите взять?

Шалимов (*с поклоном и улыбкой*). Благодарю вас. Я ревниво храню цветы, когда мне дают их так дружески просто.

Влас в лесу направо: «Эй, сторож, где вторые весла?»

Он будет лежать, ваш цветок, где-нибудь в книге у меня… Однажды я возьму эту книгу, увижу цветок — и вспомню вас… Это смешно? Сантиментально?

Варвара Михайловна (*негромко, опустив голову*). Говорите…

Шалимов (*пытливо заглядывая ей в лицо*). А должно быть, вам очень тоскливо среди этих людей, которые так трагически не умеют жить.

Варвара Михайловна. Научите их жить лучше!

Шалимов. Во мне нет самонадеянности учителей… Я — чужой человек, одинокий созерцатель жизни… я не умею говорить громко, и мои слова не пробудят смелости в этих людях. О чем вы думаете?

Варвара Михайловна. Я? Есть такие мысли… они отталкивают от людей… их надо убивать в зародыше…

Шалимов. И тогда ваша душа будет кладбищем… Нет, не надо бояться, что отойдешь от людей… Поверьте мне, в стороне от них — воздух более чист и прозрачен, все яснее, все определеннее…

Варвара Михайловна. Я понимаю вас… и мне так грустно, как будто кто-то очень близкий мне — неизлечимо заболел…

На правой стороне шумят.

Шалимов (*не вслушиваясь в ее слова*). Если бы вы поняли… как искренно я сейчас говорю!.. Вы не поверите мне, может быть, но я все же скажу вам: перед вами мне хочется быть искренним, быть лучше, умнее…

Варвара Михайловна. Спасибо вам…

Шалимов (*целуя ее руку, волнуясь*). Мне кажется, что, когда я рядом с вами… я стою у преддверия

неведомого, глубокого, как море, счастья… что вы обладаете волшебной силой, которой могли бы насытить другого человека, как магнит насыщает железо… И у меня рождается дерзкая, безумная мысль… Мне кажется, что если бы вы… (*Он прерывает свою речь, оглядывается. Варвара Михайловна следит за ним.*)

Варвара Михайловна. Если бы я?.. Что?

Шалимов. Варвара Михайловна… Вы… не посмеетесь надо мной? Вы хотите, чтобы я сказал?..

Варвара Михайловна. Нет… Я поняла… Вы не очень ловкий соблазнитель…

Шалимов (*смущенно*). Нет, вы не поняли меня!.. вы…

Варвара Михайловна (*просто, грустно, тихо*). Как я любила вас, когда читала ваши книги… как я ждала вас! Вы мне казались таким… светлым, все понимающим… Таким вы показались мне, когда однажды читали на литературном вечере… Мне было тогда семнадцать лет… и с той поры до встречи с вами ваш образ жил в памяти моей, как звезда, яркий… как звезда!

Шалимов (*глухо, опустив голову*). Послушайте… не надо! Я извиняюсь…

Варвара Михайловна. Задыхаясь от пошлости, я представляла себе вас — и мне было легче… была

какая-то надежда…

Шалимов. Надо быть великодушной… надо понимать…

Варвара Михайловна. И вот вы явились… такой же, как все! Такой же… Это больно! Скажите, что с вами случилось? Неужели невозможно сохранить силу своей души?

Шалимов (*возбужденно*). Позвольте! Почему вы применяете ко мне иные требования… иные мерки, чем вообще к людям?.. Вы все… живете так, как вам нравится, а я, потому что я писатель, должен жить, как вы хотите!

Варвара Михайловна. Не надо так говорить! Не надо! Бросьте мой цветок!.. Я дала его вам — прежнему, тому, которого считала лучше, выше людей! Бросьте мой цветок… (*Быстро уходит.*)

Шалимов (*глядя вслед*). Черт возьми!.. (*Мнет цветок.*) Ехидна. (*Нервно вытирая лицо платком, идет туда же, куда прошла Варвара Михайловна.*)

Дудаков и Ольга быстро идут из леса с левой стороны.

Замыслов (*в лесу поет*). «О ночь, поскорее укрой…»

Юлия Филипповна (*вторит*). «…Прозрачным твоим

покрывалом…»

Влас (*в лесу*). Да садитесь же!

Дудаков. И вот… мы едва не опоздали…

Ольга Алексеевна. Я так устала! Милый мой Кирилл… ты не должен забывать этот день…

Дудаков. А ты… своих обещаний… быть более сдержанной…

Ольга Алексеевна. Друг мой! Я так рада… теперь наша жизнь будет светлее…

Проходят. Пустобайка с корзиной выходит с правой стороны и ищет что-то глазами на земле.

Пустобайка. Ишь, как нахламили везде… Только хлам да сорье и остается после вас… Только землю портите!.. (*Уходит налево.*)

Юлия Филипповна (*в лесу*). Кого еще нет?

Соня. Мама, ау!

Басов. Ау, мамаша!

Марья Львовна (*выходит с левой стороны, лицо у нее усталое, растерянный взгляд*). Я здесь, Соня!

Соня (*выбегает*). Едем, мамашка, едем!.. Но что с тобой?

Марья Львовна. Ничего… Я пойду пешком… Иди, скажи, чтобы не ждали меня. Иди…

Соня (*отбегая в сторону и приставляя руки ко рту, кричит*). Не ждите нас, поезжайте! Мы пеш-

ком… Что? До свиданья!

Двоеточие (*из леса*). Устанете!

Соня. Прощайте!

Марья Львовна. Почему ты не поехала с ними?

Соня. Потому, что осталась с тобой…

Марья Львовна. Ну, идем…

Соня. Нет, мы посидим… Ты в меланхолии, мамашка? Милая моя мамашка! Садись… вот так. Дай мне обнять тебя… вот так… Ну, говори теперь, что с тобой?

Из леса доносятся шум, смех, выделяются громкие возгласы.

Юлия Филипповна (*из леса*). Не качайте лодку!

Замыслов. Нет, не надо петь!.. Пускай играют.

Басов (*оттуда же*). Музыка, вперед!

Слышно, как настраивают гитару и мандолину.

Влас (*из леса*). Отчалили!..

Марья Львовна. Соня!.. Дочка моя! Если бы ты знала!..

Соня (*просто*). А я знаю!

Марья Львовна. Ты ничего не знаешь!..

Соня. Мамочка моя! Помнишь, — когда я, маленькая, не понимала урока и ревела, как дурочка,

ты приходила ко мне, брала мою голову на грудь себе, вот так, и баюкала меня. (*Поет.*)

Баю, баюшки-баю,
Баю мамочку мою…

Мне кажется, что теперь ты не понимаешь урока, моя мама… Если ты его любишь…

Двоеточие хохочет.

Марья Львовна. Соня! Молчи… Как ты знаешь?

Играют на гитаре и на мандолине.

Соня. Ш-ш! Лежи спокойно…

Баю, баюшки-баю,
Баю мамочку мою…

У меня мама умница, она научила меня думать просто, ясно… Он славный парень, мама, — не отталкивай его! В твоих руках он будет еще лучше. Ты уже создала одного хорошего человека — ведь я недурной человечишка, мама? И вот ты теперь воспитаешь другого…

Марья Львовна. Родная моя! Это невозможно!

Соня. Ш-ш! Он будет братом мне… Он груб, ты сделаешь его мягче, у тебя так много нежности… Ты научишь его работать с любовью, как работа-

ешь сама, как научила меня. Он будет хорошим товарищем мне… и мы заживем прекрасно… сначала трое… а потом нас будет четверо… потому что, родная моя, я выйду замуж за этого смешного Максима… Я люблю его, мама, он такой славный!

Марья Львовна. Соня, детка моя, ты будешь счастлива! Ты будешь!..

Соня. Лежи и слушай! Кончим мы с ним наши науки и будем жить дружно, ярко, хорошо! Нас будет четверо, мама, четверо смелых, честных людей!..

Марья Львовна. Радость моя! Счастье мое! Нас будет трое: ты, твой муж и я. А он… если он — с нами… только как брат твой… как сын мой.

Соня. И мы хорошо проживем нашу жизнь! Мы хорошо ее сделаем! А пока — отдохни, мама. Не надо плакать!..

Баю, баюшки-баю,

Баю мамочку мою!

В голосе Сони дрожат слезы. Вдали чуть слышны гитара и мандолина.

Занавес

Действие четвертое

Декорация второго действия. Вечер, уже зашло солнце. Под соснами Басов и Суслов играют в шахматы. На террасе Саша накрывает на стол к ужину. С правой стороны из леса доносятся хриплые звуки граммофона; в комнатах Калерия играет на рояле что-то грустное.

Басов. Наша страна прежде всего нуждается в людях, благожелательно настроенных. Благожелательный человек — эволюционист, он не торопится…

Суслов. Беру офицера…

Басов. Возьми офицера… Благожелательный человек… изменяет формы жизни незаметно, потихоньку, но его работа есть единственно прочная…

Из-за угла дачи спешно выходит Дудаков.

Дудаков. Э… жены у вас нет?

Басов. Вашей — нет! Присаживайтесь, доктор…

Дудаков. Не могу… Тороплюсь… надо учительский отчет приготовить к печати…

Басов. Это вы его второй год готовите, кажется?

Дудаков (*уходя*). Если кроме меня никто не работает! Людей много, а работников нет — почему?

Басов. Нелепая фигура — этот доктор.

Суслов. Ходи…

Басов. Н-да-с… хожу! Так я говорю, — надо чувствовать благожелательно… Мизантропия, мой друг, излишняя роскошь… Одиннадцать лет тому назад явился я в эти места… и было у меня всего имущества портфель да ковер. Портфель был пуст, а ковер — худ. И я тоже был худ…

Суслов. Шах королеве.

Басов. Ах, черт побери! Как же это я прозевал твой ход конем?

Суслов. Если человек философствует — он проигрывает…

Басов. Факт, факт — как говорят утки…

Они углубляются в игру. На правой стороне из леса выходят Влас и Марья Львовна, им не видно играющих.

Марья Львовна (*негромко*). Милый, хороший мой юноша! Поверьте… это скоро пройдет у вас… это пройдет. И тогда в душе вы скажете мне — спасибо!

Влас (*громко*). Тяжело мне, очень тяжело!

Басов прислушивается, делая Суслову знак

молчать.

Марья Львовна. Уезжайте… уезжайте скорее, голубчик! Я обещаю писать вам… Работайте, ищите себе места в жизни… Будьте смелым, не уступайте никогда силе житейских мелочей. Вы — славный, и я — люблю вас. Да, да, я люблю вас.

Басов таращит глаза. Суслов с улыбкой смотрит на него.

Но это не нужно вам и страшно мне… я не стыжусь сознаться — это страшно! Вы быстро переживете ваше увлечение, а я… чем дальше, все больше, все крепче стала бы любить вас… И это кончилось бы очень смешно, даже по́шло, — во всяком случае, грустно для меня…

Влас. Нет, клянусь вам…

Марья Львовна. Да и не нужно клятв…

Влас. Пройдет любовь — останется уважение…

Марья Львовна. Этого мало для женщины, которая любит… И вот еще что, голубчик: мне стыдно жить личной жизнью… может быть, это смешно, уродливо, но в наши дни стыдно жить личной жизнью. Идите, друг мой, идите! И знайте: в трудную минуту, когда вам нужен будет друг, — приходите ко мне… я встречу вас как любимого, нежно любимого сына… Прощайте!

Влас. Дайте вашу руку… Мне хочется встать перед вами на колени… Как я люблю вас! И хочется плакать… Прощайте!

Марья Львовна. Прощайте, хороший, милый мой! И помните мой совет: не нужно ничего бояться… Не подчиняйтесь ничему, никогда… никогда!

Влас. Я ухожу… Любовь моя! Чистая, первая любовь моя! Благодарю…

Марья Львовна быстро уходит в лес направо. Влас идет на дачу, видит Басова и Суслова, понимает, что они слышали; он останавливается. Басов встает и кланяется, хочет что-то сказать. Влас идет к нему.

Молчать! Молчать! Ни слова! Не смейте, — ни слова! (*Уходит на дачу.*)

Басов (*смущенно*). С-строго!

Суслов (*смеясь*). Что? Испугался?

Басов. Нет, каков? Я знал это, но такое… эдакое благородство… ах, комики! (*Хохочет.*)

Юлия Филипповна и Замыслов идут по дороге от дачи Суслова. Юлия идет к мужу, Замыслов на дачу.

Суслов. А ведь она нарочно, для того, чтобы крепче парня в руки взять…

Басов. Ах, черт возьми! а? Уморительно!

Суслов (*хмуро*). Хитрая она… здоровую свинью подложила мне. Ты знаешь, дядя, по ее совету, все свои деньги отдал…

Юлия Филипповна. Петр, к тебе там приехал…

Басов (*перебивая*). Нет, вы спросите, что случилось!

Суслов. Кто приехал?

Юлия Филипповна (*Басову*). Что такое? (*Мужу.*) Какой-то подрядчик… говорит, спешное дело: где-то что-то провалилось…

Суслов (*быстро уходит*). Что за вздор!

Басов. Вы представьте, дорогая… Сидим мы — я и ваш муж, вдруг Марья Львовна… (*хохочет*), оказывается, они… у них роман!

Юлия Филипповна. У кого? У мужа с Марьей Львовной? (*Смеется.*)

Басов. У Власа! У комика с этой…

Юлия Филипповна. Ах, вот что! Но это всем давно уже, благодаря вашему языку, известно…

Басов. Да тут, видите, дело… в подробностях…

Из-за угла дома выходят Двоеточие, со свертками в руках, и Рюмин.

Двоеточие. Мир беседе! Что, Варвара Михайловна дома? Вон я кого привез.

Басов. Ба! Из дальних странствий возвратясь... Здравствуйте! Похорошел, загорел, хотя похудел, да... Откуда вы?

Рюмин. С юга. Первый раз видел море... Здравствуйте, Юлия Филипповна!

Юлия Филипповна. В самом деле, вы похорошели, Павел Сергеевич, — пожалуй, и я поеду к морю.

Двоеточие. Пойду в комнаты. (*Идет.*) Племянница, а я тебе на прощанье конфект привез.

Басов.

Я видел море... Я его
Очами жадными измерил
И силы духа моего
*Перед лицом его проверил...**

Так? Идите в дом, жена будет очень рада!

Рюмин. Там хорошо! Разве только музыка способна изобразить красоту и величие моря. Перед лицом его человек чувствует себя маленьким — ничтожной пылинкой, как перед лицом вечности.

Из-за угла дома выходит Варвара Михайловна.

Басов. Я соберу шахматы. Варя, приехал Павел Сергеевич, знаешь?

Варвара Михайловна. Он у нас?

Басов (*подходя к ней*). Да. И, кажется, очень пополнил свой запас красивых слов… Варюша, если бы ты знала! Сижу я с Сусловым, играю, вдруг Марья Львовна и Влас… понимаешь — у них роман! (*Смеется.*) Вот ты говорила, это не то. То самое, самое оно! Факт!

Варвара Михайловна. Сергей, перестань! Я боюсь, ты скажешь пошлость…

Басов. Варя! да ведь я еще не сказал…

Варвара Михайловна. Я просила тебя не касаться отношений Марьи Львовны к моему брату, а ты разболтал всем… Неужели ты не понимаешь… как это нехорошо?

Басов. Ну, пошла! Право, с тобой лучше не говорить ни о чем…

Варвара Михайловна. Да, тебе вообще надо меньше говорить и хоть однажды подумать о том, что ты делаешь, и хоть однажды прислушаться к тому, что о тебе говорят, Сергей…

Басов. Обо мне? Я — выше сплетен… Пускай говорят все, что угодно! Но меня удивляет, что ты, Варя, ты, моя жена…

Варвара Михайловна. Честь быть твоей женой… не так высока, как ты думаешь… и она очень тяжела, эта честь…

Басов (*возмущаясь*). Варвара, что ты говоришь!

Как ты говоришь?

На террасу выходят Двоеточие и Влас.

Варвара Михайловна. Я говорю то, что думаю… и как чувствую.

Басов. Я, однако, попрошу тебя объяснить мне…

Варвара Михайловна. Хорошо, я объясню после.

Басов, фыркая, уходит на дачу. Влас провожает его недружелюбным взглядом, садится на нижнюю ступеньку лестницы на террасу.

Двоеточие. Варвара Михайловна, а я вам конфект привез.

Варвара Михайловна. Спасибо!

Двоеточие (*садится тоже на ступеньку террасы*). Я всем дамам конфект привез… чтобы не поминали лихом, — задобрить хочу, понимаете. Портретик-то ваш дайте мне!

Варвара Михайловна. Ах да… сейчас! (*Уходит в комнаты.*)

Двоеточие. Ну, что, дядя Влас, поехали мы?

Влас. Скорее бы!

Двоеточие. Меньше суток осталось. Н-да! Вот бы еще сестру вашу сманить. Нечего ей тут делать…

Влас (*угрюмо*). Здесь всем нечего делать.

Двоеточие. А я рад, что вы со мной едете. Городиш-

ко у нас маленький, красивый; кругом лес, река… Дом у меня огромный — десять комнат. В одной кашлянешь — по всем гул идет. Зимой, когда вьюга воет, очень гулко в комнатах. Н-да!

Соня быстро идет с правой стороны…

В юности, понимаете, одиночество полезно человеку… а вот под старость лучше вдвоем, хо-хо! А, озорница!.. Прощайте! Завтра я уезжаю, а послезавтра вы забудете старика, точно его и нет на свете…

Соня. Нет, не забуду. У вас такая смешная фамилия.

Двоеточие. Только-то? Ну, и на том спасибо!

Соня. Нет, милый дедушка, право, я не забуду вас! Вы такой простой, хороший! А я так люблю простых людей! Но… вы не видали маму мою?

Двоеточие. Не имел удовольствия.

Влас. На даче ее нет. Пойдемте, поищем… Может быть, она в беседке над рекой.

Калерия. И я иду, вы ничего не имеете против?

Соня. Пожалуйста!

Втроем идут в лес. Двоеточие смотрит вслед им, вздыхает, мурлычет песенку. Варвара Михайловна выходит с фотографической карточкой в руках, за ней Рюмин.

Варвара Михайловна. Вот вам карточка моя. Когда вы едете?

Двоеточие. Завтра. Спасибо за надпись! Эх, милая барыня, полюбил я вас!

Варвара Михайловна. За что любить меня?

Двоеточие. Да разве любят за что-нибудь? Любят так, просто!.. Настоящая любовь — она, как солнце в небе, неизвестно на чем держится.

Варвара Михайловна. Не знаю я этого…

Двоеточие. Вижу, что не знаете… Ехали бы вы ко мне. Вот братишка ваш едет. Нашли бы себе какое-нибудь дело.

Варвара Михайловна. Что же я могу делать? Ничего я не умею!

Двоеточие. Не учились, оттого и не умеете. А вы поучитесь! Вот будем мы с Власием гимназии строить… мужскую и женскую…

Рюмин (*рассеянно*). Чтобы жизнь имела смысл, нужно делать какое-то огромное, важное дело… следы которого остались бы в веках… Нужно строить какие-то храмы…

Двоеточие. Ну, это — премудрость, для меня недоступная! Я и до гимназии-то не сам дошел, а добрый человек надоумил, да…

Рюмин. Даже высшие школы дают нам только ряд противоречивых теорий, только догадки о

тайнах жизни…

Варвара Михайловна (*с досадой*). Господи! Как это скучно! Как избито… затрепано…

Рюмин (*смотрит на всех и странно, тихо смеется*). Да, я знаю: это мертвые слова, как осенние листья… Я говорю их так, по привычке… не знаю зачем… может быть, потому, что осень настала… С той поры как я увидел море, — в моей душе звучит, не умолкая, задумчивый шум зеленых волн, и в этой музыке тонут все слова людей… точно капли дождя в море…

Варвара Михайловна. Вы странный какой-то… Что с вами?

Калерия и Влас идут из леса с правой стороны.

Рюмин (*смеясь*). Ничего… Уверяю вас.

Калерия. Твердо стоять на ногах — это значит стоять по колени в грязи?

Влас. А вы бы желали утвердиться на воздухе? Вам бы все только чистоту шлейфа и души сохранить? Но кому, зачем нужны вы, чистенькие, холодненькие?

Калерия. Я себе нужна!..

Влас. Заблуждение! И себе вы не нужны…

Калерия. Я не хочу говорить с вами — вы грубы! (*Быстро уходит в комнаты.*)

Двоеточие. Ну, что, дядя Влас? Разбередил барышню и доволен?

Влас (*садится на нижнюю ступеньку у ног сестры*). Надоела она мне! (*Передразнивает.*) Ах, я умираю с тоски… Я сказал ей: жить надо с людьми, умирать в одиночестве…

Рюмин (*быстро*). Вот! Это жестоко, но — вы правы… да! Так!

Басов и Юлия Филипповна выходят на террасу.

Варвара Михайловна (*как бы про себя*). Жизнь проходит в стороне от нас и не трогает сердца… а только волнует нашу мысль…

Басов. Варя, я распорядился, чтобы Саша накрывала для ужина здесь.

Суслов быстро идет от своей дачи.

Семен Семенович, мы устроим вам маленькие проводы… Выпьем шипучего! Предлог законный…

Двоеточие. Очень тронут…

Суслов. Юлия, на минутку…

Юлия Филипповна. Что такое?

Суслов отводит жену и по дороге что-то шепчет ей. Она отшатнулась от него, остановилась. Он берет ее под руку и ведет направо, где они

несколько минут тихо разговаривают и возвращаются к террасе после того, как Басов уходит.

Басов. Я предложу вам, господа, колбасы… такая, знаете, колбаса! Мне прислал ее один клиент из Украйны… А где же мой помощник? (*Негромко.*) Он же помощник мужа Юлии Филипповны…

Варвара Михайловна (*возмущенно, тихо*). Сергей! Как это гадко!

Басов (*задорно*). Но ведь это все знают, Варя! И ты напрасно так резко… Саша!.. (*Идет в комнаты.*)

Юлия Филипповна (*злорадно*). Дядя! А у Петра стена в тюрьме упала… раздавило двух рабочих!

Суслов (*усмехаясь*). Обрадовалась!..

Варвара Михайловна (*пугливо*). Что вы? Где это?

Суслов. В уезде.

Двоеточие. Поздравляю! Эх… чадо! Ты на постройке-то бывал?

Суслов. Был… Это подрядчик, мерзавец.

Юлия Филипповна. Врет! Не был ни разу… ему некогда!

Двоеточие. Пороть бы вашего брата!.. Экие люди! Живут без действия.

Суслов (*усмехаясь*). А вот я застрелюсь… и будет действие.

Рюмин (*отрицательно качая головой*). Вы — не застрелитесь.

Суслов. А вдруг?

Варвара Михайловна. Как же, Петр Иванович… что же те, которых задавило… умерли?

Суслов (*хмуро*). Не знаю… завтра съезжу туда.

Идет Ольга Алексеевна.

Влас (*громко ворчит*). Экая мерзость!

Суслов (*оскалив зубы*). Тише, юноша, тише!

Ольга Алексеевна (*подходя*). Добрый вечер! Как вы сидите… точно птицы осенью… Я всех видела сегодня? Ах, Павел Сергеевич!.. Давно ли?

Суслов снова отходит с женой в сторону и что-то говорит ей. Лицо у него злое. Юлия Филипповна насмешливо кланяется ему, идет обратно к террасе. Суслов, громко насвистывая, идет к своей даче. Двоеточие, посмотрев на Юлию Филипповну, идет за Сусловым.

Рюмин. Только сегодня.

Ольга Алексеевна. И уже здесь? Вы хороший друг. Душно как! Скоро осень… Переедем мы в город и там, среди каменных стен, будем еще более далеки и чужды друг другу…

Влас (*ворчит*). Начинается нытье…

Басов (*из двери на террасу*). Павел Сергеевич, на моментик!

Рюмин идет на зов. Навстречу ему Калерия и Шалимов. Влас, не отвечая Ольге Алексеевне, встает со ступеньки и идет к соснам.

Ольга Алексеевна (*Власу*). Разве это не правда?

Шалимов (*скучно, лениво*). Ждут обновления жизни от демократии, но, спрошу вас, кто знает, что это за зверь — демократ?

Калерия (*взволнованно*). Да, да! Вы тысячу раз правы… Это еще зверь, варвар! Его сознательное желание одно — быть сытым.

Шалимов. И носить сапоги со скрипом.

Калерия. Во что он верует? В чем его культ?

Влас (*раздраженно*). А вы? Вы во что веруете? В чем ваш культ?

Калерия (*не отвечая Власу*). Жизнь обновляется людьми верующими… аристократией духа…

Влас. Кто эта аристократия? Где она?

Калерия. Я не хочу говорить с вами, Влас! Яков Петрович, идемте туда…

Сходят с террасы, идут к елкам и там садятся, негромко разговаривая. Калерия нервничает, Шалимов спокоен, движения ленивы, медленны, точно он сильно устал.

Варвара Михайловна (*подходя к Власу*). Ты сегодня страшно нервен, Влас…

Влас (*глухо*). Мне тяжело, Варя…

Юлия Филипповна. Влас Михайлович, пойдемте к реке…

Влас. Нет… извините… не хочется…

Юлия Филипповна. Ну, пожалуйста! Мне нужно что-то сказать вам…

Влас (*нехотя*). Хорошо, идемте. Что такое?

Юлия Филипповна берет его под руку и что-то тихо говорит ему, идя в глубину сцены. Варвара Михайловна идет на террасу.

Ольга Алексеевна (*ловя руку Варвары Михайловны*). Варя! Ты все еще сердишься?

Варвара Михайловна (*задумчиво*). Сержусь? Нет.

Влас (*в глубине сцены, громко*). Пошляк! Если бы он не был мужем сестры моей…

Юлия Филипповна. Ш-ш! (*Увлекает его в лес.*)

Варвара Михайловна (*испуганно*). Боже мой! Что такое?

Ольга Алексеевна. Вероятно, инженерша сплетничает. Варя, я ведь вижу — ты сердишься! Ведь слово, сорвавшееся с языка в минуту раздражения…

Варвара Михайловна (*задумчиво*). Прошу тебя — оставь это! Я не люблю ничего заштопанного… и заштопанной дружбы…

Ольга Алексеевна (*встает*). Как ты злопамятна!

Неужели нельзя забыть? Простить, наконец!

Варвара Михайловна (*твердо, холодно*). Мы слишком много прощаем… Это слабость… Она убивает уважение друг к другу… Есть человек, которому я очень много прощала… теперь я потеряла всякое значение в его глазах…

Ольга Алексеевна (*после паузы*). Ты говоришь о Сергее Васильевиче?

Варвара Михайловна не отвечает, тихо покачивая головой и глядя куда-то вперед.

Как быстро меняются люди! Я помню его студентом… Какой он тогда был хороший! Беспечный, веселый бедняк… рубаха-парень — звали его товарищи… А ты мало изменилась: все такая же задумчивая, серьезная, строгая… Когда стало известно, что ты выходишь за него замуж, я помню, Кирилл сказал мне: с такой женой Басов не пропадет. Он легкомыслен и склонен к пошлости, но она…

Варвара Михайловна (*просто*). Зачем ты это говоришь, Ольга? Чтобы показать мне, что я сама — ничтожество?

Ольга Алексеевна. Варя! Как ты можешь думать это? Я просто так… я вспомнила…

Варвара Михайловна (*негромко, очень ясно, как приго-*

вор себе). Да, я тоже бессильный, жалкий человек. Это ты хотела сказать? Я это знаю, Ольга, давно знаю!

Саша (*на террасе*). Варвара Михайловна, барин просит вас.

Варвара Михайловна молча идет в комнаты.

Ольга Алексеевна (*идет вслед за Варварой Михайловной*). Варя, послушай, ты не поняла!

Калерия (*негромко*). Человек, который думает, что истина открыта, — для меня умер!

Пауза. Шалимов курит.

Скажите, вам грустно жить?

Шалимов. Порою — очень.

Калерия. Часто?

Шалимов. Весело — никогда не живется. Я уже слишком много видел для того, чтоб веселиться. Да и время невеселое, скажу прямо.

Калерия (*тихо*). Жизнь каждого думающего человека — тяжелая драма.

Шалимов. Да… Скажите…

Калерия. Что?

Шалимов (*встает*). Скажите откровенно: вам нравятся мои рассказы?

Калерия (*живо*). Очень! Особенно последние…

Они менее реальны, в них меньше грубой плоти! Они полны той мягкой, теплой грустью, которая окутывает душу, как облако окутывает солнце в час заката. Немногие умеют ценить их, но эти немногие горячо любят вас.

Шалимов (*с улыбкой*). Благодарю вас. Вы говорили о новых стихах… Не прочитаете ли?

Калерия. Хорошо. Потом как-нибудь.

Пауза. Шалимов молча наклоняет голову, соглашаясь с Калерией. Влас и Юлия Филипповна задумчиво идут из леса с правой стороны, приходят к соснам. Влас садится, облокотясь на стол, и тихо свистит. Юлия Филипповна идет в комнаты.

Хотите — сейчас?

Шалимов. Что — сейчас?

Калерия (*печально улыбаясь*). Забыли уже?.. Как скоро!

Шалимов (*хмурит брови*). Позвольте… это…

Калерия (*встает*). Вы просили прочитать стихи… Хотите, сейчас прочитаю?

Шалимов (*быстро*). О да, прошу! Такой чудесный вечер… это будет славно. Вы ошибаетесь, я не забыл… просто задумался, не понял вопроса.

Калерия (*идет в дом*). Хорошо… Я прочитаю. Хотя

вам ведь это совсем неинтересно.

Шалимов (*следя за ней*). Это неправда, поверьте мне.

Калерия быстро вбегает на террасу. Шалимов пожимает плечами и делает гримасу. Оглядывается, видит Власа. По дороге от дачи Суслова идут Двоеточие и Суслов. Оба сердитые, молчат.

Шалимов (*Власу*). Мечтаете?

Влас (*не грубо*). Свищу.

На террасу выходят: Ольга Алексеевна — садится в плетеное кресло около перил; Рюмин — становится сбоку, она что-то говорит ему негромко; Басов — останавливается у накрытого стола, рассматривает закуски. Варвара Михайловна стоит, прислонившись к колонне террасы. Замыслов перед ней.

Басов. Все в сборе? А Влас? Марья Львовна?

Влас. Я здесь.

Замыслов. Мы все, Варвара Михайловна, люди сложные.

Басов (*перегибаясь через перила*). Отлично. Яков, ты здесь? Ага!

Юлия Филипповна выходит из дачи, тихонько напевая, садится на ступеньки террасы. Двоето-

чие стоит, слушая Замыслова. Суслов, взглянув на оратора, проходит под сосны, где молча сидят Шалимов и Влас.

Замыслов. Именно эта сложность нашей психики и делает нас лучшими людьми страны — сиречь интеллигенцией, а вы…

Варвара Михайловна (*нервно*). Интеллигенция — это не мы! Мы что-то другое… Мы — дачники в нашей стране… какие-то приезжие люди. Мы суетимся, ищем в жизни удобных мест… мы ничего не делаем и отвратительно много говорим.

Из глубины сцены с правой стороны идут Марья Львовна и Соня.

Басов (*насмешливо*). Особенно блестяще ты сама доказываешь правду твоих слов.

Калерия выходит с тетрадкой в руке, останавливается у стола и слушает.

Варвара Михайловна (*нервнее*). И страшно много лжи в наших разговорах! Чтобы скрыть друг от друга духовную нищету, мы одеваемся в красивые фразы, в дешевые лохмотья книжной мудрости… Говорим о трагизме жизни, не зная ее, любим ныть, жаловаться, стонать…

Дудаков подходит к террасе и становится так,

что жена не видит его.

Рюмин (*нервозно*). Надо быть справедливой! Жалоба человека красива… Жестоко это, Варвара Михайловна, сомневаться в искренности стонов человека.

Варвара Михайловна. Довольно жалоб, имейте мужество молчать! Надо молчать о своих маленьких печалях. Ведь мы умеем молчать, когда довольны днями нашей жизни? Каждый из нас поглощает свой кусок счастья в одиночестве, а горе свое, ничтожную царапину сердца мы выносим на улицу, показываем всем, и кричим, и плачем о нашей боли на весь мир! Мы выбрасываем вон из наших домов объедки наши и отравляем ими воздух города… вот так же мы выкидываем из наших душ все дрянное и тяжелое под ноги ближних. Я уверена, что сотни и тысячи здоровых людей погибают, отравленные и оглушенные нашими жалобами и стонами… Кто дал нам злое право отравлять людей тяжелым видом наших личных язв?

Пауза.

Влас (*негромко*). Браво, Варя!

Двоеточие. Умница! Верно!

Марья Львовна молча гладит руку Варвары Михайловны. Влас и Соня тоже около нее. Рюмин нервно встряхивает головой.

Рюмин. Прошу слова! Позвольте мне сказать… мое последнее слово!

Калерия. Надо иметь мужество молчать…

Ольга Алексеевна (*Басову*). Как стала говорить, смело… резко!..

Басов. Да, заговорила Валаамова*… (*Не кончив слова, испуганно закрывает себе рот рукой.*)

Варвара Михайловна не заметила выходки мужа, но многие слышали и поняли ее. Замыслов быстро сходит с террасы к соснам и хохочет. Шалимов улыбается и укоризненно качает головой. Влас и Соня смотрят на Басова с презрением; остальные делают вид, будто ничего не заметили. После отрывочных замечаний, вызванных словами Варвары Михайловны, наступает неловкое молчание. Суслов кашляет, улыбаясь. Варвара Михайловна, замечая что-то неладное, растерянно осматривается.

Варвара Михайловна. Я, кажется, сказала что-то… может быть, резкое, грубое? Отчего всё так странно?..

Влас (*громко*). Это не ты сказала грубость…

Ольга Алексеевна (*с невинным видом*). В чем дело, господа?

Марья Львовна (*быстро, негромко*). Влас, пожалуйста, не надо! (*Начинает говорить, чтобы затушевать выходку Басова. Потом увлекается, говорит сильно, горячо.*)

Шалимов, Суслов и Замыслов демонстративно не слушают ее. Дудаков утвердительно качает головой. Басов смотрит на нее с благодарностью и знаками приглашает слушать.

Мы все должны быть иными, господа! Дети прачек, кухарок, дети здоровых рабочих людей — мы должны быть иными! Ведь еще никогда в нашей стране не было образованных людей, связанных с массою народа родством крови… Это кровное родство должно бы питать нас горячим желанием расширить, перестроить, осветить жизнь родных нам людей, которые все дни свои только работают, задыхаясь во тьме и грязи… Мы не из жалости, не из милости должны бы работать для расширения жизни… мы должны делать это для себя… для того, чтобы не чувствовать проклятого одиночества… не видеть пропасти между нами — на высоте — и родными нашими — там, внизу, откуда они смотрят на нас, как на

врагов, живущих их трудом! Они послали нас вперед себя, чтобы мы нашли для них дорогу к лучшей жизни… а мы ушли от них и потерялись, и сами мы создали себе одиночество, полное тревожной суеты и внутреннего раздвоения. Вот наша драма! Но мы сами создали ее, мы достойны всего, что нас мучает! Да, Варя! Мы не имеем права насыщать жизнь нашими стонами.

Она устала от волнения и садится рядом с Варварой Михайловной. Молчание.

Дудаков (*оглядывая всех*). Вот!.. Это так! Это правда!

Ольга Алексеевна (*быстро*). Ты здесь? Поди сюда…

Шалимов (*приподнимая шляпу*). Вы кончили, Мария Львовна?

Марья Львовна. Да.

Ольга Алексеевна (*отводит мужа в угол террасы*). Ты слышал? Понял? Какой дурак Басов!

Дудаков (*негромко*). При чем тут Басов?

На террасе общее движение. Варвара Михайловна смотрит на всех. Еще нет уверенности, что выходка Басова заглажена, забыта.

Ольга Алексеевна. Тише! Варвара тут говорила такое злое, а он назвал ее Валаамовой ослицей.

Дудаков. Ну и дубина он! Оля, там дома, знаешь…

Ольга Алексеевна. Подожди!.. Калерия хочет стихи читать. Нет, это хорошо все-таки, это хорошо! Варвара стала такая гордячка.

Рюмин, подавленный, сходит с террасы и прохаживается около нее.

Шалимов. Господа, вот Калерия Васильевна любезно согласилась прочитать свои стихи…

Басов. Читай, милая, скорее!

Калерия (*смущенно*). Хорошо, я прочитаю… хорошо.

Шалимов. Вам стул.

Калерия. Не надо. Варя, чему это я обязана? Такой интерес к моим стихам ужасает меня.

Варвара Михайловна. Я не знаю. Очевидно, кто-то сделал бестактность и все стараются скрыть ее.

Калерия. Ну, я буду читать. Мои стихи постигнет та же участь, как и твои слова, Варя. Все поглощается бездонной трясиной нашей жизни…

Осени дыханием гонимы,
Медленно с холодной высоты
Падают красивые снежинки,
Маленькие, мертвые цветы…

Кружатся снежинки над землею,

Грязной, утомленной и больной,
Нежно покрывая грязь земную
Ласковой и чистой пеленой…

Черные, задумчивые птицы…
Мертвые деревья и кусты…
Белые, безмолвные снежинки
*Падают с холодной высоты…**

Пауза. Все смотрят на Калерию, как будто ждут еще чего-то.

Шалимов. Мило!

Рюмин (*задумчиво*).

Падают красивые снежинки,
Мертвые, холодные цветы…

Влас (*возбужденно*). Я тоже сочинитель стихов, я тоже хочу прочитать стихи!

Двоеточие (*хохочет*). А ну-ка!

Шалимов. Интересное состязание!

Варвара Михайловна. Влас, нужно ли это?

Замыслов. Если это весело — это необходимо!

Марья Львовна. Голубчик! Напомню вам — будьте самим собой!

Все смотрят на возбужденное лицо Власа. Ста-

новится очень тихо.

Влас. Господа! Я хочу показать вам, как это легко и просто — насорить стихами в голове ближнего своего… Внимание! (*Читает ясно и сильно, с вызовом.*)

Маленькие, нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны,
Ходят – и уныло ищут места,
Где бы можно спрятаться от жизни.

Всё хотят дешевенького счастья,
Сытости, удобств и тишины,
Ходят и всё жалуются, стонут,
Серенькие трусы и лгуны.

Маленькие краденые мысли…
Модные, красивые словечки…
Ползают тихонько с краю жизни
Тусклые, как тени, человечки.

Кончив, он стоит неподвижно и смотрит поочередно на Шалимова, Рюмина, Суслова. Пауза. Всем неловко. Калерия пожимает плечами. Шалимов медленно закуривает папиросу. Суслов очень возбужден. Марья Львовна и Варвара Михайлов-

на подходят к Власу, видимо боясь чего-то.

Дудаков (*тихо, но внятно*). Эт-то ужасно метко. Знаете… это ужасно верно!

Юлия Филипповна. Браво! Это мне нравится!

Двоеточие. Ну, разнес!.. Ах ты… душа моя красная!

Калерия. Грубо… Зло… Зачем?

Замыслов. Не весело… Нет!

Шалимов. Тебе нравится, Сергей?

Басов. Мне? То есть, видишь ли, конечно, рифма слабая… Но — как шутка…

Замыслов. Для шутки это серьезно.

Юлия Филипповна (*Шалимову*). Ах, как вы ловко притворяетесь!

Суслов (*желчно*). Позвольте теперь мне, тусклому человечку, ответить на это… на этот… извините, не знаю — как назвать этот род творчества. Вы, Влас Михайлович… я вам не буду отвечать… Я обращусь прямо к источнику вашего вдохновения… к вам, Марья Львовна!

Влас. Что такое? Вы! Смотрите!

Марья Львовна (*гордо*). Ко мне? Это странно… но я слушаю.

Суслов. Ничуть не странно, ибо мне известно, что именно вы — муза этого поэта.

Влас. Без пошлостей!

Юлия Филипповна (*мягко*). Без пошлостей он не мо-

жет.

Суслов. Я просил бы не мешать мне… Когда я кончу, я отвечу, как вам будет угодно, за все, что скажу… Вы, Марья Львовна, так называемый идейный человек… Вы где-то там делаете что-то таинственное… может быть, великое, историческое, это уж не мое дело!.. Очевидно, вы думаете, что эта ваша деятельность дает вам право относиться к людям сверху вниз.

Марья Львовна (*спокойно*). Это неправда.

Суслов. Вы стремитесь на всех влиять, всех поучать… Вы настроили на обличительный лад этого юношу…

Влас. Что вы там мелете?

Суслов (*зло*). Терпение, юноша! Я до сего дня молча терпел ваши выходки!.. Я хочу сказать вам, что, если мы живем не так, как вы хотите, почтенная Марья Львовна, у нас на то есть свои причины! Мы наволновались и наголодались в юности; естественно, что в зрелом возрасте нам хочется много и вкусно есть, пить, хочется отдохнуть… вообще наградить себя с избытком за беспокойную, голодную жизнь юных дней…

Шалимов (*сухо*). Кто это мы, можно узнать?

Суслов (*все горячее*). Мы? Это я, вы, он, он, все мы. Да, да… мы все здесь — дети мещан, дети бедных

людей… Мы, говорю я, много голодали и волновались в юности… Мы хотим поесть и отдохнуть в зрелом возрасте — вот наша психология. Она не нравится вам, Марья Львовна, но она вполне естественна и другой быть не может! Прежде всего человек, почтенная Марья Львовна, а потом все прочие глупости… И потому оставьте нас в покое! Из-за того, что вы будете ругаться и других подстрекать на эту ругань, из-за того, что вы назовете нас трусами или лентяями, никто из нас не устремится в общественную деятельность… Нет! Никто!

Дудаков. Какой цинизм! Вы перестали бы!

Суслов (*все горячее*). А за себя скажу: я не юноша! Меня, Марья Львовна, бесполезно учить! Я взрослый человек, я рядовой русский человек, русский обыватель! Я обыватель — и больше ничего-с! Вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем… Я буду жить, как я хочу! И, наконец, наплевать мне на ваши россказни… призывы… идеи! (*Он нахлобучивает шляпу и быстро идет по направлению к своей даче.*)

Общее недоумение. Замыслов, Басов и Шалимов отходят в сторону, оживленно и тихо разговаривая. Варвара Михайловна и Марья Львовна составляют отдельную группу. Юлия

Филипповна, Двоеточие и Дудаков с женой тоже в одной группе. Общий нервный говор. Калерия, подавленная, одиноко стоит под сосной. Рюмин быстро ходит взад и вперед.

Влас (*отходит в сторону, схватив себя за голову*). Черт меня возьми! Черт возьми!

Соня идет за ним, говорит ему что-то.

Марья Львовна. Да это истерия! Так обнажить себя может только психически больной!

Рюмин (*Марье Львовне*). Вы видите… вы видите, как ужасна правда?

Варвара Михайловна. Как это тяжело!

Двоеточие (*Юлии Филипповне*). Ничего не понимаю… ничего!

Юлия Филипповна. Марья Львовна, голубушка, скажите, он обидел вас, да?

Марья Львовна. Меня? Нет. Он себя обидел!

Двоеточие. Чудны дела ваши, господа хорошие!

Дудаков (*жене*). Подожди… (*Двоеточию.*) Это нарыв! Понимаете, прорвался нарыв в душе… Это у каждого из нас может быть… (*Взволнованный, машет руками и, сильно заикаясь, не может говорить.*)

Юлия Филипповна. Николай Петрович…

Замыслов (*подходя к ней*). Вас это расстроило?

Юлия Филипповна. Нисколько… Но мне неудобно оставаться здесь. Проводите меня.

Замыслов. Как глупо, а? И жалко: патрон изготовил такой, знаете, съедобный сюрприз!

Юлия Филипповна. Оставьте! Довольно сюрпризов.

Уходят.

Шалимов (*подходя к Калерии*). Как это вам нравится?

Калерия. Это ужасно! Как будто тина поднялась со дна болота и душит меня, душит!..

Басов подходит к Власу и молча берет его за рукав.

Влас. Что вам угодно?

Басов (*отводя его в сторону*). На пару слов.

Рюмин (*подходя к Варваре Михайловне, вне себя*). Варвара Михайловна, этот ураган желчной пошлости смял мою душу… опрокинул… меня. Я ухожу… прощайте! Я пришел проститься с вами… Мне хотелось провести тихий вечер… последний вечер! Я ухожу навсегда. Прощайте!

Варвара Михайловна (*не слушая его*). Знаете, что я думаю? Мне кажется, Суслов искреннее всех вас. Да, да, искреннее! Он грубо сказал, но он сказал ту беспощадную правду, которую другие не смеют

сказать!

Рюмин (*отступая*). Это всё? Это ваше прости? Боже мой! (*Идет в глубину сцены.*)

Басов (*Власу*). Ну, батенька, вы отличились! Как же теперь? Вы оскорбили мою сестру… и Якова, который… он писатель! Всеми уважаемый! К тому же Суслов… наконец, Рюмин! Вам надо извиниться…

Влас. Что-о? Я? Извиняться? Перед ними?

Басов. Ну, что же, это ничего! Ну, скажите: просто, мол, хотел пошутить, развеселить и — пересолил… Вас извинят, все привыкли к вашим выходкам… все ведь знают, что вы, в сущности, комик.

Влас (*кричит*). Ступайте к черту! Вы сами комик. Вы шут гороховый!

Соня. Господа! Пощадите!

Варвара Михайловна. Влас, что ты?

Марья Львовна. Да это волна безумия…

Двоеточие. Влас, вы того, уйдите!

Басов. Нет, позвольте, я тоже оскорблен.

Варвара Михайловна. Сергей, прошу тебя! Влас!

Басов. Нет-с! Я не шут гороховый!

Влас. Только уважение к сестре не позволяет мне сказать вам…

Варвара Михайловна. Влас, не смей…

Калерия подходит.

Саша (*Варваре Михайловне*). Подавать кушать?

Варвара Михайловна. Уйдите!

Саша (*негромко Двоеточию*). Уж лучше бы подать! Барин увидят кушанье на столе и перестанут сердиться.

Двоеточие. Пошла ты прочь!

Басов (*Власу*). Нет-с, я прошу вас! (*Вдруг свирепо орет на Власа.*) Вы мальчишка!

Калерия. Сергей, это дико!

Басов. Он мальчишка! Да! Это факт!

Шалимов (*берет Басова под руку и уводит на дачу. Саша идет сзади*). Ну, перестань же!

Марья Львовна. Влас Михайлович! Эх, как вы!

Влас. Разве я виноват? Разве я?

Саша. Барин! Ужинать подавать?

Басов. Идите прочь! Я здесь — ничто! Меня в моем доме… (*Входит в комнаты.*)

Марья Львовна (*Соне*). Уведи его к нам. (*Власу.*) Уйдите, голубчик!

Влас. Вы простите меня, простите! И ты, сестра, прости! Я виноват. Несчастная моя сестренка! Уйди отсюда! Уходи!

Варвара Михайловна (*негромко*). Куда? Куда я уйду?

Двоеточие. А вот ко мне бы, право! Как бы это хорошо!

Его слов никто не слышит. Он тяжело вздыхает и тихо идет к даче Суслова.

Марья Львовна. Идите и вы ко мне, Варя, идите!

Варвара Михайловна. Я приду… Влас… после… приду…

Варвара Михайловна идет на дачу, Марья Львовна за ней. Влас и Соня уходят в лес. Калерия, разбитая, шатаясь, тоже уходит на дачу.

Ольга Алексеевна. Вот так скандал! И как всё это вдруг! Ты понимаешь что-нибудь, Кирилл?

Дудаков. Я? понимаю! да! Когда-нибудь мы все должны были опротиветь друг другу!.. И вот опротивели! Влас, он метко попал, Ольга! Он попал! Но надо тебе идти домой.

Ольга Алексеевна. Подожди! Это так интересно! Может быть, еще что-нибудь будет.

Дудаков. Э, Ольга, это же нехорошо! И надо идти домой… Там все кричат, плачут. Волька обругал няньку, она сердится, а он говорит, что она его за ухо дернула… И вообще — там катастрофы. Я давно уже говорю тебе — надо идти домой.

Ольга Алексеевна. Неправда! Ты не говорил!

Дудаков. Говорил же! Вон там мы стояли, ты что-то рассказывала о Басове, и я тебе сказал.

Ольга Алексеевна. Ты ничего не сказал мне, Ки-

рилл!

Дудаков. Я не знаю — о чем ты споришь? Я же помню: иди домой, — сказал я…

Ольга Алексеевна. Ты не мог мне сказать: иди домой! Так говорят только детям и прислуге.

Дудаков. Ольга! Ты вздорная женщина!

Ольга Алексеевна. Да? Как тебе не стыдно, Кирилл! Ты обещал мне быть сдержанным.

Дудаков (*идет прочь от нее*). Не говори! Это… это глупо! Это бабство!

Ольга Алексеевна (*следуя за ним*). Глупо, Кирилл? Я — баба? (*Со слезами.*) Так, благодарю!

Они скрываются в лесу. Несколько секунд сцена пуста. Темнеет. Из комнат на террасу выходят Басов и Шалимов.

Шалимов (*Басову*). Мой друг, надо быть немножко философом! Смешно горячиться из-за пустяка…

Басов. Ведь досадно! Мальчишка! Молокосос! Ты уж не сердись, а?

Шалимов. Такие выходки, как выходка этого… куплетиста из неудачных… ежедневно встречаются в уличных газетах. Но, мой друг, кого же они трогают?

Сходят с террасы и стоят у сосны; быстро подходит Суслов.

Суслов. Сергей Васильевич! Я воротился… я понимаю, что должен извиниться перед тобой (*Шалимову*) и перед вами. Я не сдержался… Но меня давно возмущала она… Она и подобные ей — органически противны мне… Я ненавижу ее лицо, ее манеру говорить.

Басов. Понимаю, батя, очень хорошо понимаю! Человек должен быть мягок, деликатен.

Шалимов (*сухо*). Но вы хватили через край вашей характеристикой… да-с…

Басов (*торопливо*). Э, полно! Я подпишусь подо всем, что он сказал, ей-богу! А эту барыню я бы, откровенно говоря… так бы…

Суслов. Все женщины — актрисы, вот в чем дело! Русские женщины по преимуществу драматические актрисы… всё героинь хотят играть…

Басов. Н-да-а, женщины… трудно с ними жить!

Варвара Михайловна и Марья Львовна выходят на террасу.

Шалимов. Мы сами создаем эти трудности. Нам нужно сказать себе, что женщины — это все еще низшая раса.

Басов (*как бы говоря чужими словами*). Конечно… да, друг ты мой. Женщина ближе нас к зверю. Чтобы подчинить женщину своей воле — нужно

применять к ней мягкий, но сильный и красивый в своей силе, непременно красивый, деспотизм.

В лесу, на правой стороне, раздается выстрел. На него не обращают внимания.

Суслов. Просто нужно, чтобы она чаще была беременной, тогда она вся в ваших руках.

Варвара Михайловна (*негромко, сильно*). Какая гадость!..

Марья Львовна. Боже мой, это разложение какое-то! Точно трупы загнили… Идите, Варя, отсюда!

Суслов тихо идет прочь и сухо кашляет.

Басов (*торопливо бросаясь к жене*). Это ты, Петр, того… Это уж ты перехватил… пересолил!

Варвара Михайловна (*Шалимову*). Вы! Вы!

Шалимов (*снимая шляпу, пожимает плечами*). Что же я?

Марья Львовна. Идемте скорее, Варя!.. Идемте прочь! (*Увлекает Варвару Михайловну за собой.*)

Басов растерянно смотрит вслед им.

Басов. Черт возьми!.. Подслушали… ах ты!

Шалимов (*усмехаясь*). Ну, брат… плохой ты товарищ.

Басов (*огорченный, тревожно*). Угораздило его…

черта!.. Этакое желчное чудовище!.. Разве такие вещи говорят так неосторожно? Ф-фу!

Шалимов (*сухо*). Завтра я уеду. Здесь свежо и сыровато… иду в комнаты.

Басов (*уныло*). А там сестра ревет! Это факт!..

Уходят. Тихо. Пустобайка и Кропилкин выходят из-за дачи Басова, оба тепло одетые, с трещотками и свистками. С дачи Суслова доносятся аккорды рояля. Потом Юлия Филипповна и Замыслов поют дуэт: «Уже утомившийся день…».

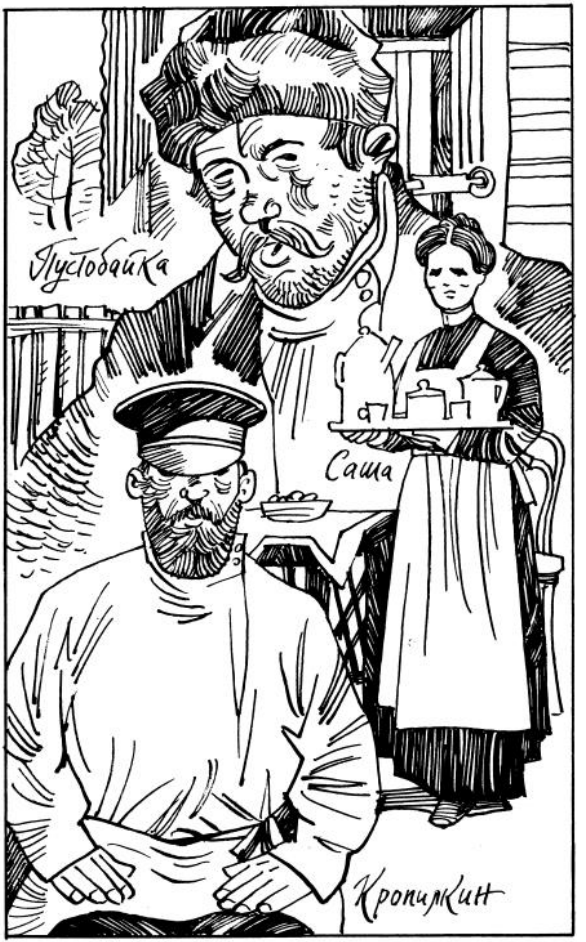
Пустобайка. Ну, ты пойди на тот участок, а я обойду этот, покажемся, а потом в кухню, к Степаниде, чай пить!

Кропилкин. Рано мы вышли… никто еще не спит.

Пустобайка. Для видимости надо походить. Ну, иди…

Кропилкин (*идет налево*). Пошел… Эх, Господи!

Пустобайка. Сору-то сколько… черти! Вроде гуляющих эти дачники.... появятся, насорят на земле — и нет их… А ты после ихнего житья разбирай, подметай… (*Громко, с досадой стучит трещоткой и свистит. Кропилкин отвечает свистом. Пустобайка уходит.*)


Пустобайка
Саша
Кропилкин

Калерия выходит и садится под соснами, печальная, задумчивая. Прислушивается к пению, покачивая головой, тихо подпевает. С правой стороны в лесу раздается голос Пустобайки.

Пустобайка (*громко, тревожно*). Кто такой? Чего? Ах ты, сделай милость!

Калерия пугливо прислушивается.

Пустобайка (*ведет под руки Рюмина*). К Басову, что ли?

Калерия. Сергей! Сергей!..

Рюмин. Доктора… прошу вас!

Калерия. Павел Сергеевич! Вы? Что с вами? Что с ним?

Пустобайка. Я иду, а он ползет встречу… по земле… говорит — ранен…

Калерия. Вы ранены? Сергей, к Марье Львовне! Скорее доктора…

Басов (*выбегая*). Что ты? Что это?

Рюмин. Простите меня.

Калерия. Кто вас ранил?

Пустобайка (*ворчит*). Кому здесь ранить человека? Не иначе — сам себя. Пистолет — вот он… (*Вынимает из пазухи револьвер и спокойно, внимательно рассматривает его.*)

Басов. Это вы? А я думал — Замыслов… я думал,

Петр его… (*Быстро убегает и кричит.*) Марья Львовна!

Шалимов (*в пледе*). Что… это кто? Что случилось?

Калерия. Вам очень больно?

Рюмин. Мне стыдно… стыдно мне!

Шалимов. Может быть, это не опасно?

Рюмин. Уведите меня отсюда… Я не хочу, чтоб она видела… уведите меня! Прошу вас!

Калерия (*Шалимову*). Да идите же… зовите…

Шалимов идет к даче Суслова. Шум бегущих людей, отрывочные возгласы. Являются: Марья Львовна, Варвара Михайловна, Соня, Влас.

Марья Львовна. Вы? эх!.. Соня, помогай! Снимай пиджак… спокойно, не волнуйся…

Варвара Михайловна. Павел Сергеевич…

Рюмин. Простите меня! Я должен был сразу… но когда у человека сердце маленькое и сильно бьется, — в него трудно попасть пулей.

Варвара Михайловна. Зачем? Зачем вы?..

Калерия (*Рюмину, истерически кричит*). Это жестоко! (*Спохватившись.*) Что я говорю! Простите!

Влас (*Калерии*). Уйдите, вам вредно… уйдите, голубчик! (*Идет к соснам.*)

Бегут: Суслов, Двоеточие в одном жилете и пальто, накинутом сверху, без шляпы; потом

Замыслов и Юлия Филипповна, Дудаков, растрепанный, раздраженный, Ольга Алексеевна, робкая, растерянная.

Марья Львовна. Ага! Вот где!.. Ну, кажется, это пустяки!

Рюмин. Идут сюда… Варвара Михайловна, дайте мне вашу руку.

Варвара Михайловна. Зачем все это?

Рюмин. Я люблю вас… не могу жить без вас!

Влас (*сквозь зубы*). Черт тебя возьми… с твоей любовью!

Калерия (*громко шепчет*). Не смейте так! Не добивайте умирающих!

Марья Львовна (*Варваре Михайловне*). Вы уйдите-ка, уйдите! А вы, сударь, не волнуйтесь, рана пустяковая… А, вот доктор.

Дудаков. Н-ну, что? Рана?.. Ну, плечо?.. И кто же это стреляет себя в плечо? Надо в левый бок… в череп… если это серьезно.

Марья Львовна. Кирилл Акимович, что вы говорите?

Дудаков. А… да! Извините! Ну… перевязали? Что же?.. Несите его…

Басов. Несите к нам… К нам, Варя?

Рюмин. Не нужно… Я могу идти.

Дудаков. Можете? И превосходно.

Рюмин (*идет шатаясь, Басов и Суслов держат его*). Да… вот, жил неудачно и умереть не сумел… жалкий человек!

Его уводят в комнаты. Дудаков провожает.

Юлия Филипповна. Он прав…

Замыслов (*уныло*). Какой печальный водевиль!

Пустобайка (*Двоеточию*). Это я привел господина.

Двоеточие. Ага… хорошо!

Пустобайка. Мне бы за беспокойство на водку надо получить с кого-нибудь.

Двоеточие (*укоризненно*). Какой ты, брат, несуразный! (*Дает ему денег.*)

Пустобайка. Спасибо.

Калерия (*Варваре Михайловне*). Он умрет? Это должна была сделать я, так, Варя?..

Варвара Михайловна. Молчи… не надо! (*Истерически.*) Какие все мы противные… О! Почему?

Шалимов (*Марье Львовне*). Что… очень опасная рана?

Марья Львовна. Нет…

Шалимов. Гм… неприятный случай!.. Варвара Михайловна, позвольте…

Варвара Михайловна (*вздрогнув*). Что такое?

Шалимов. Назад тому несколько минут вы слышали слова…

Выходят Басов, Суслов и Дудаков.

Басов. Ну, положили мы его.

Варвара Михайловна. Оставьте! Я не верю… не хочу объяснения! Я ненавижу всех вас неиссякаемой ненавистью. Вы — жалкие люди, несчастные уроды!

Влас. Подожди, сестра, — это я скажу… я знаю: вы — ряженые! Пока я жив, я буду всегда срывать с вас лохмотья, которыми вы прикрываете вашу ложь… вашу пошлость… нищету ваших чувств и разврат мысли!

Шалимов, пожимая плечами, отходит в сторону.

Марья Львовна. Перестаньте! Это бесполезно!

Варвара Михайловна. Нет! Пусть эти люди слушают. Я дорого заплатила за мое право говорить с ними откровенно! Они изуродовали душу мою, они отравили мне всю жизнь! Разве такой я была? Я не верю… я ни во что не верю! У меня нет сил… мне нечем жить! Разве такой я была?!

Юлия Филипповна (*с тоской*). Это и я скажу! Это и я могу сказать!

Ольга Алексеевна (*мужу*). Смотри на Варвару, на лицо ее… видишь, какая она злая!..

Дудаков отстраняет жену рукой.

Басов. Варя, полно! Разве нельзя все это иначе? Ну, что такое? Ну, глуп этот Рюмин… стоит ли из-за него…

Варвара Михайловна. Поди прочь, Сергей.

Басов. Друг мой…

Варвара Михайловна. Я никогда не была твоим другом… и ты моим… никогда! Мы были только мужем и женой. Теперь мы чужие. Я ухожу!

Басов. Куда? Ну, как не стыдно, Варя! При людях, на улице!

В глубине сцены неподвижно стоит Суслов.

Варвара Михайловна. Здесь нет людей…

Марья Львовна. Уйдемте, Варя…

Юлия Филипповна. Ах, не мешайте ей! Пусть она скажет.

Двоеточие (*горестно*). Э-эх, господа! душу вы мне расстроили… эх, господа!

Калерия (*Марье Львовне*). Послушайте, что же это такое? Что это?

Марья Львовна. Успокойтесь! Помогите мне увести ее.

Варвара Михайловна. Да, я уйду! Дальше отсюда, где вокруг тебя все гниет и разлагается… Дальше от бездельников. Я хочу жить! Я буду жить… и

что-то делать... против вас! Против вас! (*Смотрит на всех и кричит с отчаянием.*) О, будьте вы прокляты!

Влас. Иди, сестра! Не надо, будет! (*Ведет ее под руку прочь.*)

Басов (*Шалимову*). Да помоги же мне прекратить все это!

Шалимов (*спокойно, с усмешкой*). Дай ей холодной воды... Чего же больше?

Юлия Филипповна (*подходит к Варваре Михайловне*). Ах, если бы и я могла уйти!

Басов. Варя! Ну, куда ты? Марья Львовна, это нехорошо. Вы — врач, вы должны успокоить.

Марья Львовна. Отстаньте от меня!

Двоеточие (*Басову*). Эх вы, злодей невинный! (*Идет вслед за Варварой Михайловной и Власом в лес направо.*)

Калерия (*рыдая*). А я! А мне — куда же?

Соня (*подходит к ней*). Идите к нам... идите! (*Уводит Калерию.*)

Юлия Филипповна (*спокойно и как-то зловеще*). Ну, Петр Иванович!.. Идем... продолжать нашу жизнь...

Суслов молча оскалил зубы и идет.

Басов. Что же это такое? С ума, что ли, все сошли?

Этот Рюмин! Вот болван, а? Это все его дурацкие нервы!.. Яков, что ты молчишь? Что ты смеешься? Ты думаешь, это несерьезно? Так неожиданно! Бум — и все полетело к черту! Что же теперь делать?

Шалимов. Мой друг, успокойся! Все это только риторика на почве истерии... поверь мне! (*Берет Басова под руку и ведет его на дачу.*)

Дудаков, заложив руки за спину, выходит из комнат и медленно идет направо, там его молча ждет жена, неподвижно стоя под деревьями.

Басов. Ах... черт побери!

Шалимов (*с усмешкой*). Успокойся... видишь — вон Сусловы пошли продолжать свою жизнь... пойдем и мы спокойно продолжать нашу...

Ольга Алексеевна. Кирилл... он умрет?

Дудаков (*угрюмо*). Нет... Идем... Никто не умрет...

Идут в лес.

Шалимов. Все это, мой друг, так незначительно... и люди и события... Налей мне вина!.. Все это так ничтожно, мой друг... (*Пьет.*)

В лесу тихо и протяжно свистят сторожа.

Занавес

Комментарии

На дне
Картины. Четыре акта

С. 34. «*Роковая любовь*» — роман немецкого писателя Эрнста фон Вильденбруха (1845—1909).

С. 38. *Сикамбр.* — Сикамбры — древнегерманское племя, жившее по берегам Рейна.

Макробиотика — наука о продлении жизни, одним из основателей которой был немецкий врач К. В. Гуфеланд (1762—1836). Книга Гуфеланда «Искусство продлить человеческую жизнь» (СПб., 1852) в переводе имела подзаголовок «Макробиотика».

Транссцедентальный — искаженное «трансцендентальный»(от *лат.* transcendens (transcendentis) — «выходящий за пределы»). Одно из основных понятий идеалистической философии И. Канта, обозначающее нечто изначально присущее рассудку и обусловливающее опыт.

С. 44. *Сарданапал* — Ашшурбанипал, последний ассирийский царь (годы царствования — 668—626 гг. до н. э.). Имя Сарданапала, отличавшегося склонностью к роскоши, стало нарицательным.

Навухудоносор — вавилонский царь Навухо-

доносор II (604—562 гг. до н. э.), прославившийся войнами, строительством крепостей и дворцов, а также разрушением «града Божия» Иерусалима.

…как… сорок тысяч пьяниц… — перефразировка слов Гамлета о «сорока тысячах братьев», которые не могли бы сравняться с ним в любви к Офелии (Шекспир У. Гамлет, акт V, сцена 1).

С. 45. *Золотая рота* — здесь: босяки, сброд. Это выражение имеет ироничный и бранный смысл, а происходит от названия сначала роты дворцовых гренадер, носивших мундиры с золотыми галунами, затем арестантских рот при крепостях.

С. 50. *Они, бумажки-то, все такие… все никуда не годятся.* — Лука высказывается в духе «бегунской» («страннической») секты (см. примеч. к с. 96), которая проповедовала разрыв с «миром антихриста». «Бегуны» не признавали никаких государственных бумаг, а некоторые («безденежники») считали непозволительным даже пользоваться деньгами. Вступающие в секту «бегунов» обычно уничтожали свой паспорт (см.: Ливанов Ф. В. Раскольники и острожники. СПб., 1872. Т. IV. С. 90).

С. 51. *Парле франсе* — искаженное французское выражение Parlez-vous français? (Вы говорите

по-французски?)

С. 74. *А эта Василиса — она… хуже черемиса!* — Выражение это могло возникнуть в Нижегородской губернии и, вероятно, было отзвуком отношения «странников» («бегунов») к «инакомыслящим» (иноверцам). Черемис — мариец.

С. 75. *Господа! Если к правде святой… Если б завтра земли нашей путь…* — первые строки 5-й и 6-й строф стихотворения французского поэта П. Беранже «Безумцы» («Les fouls») в переводе В. С. Курочкина.

С. 78. *Кент* — персонаж трагедии Шекспира «Король Лир».

С. 79. *«Наши сети притащили мертвеца»… стихотворение… Б-беранжера!* — Актер путает стихотворение «Утопленник» (1828) А. С. Пушкина и стихотворение П. Беранже (см. примеч. к с. 75).

С. 80. *Брандмауэр* — противопожарная каменная стена между двумя домами.

С. 82. *Это все из книжки «Роковая любовь»…* — В романе «Роковая любовь» Эрнста фон Вильденбруха нет тех событий и имен, которые даны в рассказе Насти. Некоторые его детали заимствованы из рассказа Клавдии Грос.

С. 84. *…под Томском-городом…* — Томская губер-

ния была одной из самых значительных областей бытования раскола, в частности секты «бегунов» («странников»).

С. 86. *…знал я одного человека, который в праведную землю верил…* — Среди раскольников, особенно среди секты «бегунов» («странников»), была широко распространена легенда о стране, где «в неразрушенном виде, во всей полноте и красе сияет „древлее благочестие“, где сохранилась не запятнанная ересью иерархия и где при изобилии всяких житейских благ царит всецелая свобода в исповедании…». Среди томских раскольников-«бегунов» до XIX в. встречались люди, уходившие искать эту священную («праведную») страну — Беловодье.

С. 92. *Я говорю — есть земля, неудобная для посева…* — Лука использует образы евангельской притчи о сеятеле (Евангелие от Матфея, гл. 13).

С. 95. «*Скажи мне, кудесник, любимец богов…*» — строка из стихотворения А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822).

С. 96. *Тебе бы с такими речами к бегунам идти…* — «Бегуны», или «странники», — секта в старообрядчестве, основанная в конце XVIII в. беглым солдатом Евфимием. Социальный протест «бегунов» носил анархический характер;

постепенно он принимал все более антиобщественные, антикультурные и паразитические формы. Исходным пунктом учения «бегунов» было утверждение о близком «конце света». Для того чтобы «спасти душу», необходимо, согласно этому учению, порвать всякие связи с обществом, уклоняться от государственных повинностей и административных установлений, отказаться от семьи и бежать в пустынные местности или прятаться в тайных убежищах. Быт «бегунов» («странников») в значительной мере определял черты их характера.

С. 103. *…яко дым от лица огня… Тако исчезают грешники от лица праведных!* — Ср.: псалом Давида «Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да гибнут грешники от лица Божия» (Псалтирь, псалом 67, стих 3).

С. 104. «*Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*» — основной юридический документ уголовного права царской России (свод законов и статей), введенный с 1 мая 1864 г. и подвергнутый незначительной переработке в 1881 г.

«*Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями*» — собрание уголовных законов о преступлениях и системе наказаний, входящих в круг вопросов, рассматриваемых мировыми

судьями (а также земскими начальниками, городскими, полковыми и экипажными судами). Устав был принят 20 ноября 1864 г., переиздан в 1883 и 1885 гг.

С. 105. *Лахеза… Атропа…* — две из трех богинь судьбы у древних греков, по представлениям которых богиня Клото пряла «жизненную нить» человека, Лахесис определяла его путь, Атропос заносила в длинный свиток все, что назначено человеку.

С. 105. «*Обжирайтесь, мрачные умы…*» — первый стих третьей строфы стихотворения П. Беранже «Гастрономы» («Les gourmands») в переводе В. С. Курочкина.

«*Яма эта… будет мне могилой…*» — начало стихотворения «Старый бродяга» («De vieux vagabond») П. Беранже в переводе В. С. Курочкина.

«*Кин, или Гений и беспутство*» — название пьесы французского писателя А. Дюма-отца (1803—1870), изображающей жизнь и похождения известного английского актера Кина (1787—1833).

С. 116. *Яман* — плохо (*тат.*).

С. 118. *Пить будим, гулять будим, смерть пришол — помирать будим!* — Ой пить будем, И

гулять будем, Когда смерть придет — Помирать будем (Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях… Материалы, собранные П. В. Шейном. СПб., 1898. С. 174. Т. I, вып. 1).

Дачники
Сцены

С. 134. *О Марфа, Марфа! Ты печешься о многом…* — Евангелие от Луки, гл. 10, стих 41.

С. 139. «*Я здесь, Инезилья…*» — романс М. И. Глинки на слова А.С. Пушкина (1834).

С. 148—149. «*Лед и снег нетленным саваном…*» — этот текст Горького исполняли на концертах в музыкальном сопровождении П. Ренчицкого (1905), Ф. Боброва (1905), А. Спендиарова (1911).

С. 158. *…как Диоклетиан, капусту садить…* — Гай Аврелий Диоклетиан — римский император (284—305); достигнув успехов в управлении государством, добровольно сложил с себя власть, удалился в свою виллу и занялся садоводством.

С. 170. *Спиноза* — здесь: ловкий танцор (по фамилии танцовщика Большого театра Леона Эспиносы).

С. 174. «*Уже утомившийся день…*» — дуэт А. Г. Рубинштейна (1852) на слова В. А. Жуковского «Ночь» (1823).

С. 176. *…врачу, исцелися сам!* — Евангелие от Луки, гл. 4, стих 23.

С. 179. *Пифагорейцы* — последователи древнегреческого ученого и философа Пифагора (ок. 580—500 г. до н. э.).

С. 184. «*Ты, родная моя матушка…*» — лирическая народная песня.

С. 196. «*На земле весь род людской…*» — ария Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст» по драматической поэме Гете.

С. 200. *…когда идешь к женщине, бери с собой плеть…* — цитата из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

С. 204. *Не суди — да не судим будеши…* — неточная цитата из Евангелия от Матфея, гл. 7, стих 1.

Митральеза — скорострая пушка, стреляющая картечью.

С. 217. «*Я видел море…*» — неточная цитата из стихотворения А. И. Полежаева «Море» (1831).

С. 230. *…заговорила Валаамова…* — выражение, идущее из библейской легенды об ослице Валаама, заговорившей человеческим голосом (Книга Чисел, гл. 22, стихи 27—28).

С. 232—233. «*Осени дыханием гонимы…* — Текст Горького был положен на музыку Ф. Бобровым (1904), Н. Волковым (1909) и др.; на концертах исполнялось под заглавием «Снежинки» как романс или мелодекламация.

